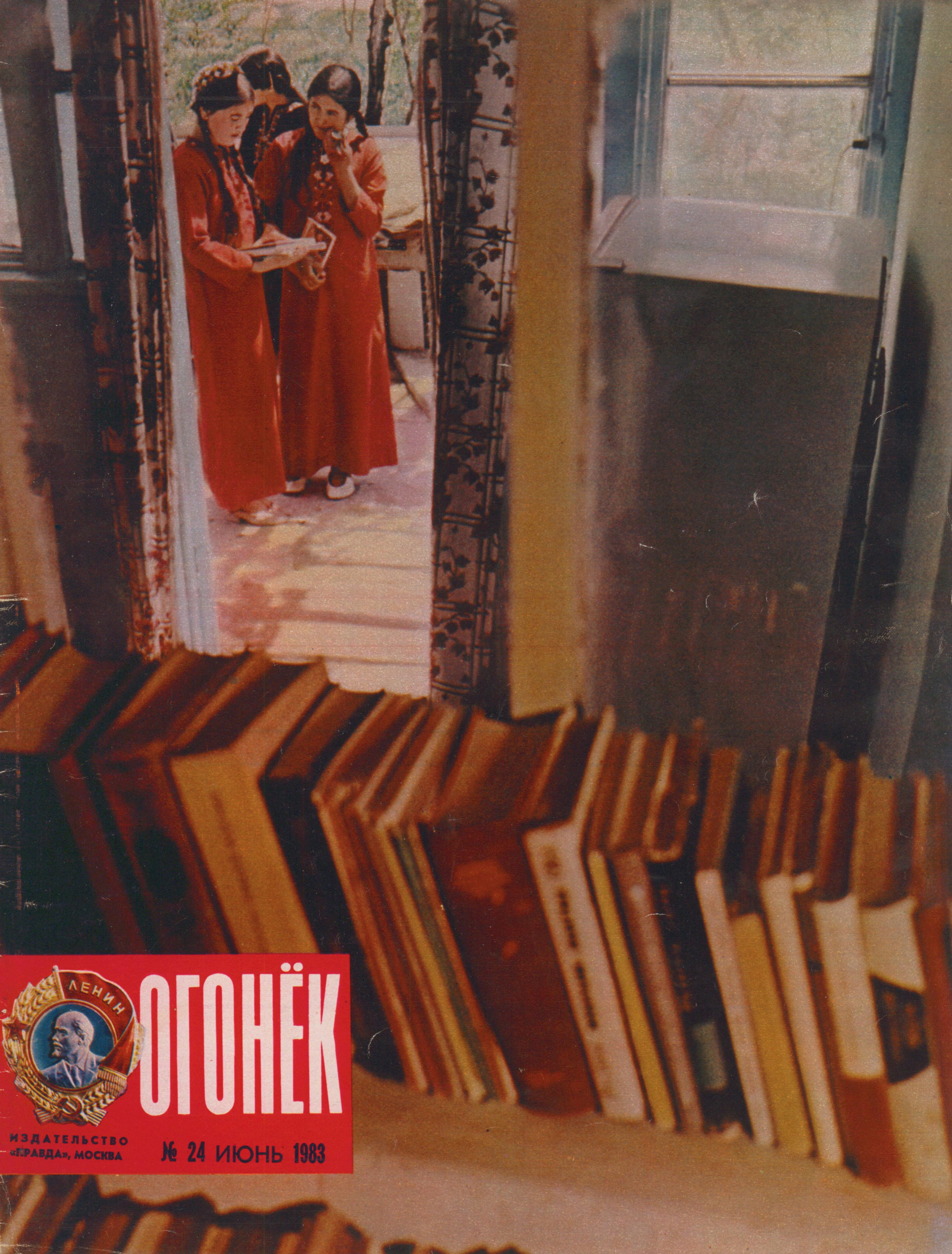
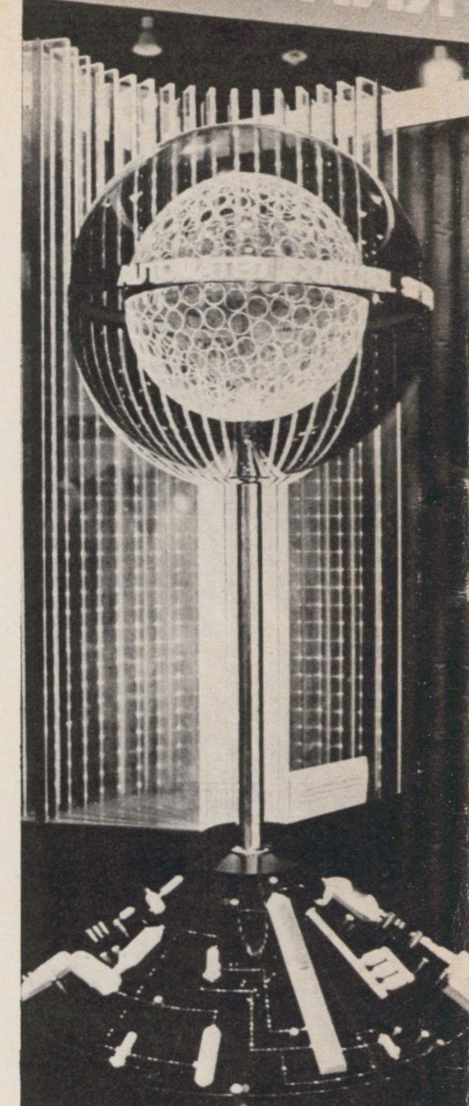
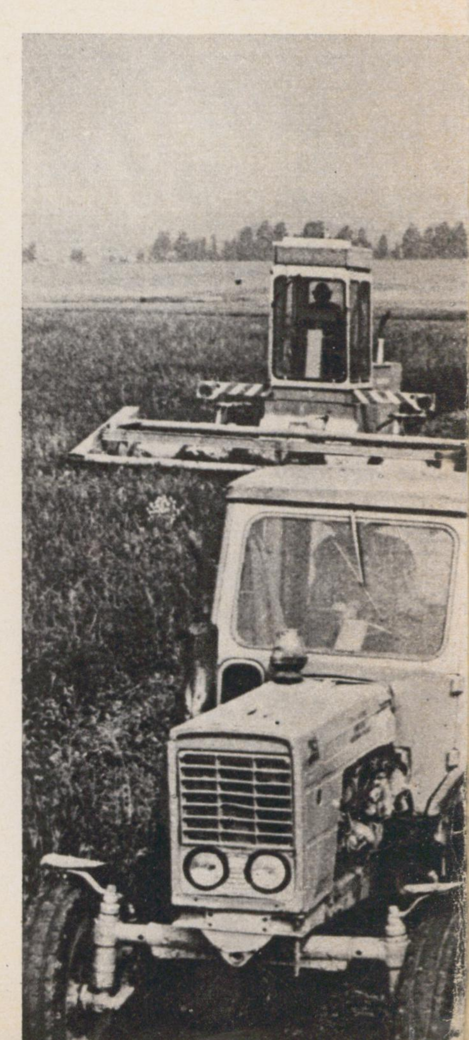

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 24 ИЮНЬ 1983

Один из уголков павильона СССР на международной выставке «Автоматизация-83».

◀ Светлана Шестакова, выпускница 929-й московской школы Тимирязевского района, сдала экзамен на пятерку.

Фото Э. Эттингера

Широко представлены на выставке установки и приборы из ГДР.
Фото И. Тункеля

См. в номере репортаж К. Барыкина «Поговори со мной, компьютер...» — стр. 31.

ФОТО НЕДЕЛИ

В разгаре «зеленая жатва» на полях и лугах Подмосковья.
На снимке: сенокос в колхозе «Большевик», Домодедовского района.

Фото А. Бочинина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 24 (2917)

11 июня 1983

В НОМЕРЕ:

Во время встречи в Кремле.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ВИЗИТ ПРЕЗИДЕНТА ФИНЛЯНДИИ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 6 июня в Москву с официальным визитом прибыл Президент Финляндской Республики Мауно Койвисто.

На Внуковском аэродроме Президента Финляндской Республики М. Койвисто и сопровождающих его премьер-министра К. Сорсу, других высоких гостей встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, другие официальные лица.

В соответствии с установленным протоколом Президента Финляндской Республики М. Койвисто официально встречал в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов. Он тепло приветствовал Президента Финляндской Республики, а также сопровождающих его официальных лиц.

После официальной встречи в Кремле состоялась краткая беседа Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова с Президентом Финляндской Республики Мауно Койвисто.

6 июня в Кремле состоялись советско-финляндские переговоры.

В переговорах приняли участие: с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев, посол СССР в Финляндской Республике В. М. Соболев;

с финляндской стороны — Президент Финляндской Республики М. Койвисто, премьер-министр К. Сорса, министр иностранных дел П. Вяюрюнен, министр внешней торговли Е. Лайне, государственный секретарь МИД Финляндии М. Туовинен, посол Финляндской Республики в СССР А. Кархило.

В ходе переговоров, проходивших в обстановке дружбы и взаимопонимания, были рассмотрены вопросы развития советско-финляндских отношений. Значительное внимание было уделено обсуждению актуальных международных проблем.

6 июня в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание советско-финляндских документов.

При подписании присутствовали: с советской стороны — Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, другие официальные лица;

с финляндской стороны — Президент Финляндской Республики М. Койвисто, сопровождающие его государственные и политические деятели, представители деловых кругов.

Протокол между СССР и Финляндской Республикой о продлении срока действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года подписали член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и министр иностранных дел Финляндии П. Вяюрюнен.

Протокол о сотрудничестве Советского Союза и Финляндии в области сельского хозяйства и производства продуктов питания подписали министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев и министр внешней торговли Финляндии Е. Лайне.

Во время переговоров.

Фото А. Гостева

Во время подписания советско-финляндских документов.

Во время беседы.
Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ПРИЕМ Ю. В. АНДРОПОВЫМ А. и П. ГАРРИМАН

2 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов принял видных американских политических и общественных деятелей Аверелла Гарримана и его супругу Памелу Гарриман.

В состоявшейся беседе Ю. В. Андропов отметил, что в Советском Союзе помнят о плодотворной деятельности А. Гарримана на посту посла США в Москве 40 лет тому назад. Тогда наши страны были союзниками, совместно защищали мир от фашистской угрозы. Сегодня у советских людей и американцев тоже есть общий враг — угроза войны, несравнимой по своим разрушительным последствиям с пережитой.

Казалось бы, сознание этой опасности и должно быть общим знаменателем, побуждающим государственных деятелей СССР и США к обоюдной сдержанности и способным стать основой общих усилий найти взаимоприемлемые договоренности, чтобы не произошло непоправимого. К сожалению, сказал Ю. В. Андропов, такого ответственного подхода со стороны нынешней американской администрации мы не видим. Политика, преследующая цель достичь военного превосходства над Советским Союзом и диктовать ему свои условия, бесперспективна. Она лишь перечеркивает то позитивное, что было достигнуто ранее в отношениях между СССР и США, и подрывает основы доверия между ними. В результате сложилась обстановка, которая не может не вызывать тревогу.

Супруги Гарриман выразили озабоченность нынешним состоянием советско-американских отношений и высказались за их нормализацию в интересах народов обеих стран, во имя укрепления мира. Они выразили благодарность за прием, оказанный им в Советском Союзе.

На беседе присутствовал помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров.

НАШ ВЗГЛЯД

Сергей ЛОСЕВ

СГОВОР В ВИЛЬЯМСБЕРГЕ

В дни вильямсбергской встречи руководителей семи крупнейших капиталистических держав — США, Англии, Франции, ФРГ, Италии, Канады и Японии — в некоторых западных газетах появилась едкая карикатура, где президент США обращался к участникам совещания со словами: «Давайте договоримся не затрагивать проблем торговли, давайте договоримся не касаться проблем высоких учетных ставок банковского процента, давайте договоримся не обсуждать вопрос нынешних обменных курсов валют. В этом случае мы можем сказать остальному миру, что мы достигли согласия во всем».

Сейчас, когда встреча осталась позади, можно с уверенностью сказать, что совещание в Вильямсберге, объявленной целью которого было исключительно рассмотрение проблем экономики и финансов, не только не приняло, но даже не предложило никаких практических мер преодоления экономического спада, безудержной инфляции и 35-миллионной безработицы, урегулирования глубоких торгово-финансовых разногласий между западными державами. Да, собственно говоря, Соединенные Штаты, как организатор встречи и не ставили перед ней подобную задачу.

Бездействие на этом фронте устраивает США, потому что при существующем положении Америка сохраняет возможность перекладывать на плечи партнеров бремя своих собственных трудностей путем поддерживания искусственно завышенного курса доллара и сохранения непомерных ставок банковского процента, вызывающих отток в США капиталов из других западных государств, в то время как они сами нуждаются в средствах для оживления своего хозяйства.

По словам канцлера ФРГ Г. Коля, «Соединенные Штаты оказались на совещании в изоляции при обсуждении вопроса о крупных дефицитах федерального бюджета США», который, как известно, порожден колоссальными военными расходами и превысит в 1983 финансовом году 200 миллиардов долларов. Все остальные участники встречи настаивали на снижении высокой учетной ставки банковского процента и завышенного курса доллара, а британский министр финансов Дж. Хау даже заявил, что продолжение нынешней политики США грозит «удушением экономики» западноевропейских стран.

Вашингтон тем не менее предпочел игнорировать эти требования союзников. Более того, не успели высохнуть чернила на подписанной в Вильямсберге экономической декларации участников встречи, как американская администрация предприняла ряд шагов, идущих вразрез с выраженными в декларации благими пожеланиями.

Совещание закрепило линию на продолжение хищнической эксплуатации Западом развивающихся стран, на использование кабальной финансовой задолженности этих стран банкам «семерки» в интересах оказания на них бесцеремонного давления, чтобы сбить их с антиимпериалистических позиций и претворить в жизнь давно обанкротившийся лозунг Даллеса: «Движение неприсоединения аморально».

Если вильямсбергская встреча и войдет в историю, то лишь как совещание, создавшее реальную угрозу интересам поддержания международной безопасности.

Стремясь отодвинуть на задний план невыгодную для Соединенных Штатов тему экономических разногласий, американская делегация применила отвлекающий маневр и навязала союзникам совместное заявление по военно-политическим вопросам, где выражена поддержка опасного курса администрации Р. Рейгана на материальную подготовку к войне — безудержную гонку ракетно-ядерных вооружений как в Европе, так и в глобальных масштабах.

И хотя на встрече отдельные ее участники, в частности Трюдо, Коль и Миттеран, просили президента США не доводить своей политикой дело до настоящей военной конфронтации со странами Варшавского Договора, весь смысл вильямсбергского сговора сводится к усугублению опасности подобного противоборства.

Сейчас Белый дом постфактум подбрасывает общественности дезинформацию, будто совместное заявление появилось спонтанно, родилось-де внезапно в ходе самого совещания в ответ на «советские угрозы». В действительности, как отмечает «Вашингтон пост», проект совместного заявления из семи параграфов Белый дом обсуждал с союзниками еще за три недели до совещания, капитуляция перед милитаристскими установками американской администрации была предрешена.

Заявление полностью игнорирует страстный призыв народов вернуться на путь разрядки. Авторы заявления подтвердили решение Пентагона во что бы то ни стало начать с конца этого года размещение в Западной Европе новых американских ракет «Першинг-2» и крылатых ракет. «У нас есть график развертывания, и мы намерены придерживаться его»,— заявил Рейган. В то же время участники совещания категорически выступили против учета английских и французских ядерных сил при решении вопроса об ограничении ядерных вооружений в Европе, утверждая, что «рассмотрению этих систем нет места на переговорах» в Женеве.

Обращает на себя внимание, что враждебный делу мира милитаристский документ подписали Франция, не входящая в военную структуру НАТО, и Япония, вообще не имеющая отношения к Североатлантическому договору. Впервые руководители «семерки» приняли тезис о «неделимости безопасности» западных стран, обозначив опасную тенденцию вовлечения в глобальные авантюры США, включающие районы, не входящие в так называемую «сферу ответственности» НАТО. В Токио, по-видимому, начинают забывать, к каким печальным последствиям привело однажды подключение милитаристской Японии к агрессивным «треугольникам» и «осям».

Ввиду возрастания угрозы для безопасности СССР и его союзников, указывается в Заявлении Советского правительства, Советский Союз поставлен перед необходимостью принять ответные меры по укреплению своей обороноспособности.

Планы Рейгана и иных поджигателей войны могут и должны быть сорваны.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ДОРОГОЙ СОЦИАЛИЗМА

Во Франции массовым тиражом в серии «Марксизм-ленинизм» издана книга «Дорогой социализма», в которую вошли печатные труды, речи и выступления Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова. Книга выпущена известным издательством «Пергамон пресс Франс».

Книга открывается статьей Ю. В. Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». Французскому читателю предлагаются также наиболее важные выступления Ю. В. Андропова начиная с 1964 года, в том числе доклады на ноябрьском (1982 года) Пленуме ЦК КПСС и на торжественном заседании в Кремле по случаю 60-летия образования СССР, ответы на вопросы корреспондента «Правды», опубликованные 2 февраля и 27 марта 1983 года.

Выход во Франции книги «Дорогой социализма» имеет очень важное значение, сказал в беседе с корреспондентом ТАСС президент — генеральный директор «Пергамон пресс Франс» Жан Максвелл. Французы, как и жители других франкоязычных стран, хотели бы как можно лучше познакомиться с трудами и выступлениями советского руководителя.

Читатели книги «Дорогой социализма» найдут в ней конкретные ответы на вопросы, касающиеся внешней и внутренней политики СССР, новые аргументы в поддержку своих мирных требований. Книга заинтересует и тех, кто хочет узнать больше о жизни Советского Союза, его народа. Уверен, что им будет интересно прочитать отчет о встрече Ю. В. Андропова с московскими станкостроителями. Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза приехал на завод, чтобы откровенно поговорить с рабочими, техниками и инженерами о проблемах, которые волнуют их сегодня. Эта встреча, по-моему, хорошо показывает стиль работы советского партийного руководителя.

ГОЛОСА ТРУДОВОЙ

21 мая теплоход «Михаил Калинин» вышел из Ленинграда и направился в города семи стран, расположенных по берегам Балтики. 31 мая он вернулся в Таллин и привез на борту профсоюзные делегации этих стран, а также делегации Норвегии и Исландии. Таллин был готов к проведению XXIV рабочей конференции стран Балтики, Норвегии и Исландии и встретил прибывших оркестром и цветами. Гости сошли на берег, держа в руках флажки своих государств, и чувствовалось, что за десять дней совместного рейса они успели сдружиться. На берегу они развернули красные полотнища лозунгов, и мы увидели начертанные на разных языках слова: «Балтика должна быть морем мира», «Нет — войне!», «Да здравствуют мир и дружба!», «Долой гонку вооружений!».

В день приезда, растроганные сердечным приемом эстонцев, гости отправились в трудовые коллективы Таллина и его окрестностей. Мы оказались в автобусе с делегацией ФРГ, приглашенной профсоюзной организацией совхоза «Ранна». Вдоль дороги проплывали густые зеленые хлеба, белые хозяйственные строения, нарядные поселки в цветении яблонь и сирени. Хозяева рассказали гостям о своем труде и достижениях. Врезались в сердце слова архитектора совхоза Уно Кивика:

— Мы, люди старшего поколения, не можем забыть ужасов минувшей войны. Долгие годы мы восстанавливали разрушенное, создавали новую жизнь. Эти поля, хозяйственные здания, сотни жилых домов. Мы дорожим и гордимся нашим трудом. Неужели все это может быть уничтожено снова?!

Гости пристрастно расспрашивали о многом: одинаково ли оплачивается труд женщин и мужчин? Продолжителен ли рабочий день? Как отдыхают рабочие совхоза? Сколько стоит в месяц содержание ребенка в детском саду?

— Шесть рублей,— ответил на последний вопрос директор совхоза Рихард Мартинсон.

— Это много или мало? — спросили женщины из ФРГ.

— По-моему, чисто символическая сумма,— ответил директор.— Средний заработок рабочих совхоза составляет 247 рублей в месяц...

1 июня — в Международный день защиты детей — начались заседания XXIV рабочей конференции. Их ждали с волнением: одним надо было высказаться, другим — выслушать. Доверие и взаимопонимание, дружба и уважение, доброжелательность и страстное стремление сохранить мир — так можно определить дух встречи людей, населяющих берега Балтийского моря.

— После того, как американская администрация объявила о намерении разместить в Европе новые ракеты, у нас в ФРГ резко активизировалась борьба против гонки вооружений,— рассказывала с трибуны член правления профсоюза полиграфистов в западногерманском городе Ганновере Гертруда Буше.— Демонстрации трудящихся против размещения ракет были беспрецедентно многолюдными, в них участвовало по 300—600 тысяч человек. Мы будем продолжать антивоенную работу и добиваться обстановки, при которой размещение ракет стало бы невозможным.

...— Что вы могли бы рассказать о вашей личной работе для сохранения мира? — спросили мы руководителя делегации ФРГ, вице-председателя Постоянного комитета рабочих конференций, члена правления профсоюза полиграфистов округа Любек Герда Зиберта.

— Я журналист,— ответил он,— и считаю свою профессию одной из важнейших в деле сохранения мира. Десять лет я участвую в деятельности рабочих конференций и выступаю в разных печат-

ЖЕНЩИНЫ КАЛИФОРНИИ

В Соединенных Штатах ширится движение сторонников мира, охватывая все новые и новые слои американской общественности, которая отчетливо начинает понимать глубочайшую опасность курса администрации Рейгана на подстегивание гонки вооружений, подготовку к ядерной войне.

Снискавший себе славу «бунтарского» со времен массовых выступлений против агрессии США во Вьетнаме, вновь бурлит штат Калифорния. Вызов авантюристической, антинародной политике официального Вашингтона бросает родной штат нынешнего хозяина Белого дома. Одним из боевых отрядов антивоенного движения являются женщины Калифорнии.

«Женщины, боритесь за мир!» — движение под таким названием возникло здесь и в ряде других штатов страны еще в 1961 году. Тогда группа домохозяек во главе с Дагмер Уилсон выступила против гонки ядерных вооружений, возобновления испытаний ядерного оружия и строительства бомбоубежищ.

«С самого начала своей деятельности мы уделяем первостепенное внимание вопросам укрепления советско-американских отношений,— говорит национальный председатель организации «Женщины, боритесь за мир!» Этель Тэйлор.— Мы хорошо понимаем, что от их состояния во многом зависит международный политический климат. Мы стремимся крепить контакты с Комитетом советских женщин, обмениваться информацией и делегациями. У нас общая цель — обеспечить мирное будущее нашим детям».

В июне 1981 года сан-францисское отделение организации «Женщины, боритесь за мир!» направило в адрес Белого дома петицию с требованием наладить деловой и конструктивный диалог с Советским Союзом, направленный на обуздание гонки вооружений, положительно откликнуться на советские мирные инициативы. В это же время от имени женщин Калифорнии Э. Тэйлор опубликовала открытое письмо президенту Рейгану, в котором призвала его отказаться от производства нейтронного оружия. «Оружие это чудовищно. Его производство еще более подтолкнет мир к пропасти ядерной катастрофы»,— говорилось в письме.

Отделения организации «Женщины, боритесь за мир!» в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Беркли и других городах Калифорнии выступили с заявлением, осуждающим планы размещения в Западной Европе новых американских ядерных ракет средней дальности. В документе подчеркивалось, что так называемый «нулевой вариант» президента Рейгана — это лишь пропагандистская уловка, преследующая цель сбить волну антиамериканских выступлений на европейском континенте. Вполне очевидно, что для Советского Союза эти условия неприемлемы и он не пойдет на одностороннее разоружение, отмечалось в заявлении. «Выдвинутая Рейганом программа не имеет ничего общего с подлинным контролем над ядерными вооружениями и нацелена на получение односторонних преимуществ. Это неприкрытая попытка добиться военного превосходства США над Советским Союзом».

Одна из главных задач, которую ставит перед собой организация,— активизация кампании в поддержку инициативы о немедленном замораживании дальней-

БАЛТИКИ

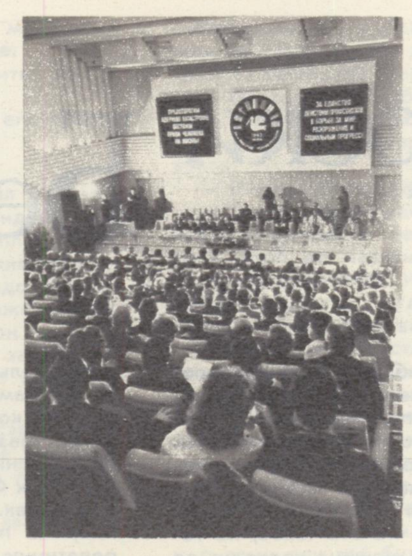
ных органах ФРГ с публикациями против антисоветизма и антикоммунизма. Наш профсоюз призывает к таким выступлениям всех коллег. Этот призыв был опубликован в газетах, мы собрали под ним многие сотни подписей. Не все журналисты пока подписали призыв, но среди подписавшихся — крупные, известные в ФРГ публицисты.

Секретарь Всемирной федерации профсоюзов Ян Немоудри сказал в своем выступлении:

— Всемирная федерация профсоюзов объединяет 206 миллионов трудящихся всех континентов мира, стран с разным политическим строем. Она была рождена волей трудящихся после разгрома фашизма, унесшего жизни более 50 миллионов человек. И сегодня, когда в современном мире каждую минуту тратится около миллиона долларов на создание все новых и новых видов оружия, все больше трудящихся встает в ряды борцов за мир. Около 250 городов и местностей Западной Европы внесли предложение объявить себя безъядерной зоной...

Один за другим выходят на трибуну представители рабочего класса, металлурги и докеры, требуют прекращения гонки вооружений и поддержки мирных инициатив Советского государства. Собравшиеся принимают Заявление XXIV рабочей конференции о сохранении мира.

Н. ХРАБРОВА

Заседание XXIV рабочей конференции стран Балтийского моря, Норвегии и Исландии.

Фото В. Сальмре

В БОРЬБЕ ЗА МИР

шего. производства, испытаний и развертывания ядерного оружия. Под петицией в поддержку этой инициативы поставили свои подписи свыше 200 тысяч калифорнийских женщин.

Широкий положительный отклик у участниц движения за мир находят мирные предложения Советского Союза. «Обязательство СССР не применять первым ядерное оружие, готовность его пойти на взаимное замораживание ядерных арсеналов в полной мере отвечают интересам и чаяниям народов всех стран и континентов,— сказала в беседе со мною председатель отделения организации «Женщины, боритесь за мир!» Восточного побережья Сан-Франциско Эдит Лауб.— Советские мирные инициативы свидетельствуют об искренней заинтересованности СССР в обуздании гонки вооружений, устранении опасности ядерной войны, улучшении международного политического климата. Главная проблема современности, — подчеркнула она,— сохранение и упрочение мира, устранение опасности термоядерной катастрофы. Мы, женщины, полны решимости сделать все, чтобы рассеять нависшие над человечеством тучи войны, чтобы над нашими детьми всегда было мирное небо».

Б. ЮЖИН,
корреспондент ТАСС,
специально для «Огонька»

Сан-Франциско — Москва.

На снимке:
Арест прикованной к инвалидной коляске участницы антивоенной демонстрации в Ливерморе (штат Калифорния).

Фото АП — ТАСС

Лилита БЕРЗИНЬ (Лилия Давыдовна Приеде-Берзиня)

Советское театральное искусство понесло тяжелую утрату. 27 мая 1983 года на 80-м году жизни после продолжительной болезни скончалась выдающаяся артистка театра и кино, член КПСС, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР и Латвийской ССР, народная артистка СССР Лилита Берзинь (Лилия Давыдовна Приеде-Берзиня).

Ушла из жизни актриса, внесшая большой вклад в развитие советского многонационального искусства, которому она отдала свой яркий самобытный талант.

Лилита Берзинь родилась в 1903 году в г. Риге. Вся ее творческая жизнь была неразрывно связана с Художественным академическим театром имени Я. Райниса Латвийской ССР, на сцене которого она в течение 60 лет создала галерею запоминающихся образов в произведениях отечественной и зарубежной драматургии.

Творчество Лилиты Берзинь было проникнуто высокими идеями партийности и народности, жизненной правдой, глубоким человеческим обаянием. Ее искусство всегда было близко и понятно миллионам зрителей, оно стало ярким свидетельством интернациональной сущности советского театра и кино.

Взыскательный художник, коммунист Лилита Берзинь много сил и энергии отдавала общественно-политической деятельности. Она избиралась членом ЦК Компартии Латвии, депутатом Верховного Совета Латвийской ССР, долгие годы была председателем правления театрального общества Латвийской ССР, членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР. До последних дней своей жизни Лилита Берзинь активно участвовала в работе художественного совета Театра имени Я. Райниса. Она щедро делилась своим богатым жизненным и творческим опытом с театральной молодежью.

Коммунистическая партия, Советское правительство высоко оценили заслуги Лилиты Берзинь. Она была удостоена высокого звания Героя Социалистического Труда, награждена тремя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, ей присуждены Государственные премии СССР и Латвийской ССР.

Все свое творчество, всю свою жизнь Лилита Берзинь отдала служению советскому народу.

Лилия Давыдовна Приеде-Берзиня, замечательный мастер театра и кино, человек исключительной скромности и душевного богатства, подлинный патриот социалистической Родины, навсегда останется в нашей памяти.

Ю. В. Андропов, Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, М. В. Зимянин, А. Э. Восс, П. Я. Страутманис, Ю. Я. Рубэн, С. Г. Лапин, Б. И. Стукалин, В. Ф. Шауро, Г. М. Марков, Ф. Т. Ермаш, Л. А. Кулиджанов, Т. Н. Хренников, И. А. Андерсон, В. И. Анджапаридзе, В. Ф. Артмане, Ю. Я. Барабаш, В. Г. Блохин, Я. Я. Вагрис, О. Н. Ефремов, Е. Н. Гоголева, А. А. Гончаров, И. О. Горбачев, А. П. Григулис, В. И. Дмитриев, И. В. Ильинский, В. М. Круминь, В. И. Каупуж, В. М. Лине, А. А. Лининь, М. В. Пашков, Н. А. Пономарев, Э. Я. Радзиня, А. В. Романов, К. К. Себрис, Е. Р. Симонов, А. И. Степанова, Г. А. Товстоногов, З. П. Туманова, Н. М. Ужвий, Л. Э. Фреймане, М. И. Царев.

Рисунок А. ЛУРЬЕ

Михаил ДОМОГАЦКИХ

Южнее реки Бенхай

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

О готовящейся карательной акции с применением сильнодействующих дефолиантов Фам Лань узнал менее чем за двое суток до ее осуществления. Надо было немедленно поставить в известность об этом главное командование сил национального освобождения, а связной оттуда придет только через четыре дня. Необходимо также предупредить своих людей в общине Фафьонг, какая смертельная опасность грозит двум с лишним тысячам ее жителей. Пусть организуют самооборону, попытаются остановить карателей на дальних подступах к общине — минируют дорогу через заболоченный лес, поставят на ней самострелы, оборудуют ловушками.

Но до Фафьонга тридцать километров. Если он сам отправится туда, кого послать на связь с главкомом? Нгуен Куока? Нет, это невозможно. Его внезапное исчезновение с базы на целые сутки, а может быть, и более продолжительный срок не останется незамеченным. После такой отлучки Нгуен Куок уже не сможет возвратиться в Фусань. Придется открыться Дьему и попросить помощи у него.

Был четвертый час ночи, настоятель наверняка уже на утренней молитве перед алтарем благодетельной Куанэм. Надо перехватить его после молитвы...

Через час, выходя из алтаря, Дьем заметил Фам Ланя, одиноко сидевшего возле пагоды.

— Что привело вас в такое время ко мне, уважаемый Лань? — спросил настоятель.

— Меня, преподобный, одолевает тревога за человеческие судьбы.

— Судьбами людей распоряжается мудрое небо. Оно постоянно напоминает нам об этом, но многие стали глухи к его напоминаниям. И небо, уважаемый Фам Лань, наказывает нас за такую гордыню. Оно посылает на землю стихийные силы, чтобы человек убедился в своей слабости...

Настоятель был явно настроен на философскую беседу, а Фам Лань, обычно не уклонявшийся от таких бесед, на этот раз дал понять преподобному, что сейчас ему не до рассуждений на отвлеченные темы.

— Человечеству грозят не только стихийные бедствия, ниспосланные с неба, но и напасти другого рода, уготованные существами земными,— сухо ответил он.

— Молиться надо больше. Молитва приносит успокоение и ограждает от напастей злых сил земли.

— Люди, о которых я тревожусь, преподобный, уже не смогут оградить себя молитвой от этих злых сил. Они обречены, если будут в неведении и не примут мер, чтобы защитить себя иными средствами.

— Я не очень хорошо понимаю вас, уважаемый Фам Лань. Давайте пройдем в мою келью и выпьем по чашечке чая. Чай открывает двери взаимопонимания...

Сидя уже за чайным столиком, Фам Лань спросил:

— Преподобный Дьем, вы ведь знаете общину Фафьонг?

— Как же мне ее не знать? Там живут мои родственники,— последовал ответ настоятеля.

— Вот потому я и решился просить вас помочь мне, а заодно и вашим родственникам.

— Что будет в моих силах — сделаю,— пообещал Дьем.

— У меня нет времени и возможности самому отправиться в Фафьонг и предупредить жителей, что послезавтра выйдет с базы смешанный американо-вьетнамский карательный отряд, чтобы наказать общину якобы за помощь Вьетконгу. Вы можете себе представить, что там будет, если это поручат майору Тхао?

— О святое небо! — воскликнул настоятель.

— Скажу еще, преподобный: в Фафьонг отправятся специальные машины для разрушения домов. Американцы называют их «римским плугом». Не знаю, что это такое, но говорят, будто когда такая машина проходит по джунглям, там не остается ничего — все вминается в плотно укатанную землю.

— Как же я могу помочь спасению от такой беды, уважаемый Фам Лань?

— Дайте мне надежного человека, которого можно послать в Фафьонг с предупреждением. Сам я должен успеть в другое место, над которым висит еще более тяжелый и острый топор.

— Что может быть тяжелее уготованного Фафьонгу?

— Яды, преподобный Дьем, страшные яды.

— Вы хотите сказать, что американцы будут травить людей?

— Они будут травить лес, в котором укрываются несогласные с ними и сайгонскими властями.

— То есть те, кого называют Вьетконгом?

— Да, преподобный.

— Как же вы пойдете к Вьетконгу, если?..

Дьем не закончил своего вопроса, но Фам Лань понял его. Однако от ответа воздержался. Возникла недолгая пауза, после которой Дьем сказал:

— Если вы связаны с Вьетконгом, не мне вас осуждать и не мне отказывать вам в помощи. Я дам надежного человека, твердого в вере и мудрости в делах земных.

— Только сделайте так, чтобы никто не узнал ни о моей просьбе, ни о вашем согласии помочь. Этим вы сохраните жизнь и мне, и себе, и многим другим добрым людям.

— Обещаю сделать так, но позвольте задать вам еще один вопрос.

— Пожалуйста, преподобный.

— Скажите, Нгуен Куок думает так же, как и вы?

Фам Лань не знал, как ответить, чтобы не повредить другу.

— Вы не бойтесь сказать правду, Фам Лань,— подсказал Дьем просительно.

— Да, преподобный,— произнес наконец Фам Лань.— Нгуен Куок уже спас жизнь очень многим людям, хотя сам все время ходит рядом со смертельной опасностью.

— Я догадывался,— грустно молвил настоятель и покинул келью, предупредив Фам Ланя, что нужный ему человек придет сюда.

Он явился через несколько минут. Довольно молодой, в желтом одеянии буддийского монаха. Сказал бесстрастным, тихим голосом:

— Преподобный Дьем прислал меня к вам для выполнения какого-то поручения.

Так же бесстрастно монах выслушал, кому и что он должен передать в общине Фафьонг. Его внешнее безразличие ко всему несколько даже встревожило Фам Ланя. На всякий случай спросил:

— Все ли для вас ясно?

В ответ монах повторил слово в слово все, что было сказано ему. Чувствовалась незаурядная школа, долгая и упорная тренировка в дословном запоминании текстов священного писания.

Распрощавшись с ним уже перед восходом солнца, Фам Лань взял на плечи коромысло с двумя корзинами и сам отправился в неблизкий путь, в сторону гор, казавшихся совсем пустынными.

Карательный отряд выступил в поход, как было намечено,— на рассвете следующего дня. Несколькими часами раньше, урча моторами, базу покинули два «Катерпиллера» с привинченными к ним массивными ножами. На пути их к Фафьонгу лежало несколько мелких деревенек. Там предстояло «опробовать технику» и провести своего рода генеральную репетицию страшной драмы, уготованной для общины Фафьонг.

В деревеньку под названием Тёмой каратели нагрянули часам к десяти. Было жарко. Солдаты ворчали:

— Посылают пешком по такому пеклу. Будто вертолетов на базе мало...

Капитан Джерри Торн, советник при вьетнамском батальоне особого назначения, повалился на выстланные в маленьком дворике для просушки недавно сжатые стебли риса. Сделал несколько глотков из алюминиевой фляжки и подозвал к себе капрала по прозвищу Бронко-негр, хотя тот был белым, а вернее, смуглолицым выходцем из Сицилии.

— Что-то, парень, я не видел тебя на базе. Откуда ты привел свою команду?

Польщенный вниманием, капрал раздвинул в улыбке свой большой рот, охотно вступил в беседу:

— О сэр, мы еще неделю назад были в дельте Меконга. Там не то, что здесь,— есть где разгуляться. Вьетконговцы просто кишмя кишат, а ведь за каждого убитого платят по десять баков[1]. Чтобы лишнего не переплачивать и нас не оставить в убытке, нам приказали отрезать убитым уши. Сколько бы ни принес ушей, за каждую пару — по десяти зелененьких. И знаете, сэр,— всхохотнул капрал,— нашлись такие ловкачи, что даже у живых стали отрезать уши.

— А к чему это вы у себя на спинах намалевали какую-то гадость? Что означает надпись «Грязная дюжина»? — поинтересовался капитан.— Надо же такое придумать!

— Работу выполняем самую грязную, вот и придумали. Нашему взводному, лейтенанту Дэвису, это почему-то не понравилось — приказал смыть надписи. Но на другой день он был убит, мы пожалели об этом — хороший был офицер, а приказания его все же не выполнили. Надписи так и остались на наших спинах. К нам никто уже не придирался за них. Вы первый после Дэвиса назвали их дрянью.

— Почему после Дэвиса? — обиделся капитан.— Ваш Дэвис был, наверное, сосунком, а у меня, парень, эта война третья, и, скажу тебе по секрету, не самая худшая.

— Неужто бывают войны хуже этой? — усомнился капрал.

— Бывают, парень. Ты представить себе не можешь, каково было воевать в России. Я ведь там провел первую свою войну — тоже на партизан охотился.

— Как так? — удивился капрал.— Мы же тогда были вместе с Россией.

— Это вы, американцы, были вместе, а я верой и правдой служил Гитлеру... Потом воевал в Корее, а теперь вот и здесь повоевать довелось. Так что это у меня уже третья война... На, хлебни, капрал, в знак солдатской дружбы. Только не все, оставь мне.

Бронко-негр сделал несколько глотков из его фляги и, возвращая ее, спросил:

— Давно вы тут, сэр?

— Третий срок, капрал, но чувствую, что запас прочности кончается. Раньше сам командовал ротой, а теперь вот советником у обезьяны.

— У кого? — переспросил Бронко.

Полностью роман опубликован в журнале «Знамя» №№ 3—5 за этот год.

[1] Бак — жаргонное название доллара.

— У майора Тхао. Он ненавидит меня, я — его. Наверное, пристрелю в суматохе.

— Зачем же вы об этом говорите? Могут передать ему.

— А он и без того знает, что я его пристрелю.

— Вы устали, сэр.

— Чертовски устал. Когда приехал на базу, думал: тут-то уж отдохну. А вот видишь, какой отдых. Дядя Сэм денег зря не платит. Даже за убитых вьетконговцев расплачивается по предъявлении срезанных ушей. Надо же такое придумать! Этого, кажется, даже в вермахте не было... Все! — выкрикнул он пьяно.— С меня хватит. Я уже достаточно заработал. Это моя последняя операция. Но обезьяну Тхао все-таки пристрелю.

— Он вам чем-нибудь навредил, сэр?

— Чего?! Да он бы в таком случае уже давно отправился на тот свет. Просто мне противно на него смотреть.

Где-то позади хижины раздалась автоматная очередь.

— Что там происходит? — крикнул капитан.

— Кажется, обнаружили вьетконговцев,— ответил проходивший мимо командир взвода.

Капитан направился вслед за ним и увидел возле хижины нескольких убитых.

— Кто такие? — спросил он оказавшегося здесь солдата из «Грязной дюжины».

— Коммунисты. Пытались спрятаться,— ответил тот.

— Ну, тогда все правильно,— подвел итог капитан и, чуть отойдя, присел у кокосовой пальмы, надвинул на глаза каску, погрузился в дрему. Из этого состояния его вывел старческий умоляющий голос.

— Бинь! — крикнул капитан.— Где ты запропастился?

Переводчик выскочил из хижины, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— Опять шастал по чужим горшкам? — проворчал капитан.— Когда-нибудь тебя отравят. Что скрипит эта развалина? — кивнул он в сторону старика.— И чего твои земляки развесили перед ним уши?

Переводчик прислушался.

— Пропаганда, сэр. Коммунистическая пропаганда.

Старик с длинным седым и редким клинышком бороды, с натруженными руками и лицом, изборожденным глубокими морщинами, похожим на кору старого дерева, говорил с солдатами из батальона Тхао:

— Вы хорошие ребята. Вижу, что вы хорошие, только исковеркали вам души злые, чужие люди... Вы, наверное, неплохо зарабатываете?

— Ничего, отец,— отозвался один из солдат.

— Так вот послушайте меня, старика. Получая заработанные деньги, откладывайте на гроб, чтоб не наваливать потом эту тяжесть на плечи родителей. И для своих семей откладывайте деньги. Когда вас убьют или искалечат, кто поможет вашим семьям?

— Что он мелет, старый пень! — возмутился появившийся опять командир взвода.— А ну прекрати, старик, свою подлую пропаганду!

— Не надо на меня кричать,— спокойно произнес старик,— меня не испугаешь. Самое страшное у меня уже позади. Знаете, ребята, имел я двух сыновей. Точно таких же, как вы. Хорошие были ребята! Взяли их в армию, и через несколько месяцев они погибли. Вот и с вами так же будет. Бросьте вы, ребята, это дело. Ничего в нем...

Он не успел договорить — на него налетел майор Тхао:

— Ты что это болтаешь? Кто тебя научил?

— Жизнь меня научила, начальник, кто же еще?

Майор потянулся к кобуре пистолета. Солдаты зароптали.

— Вы что же, с ним заодно? — заорал майор.

— Оставьте его, ребята,— сказал старик.— Он забыл, какою матерью рожден. А вы не забывайте об этом. Когда вам прикажут стрелять в людей, подумайте, не в родную ли мать целитесь, не отца ли хотите прикончить.

Майор нервно выхватил пистолет и выпустил в старика несколько пуль. Тот ойкнул жалобно и упал на землю. Солдаты загалдели. Тхао, насупившись, пригрозил им:

— Перестреляю и вас, прихвостни Вьетконга! Выродки!.. Молчать!..

Капитан Джерри Торн, сдвинув каску на затылок, наблюдал всю эту сцену с презрительной гримасой на лице. Но тут же пьяно пробормотал:

— А ведь прав этот обезьяний выкидыш. С такими подлецами только так и надо разговаривать. Какие они вояки? Их всех нужно на перекладину. Но эту обезьяну я тоже убью. Понял, Бинь? Убью...

Переводчик отмолчался. Тогда капитан кликнул понравившегося ему капрала из «Грязной дюжины»:

— Эй, капрал! Подойди на минуту.

Бронко-негр подошел.

— Будешь в бою — смотри за этим сбродом, дружок. Они могут любого из нас и предать и убить. Смотри в оба!

— У меня есть свой командир, капитан,— ответил капрал.— Что творится в вашем приходе, меня не касается...

Километрах в семи от Фафыонга сводный карательный отряд поджидали бульдозеры.

— В чем дело, ребята? — спросил «римских пахарей» командир отряда майор Коттман.

— Постреливают, сэр, нужна ваша поддержка.

— Хорошо, поддержим. Двигайтесь вперед. Мы за вами...

Километра через два один из бульдозеров подорвался на мине. Шарфом расстелив по узенькому шоссе гусеницу, сам он сполз вниз и беспомощно увяз на обочине рисового поля. По спешившемуся экипажу противник открыл огонь.

Майор Коттман приказал батальону рассредоточиться и атаковать высотку, с которой велась стрельба. Но это оказалось не так-то просто: подступы к ней преграждали рисовые поля, а затем простиралось труднопроходимое болото, поросшее тростником.

Обойти очаг сопротивления по другую сторону шоссе было еще труднее — местность там заболочена гораздо больше. Карателям ничего не оставалось, кроме как залечь под не очень плотным, но достаточно метким огнем невидимого, хорошо замаскированного противника и вести по нему ответный малоэффективный, бесприцельный огонь. Лишь для некоторых довольно надежным укрытием послужили массивные бульдозеры. Особенно тот, что остался невредимым и своей непробиваемой стальной громадой занимал всю ширину шоссе — от края до края. За ним укрылись человек двадцать. Их положение было, конечно, лучше, чем у тех, которые залегли в болоте. Только пользы-то они не приносили никакой. Даже почти не стреляли, а просто отсиживались или отлеживались

здесь, обмениваясь воспоминаниями о разных случаях из прошлой своей боевой жизни.

— Помню, вот так же застряли мы однажды в дельте Меконга,— рассказывал, привалившись к бульдозеру, сержант Вернон Кинг.— Тогда тоже вьетконговцы откуда-то из укрытия били нас на выбор. Выручали только пуленепробиваемые жилеты. Если, конечно, пуля не попадала в голову... Кое-как вышли к болоту, а там и вовсе деваться некуда. Я готов был нырнуть с головой в вонючую жижу, лишь бы спастись от пуль. И о змеях тогда забыл думать, а ведь их в таких вот болотах,— кивнул он влево от шоссе,— хватит на всех.

— И долго мы тут будем загорать? — уныло спросил солдат, сидевший рядом.

На лице сержанта появилась какая-то вымученная, но высокомерная усмешка.

— Ты, парень, видать, первый раз попал в такую переделку?

— Первый.

— Не напусти со страху в штаны, с непривычки это бывает. А может, еще все обойдется, может, выручат вертолеты. Сегодня вьетконговцы, пожалуй, не сунутся на нас. Подождут, пока мы окончательно завязнем в грязи.

— Думаешь, они решатся атаковать?

— В атаку им идти незачем, они нас и так расколошматят. Мы же беспомощны, как вон тот дурак бульдозер. Уткнулся носом в грязь и стоит... В таком положении и убивать-то нас нет смысла. Когда ты совсем упадешь духом, вьетконговец поможет тебе: прострелит одну или обе ноги и оставит лежать. Потому что он знает: когда тебя эвакуируют в Штаты, ты будешь рассказывать там о здешних ужасах так, что Пентагону труднее станет заманивать сюда других наших парней.

— А ты помнишь, Вернон, как мы в Хаузянге плавали? — обратился к сержанту другой американский солдат.

— Еще бы! Я, Стив, запомнил даже то, как ты там купался.

— Да, уж тогда-то мне досталось,— признался Стив.— И накупался и нахлебался досыта. Провалился по пояс, пытаюсь вырваться, а не могу. Ну, думаю, конец. Лейтенант кричит: огонь, огонь! Какой там огонь, когда чувствую, что скоро совсем захлебнусь!.. Я всегда смертельно боялся змей и вдруг вижу: плывет одна прямо на меня, извивается. Со страху чуть не окунулся, а она, подлая, только этак нахально поглядела на меня и проследовала мимо. На мое счастье, тут же и вертолеты наши подоспели. Отбомбили по Вьетконгу и сели прямо на дорогу, чтобы забрать раненых. Санитары вытащили меня из трясины, посмеиваются: «Ну, парень, благодари судьбу, что не захлебнулся. Иди-ка теперь отомсти Вьетконгу». На это я ответил так, что у них челюсти отвалились, и, весь в грязи, вонючий от болотной жижи, рванул к вертолету. Забрался в его брюхо, засел там, а они пытаются меня вышвырнуть. Говорят, воевать надо, в вертолете место только для раненых. «Хватит! — заорал я не своим голосом, сорвав с пояса гранату.— Еще одно слово, и взорву этот ваш летающий гроб к чертовой матери». Они замахали руками: «Сиди, сумасшедший, сиди!» Так вот и вернулся тогда на базу... Дай-ка сигарету, Вернон.

Солдат закурил с видимым удовольствием, осмотрелся, прислушался и выстрелил наугад, сам не зная куда.

— А знаешь, Вернон,— продолжал он, помолчав,— сдается мне, что мы попали нынче в ситуацию, похожую на ту, что была там, в Хаузянге.

— Посидим — увидим,— откликнулся сержант угрюмо.— Ты, Стив, не новичок, тебе дрожать не полагается...

Стив замолк. Зато подал голос еще один солдат:

— А меня война сразу оглушила, как быка на бойне.

Сержант Вернон Кинг, не взглянув на говорившего, узнал Била-Мясника. Мясником прозвали этого солдата не только потому, что когда-то он работал на чикагских бойнях, а и за его кровавые дела во Вьетнаме.

— Что же такое случилось, что ты до сих пор, кажется, оглядываешься? — спросил Кинг, не проявляя, впрочем, большой заинтересованности.

— И верно, оглядываюсь,— подтвердил Бил-Мясник.— Иногда бывает, ночью увижу во сне, и то мороз по коже.

— Расскажи, пока живы.

— Видишь ли, сержант, перед тем, как прилететь сюда, я пять суток ошивался в Гонолулу. Всякие там бумаги, расписки, знакомства. Вечерами обычно заваливался с компанией в какой-нибудь недорогой кабак и проводил там время довольно весело. Однажды к нашей компании подсел совсем незнакомый мне парень. Вся куртка в орденских ленточках. Мы, конечно, восхищаемся. Он принимает это как должное, а все-таки предупреждает: «Война, други мои, смахивает на лотерею или лошадиные скачки. Повезет — выиграешь, не повезет — рви свой несчастливый билет и бросай в урну. Мне вот пока везет — вытягиваю счастливые номера». Служил он пулеметчиком на «Гончем»[1]. Хвалился, что на счету у него сотни уничтоженных солдат Вьетконга. В воздухе, мол, не снимаю пальца с гашетки, и если собрать все гильзы патронов, которые израсходовал во Вьетнаме, ими можно улицу вымостить. Я на него смотрел глазами шире стакана и через пару дней распрощался, как с родным, даже расцеловались. Он опять улетел во Вьетнам — кончился его короткий отпуск. Почти следом за ним и мы покинули Гонолулу. Я сразу попал на базу в Кантхо. Там наших самолетов и вертолетов не счесть. Ну, думаю, с таким количеством авиации нам все нипочем. Не успел как следует оглядеться на новом месте, подняли нашу роту по тревоге, усадили на джипы и повезли неведомо куда. Вскоре, однако, увидали мы два догорающих вертолета метрах в двухстах друг от друга. Один на спине лежал, задрав лыжи, второй на боку — в грязи. У второго вертолета я и встретился в последний раз с тем парнем, что сиживал со мною в кабаках Гонолулу. На этот раз гашетку нажал кто-то раньше его. Был он без сознания, но еще живой. Метров сто тащили мы его к нашему джипу, утопая по колени в грязи, а когда добрались до сухого места, видим — мертвяка приволокли...

Бил пошарил в своих карманах, вытащил сигареты и, закуривая, всхохотнул совсем вроде бы некстати.

— Чего это ты? — не без удивления спросил сержант.

— Потешный конец у этой истории, братцы,— пояснил Бил.— Парня того уже в ящике в Штаты отправили, а на базу все шли и шли ему письма от девчонок. Сразу две сообщили, что скоро станут матерями. Вот бы попал мой дружок в переплет, если бы не пуля Вьетконга...

Жеребячий хохот рассказчика заглушили громовые раскаты приближающихся вертолетов. Их было шесть. Старый французский бетонный дот, в котором, наверное, и сидели снайперы, раскололся, как яичная скорлупа,— вертолетчики влепили в него серию ракет «воздух — земля». Затем они навалились на видневшуюся за болотом высотку. Бомбили ее неистово. И после того, как вертолеты ушли, оттуда уже никто не стрелял, вероятно, все, кто был там, погибли.

Марш карательного отряда возобновился. Высланная вперед разведка донесла, что крайние дома в общине Фафьонг пусты. Но когда солдаты рассыпались по всей деревне, кто-то из «Грязной дюжины» закричал:

— Лейтенант, тут какая-то тетка с ребенком. Что с ней делать?

— Позови кого-нибудь из батальона майора Тхао, пусть допросит, куда сбежали все остальные,— распорядился лейтенант.

Запылали первые пожары. Загромыхали «римские плуги». В хаосе других выкриков опять прозвучал тот же хрипловатый голос:

— Лейтенант, что делать с теткой? Она молчит.

— У тебя что, автомата нет?.. Учить тебя надо? Сейчас поучу,— пообещал лейтенант. И тут же прозвучала автоматная очередь...

Из тесного сарая вытащили старика.

— Говори, где прячутся вьетконговцы? — рявкнул на него майор Тхао.

— Не знаю, господин. Я такой старый, что ничего не знаю. Простите, господин,— лепетал старик.

— Лам! — крикнул майор.

Подскочил мордастый солдат в гимнастерке с нашивкой СЗНТ[2].

— Слушаю, господин майор.

— Убери эту старую развалину. Погрей его хорошенько.

Мордастый снова затолкнул старика в сарай, подпер дверь валявшейся тут же бамбуковой лестницей и поджег утлое строеньице с четырех сторон. Старик стал метаться, стучать в дверь. Мордастый прошил его длинной очередью сквозь плетеную дверь и побежал догонять свою роту.

Община Фафьонг горела всю ночь...

[1] «Гончим» солдаты называли один из тяжелых вертолетов.

[2] СЗНТ — «Сэй зынг нонг тхон». Такую нашивку носили в сайгонской армии солдаты и офицеры из отряда «умиротворения».

«ШИНЕЛЬ»

«Белый лист бумаги. И художник... Как много было сказано и написано об этом. Вечная тема. Пока не исчезнет искусство, не исчезнет и эта тема. Всегда художник будет испытывать «священный трепет» перед чистым листом. Трудно представить зрителю, сколько мыслей, сомнений, творческих терзаний, сколько вопросов, проблем встает перед ним, прежде чем он нанесет первый штрих на белый лист бумаги... Конечно, никакой художник не может устроить сразу всех — это просто исключено. Надо упорно совершенствовать себя и свое творчество, стремиться возможно выше поднимать уровень своего вкуса и мастерства...

Да, много дум промелькнет в раскаленной голове художника, склонившегося над листом бумаги...»

Эти взволнованные слова были написаны заслуженным деятелем искусств РСФСР Саввой Григорьевичем Бродским, чьи иллюстрации к «Шинели» Н. В. Гоголя мы публикуем в номере на цветной вкладке.

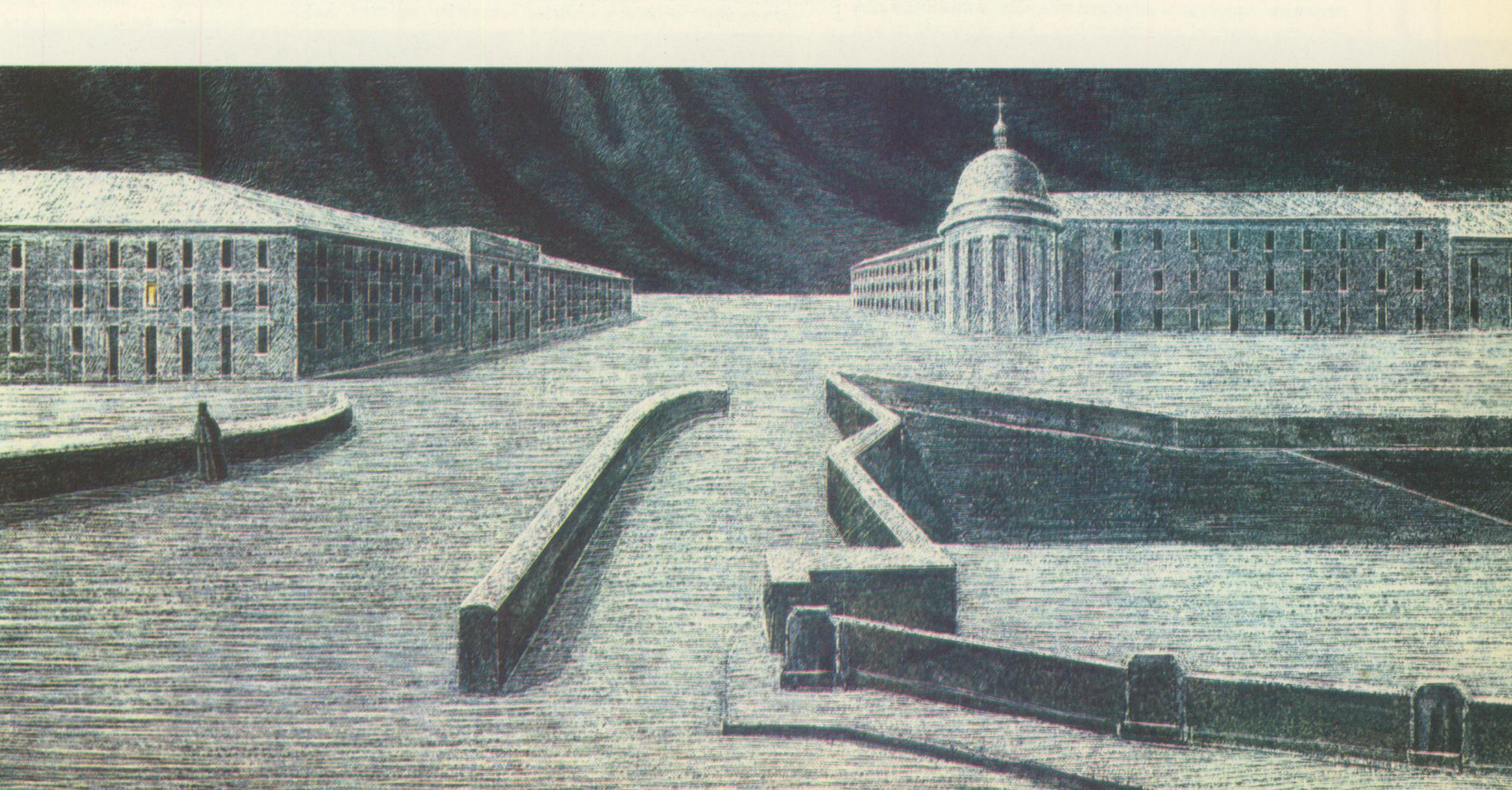
Он оформлял «Спартак» Джованьоли и «Овод» Войнич, «Как закалялась сталь» Николая Островского, передав дух романтики, борьбы за свободу, пронизывающий эти столь разные произведения. За иллюстрации к «Дон Кихоту» Сервантеса художник был удостоен «Золотой ветви дружбы» на Международной книжной выставке в Москве, а на родине писателя его избрали членом-корреспондентом Испанской королевской академии изящных искусств в Мадриде.

Савва Бродский много лет сотрудничал в «Огоньке», создал десятки острых и интересных рисунков к рассказам, повестям наших советских авторов. Кроме этого, он проиллюстрировал целый ряд литературных приложений к журналу, в том числе Роберта Стивенсона, Ромена Роллана, Стефана Цвейга, Александра Грина, Гюстава Флобера, Ги де Мопассана.

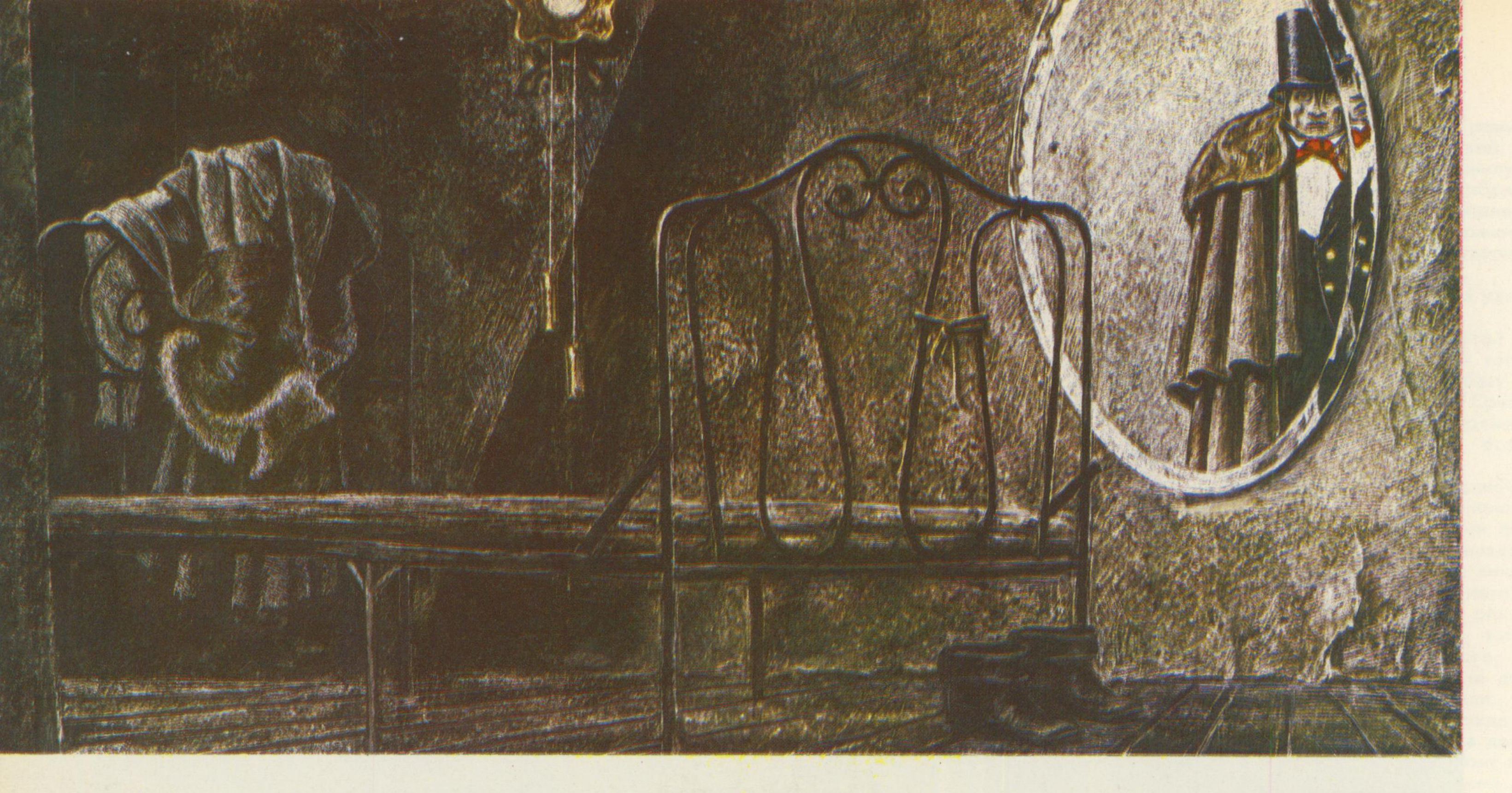
Одной из фундаментальных работ С. Г. Бродского были прекрасные иллюстрации к «Гамлету» и «Ромео и Джульетте» Шекспира, которые недавно вышли отдельным изданием.

Листы к «Шинели» — последняя его работа.

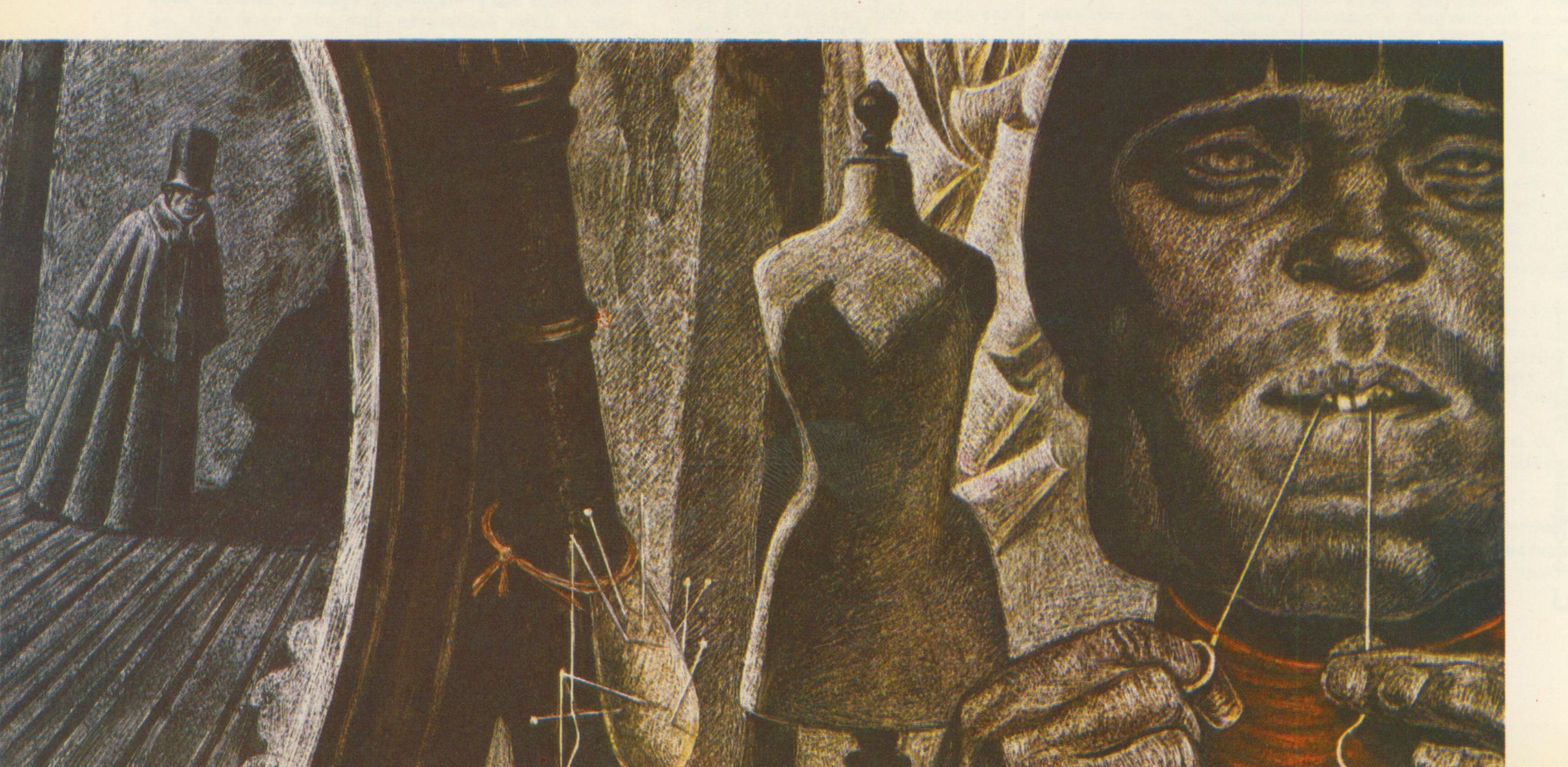
В этих композициях, созданных серьезным, талантливым и вдумчивым художником, ярко отражены своеобразное пластическое видение, глубокo оригинальный графический язык рано ушедшего от нас мастера.

С. Бродский. 1923—1982. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ».

интервью «огонька»

АПК ОБЯЗЫВАЕТ

В Московском институте народного хозяйства имени Г. В. Плеханова (МИНХ) открылась новая кафедра — экономики и организации продовольственного комплекса. Ее задумывали и создавали для разработки мер по совершенствованию экономического механизма, управления и планирования агропромышленным комплексом (АПК). Сегодня о делах кафедры, первых результатах научных исследований, планах и заботах на будущее рассказывает ее заведующий, доктор экономических наук, проректор МИНХа по учебной работе В. А. КОЛЕМАЕВ.

— Известно, что в МИНХе готовят специалистов по экономике и организации торговли, общественного питания... И вдруг на новой кафедре заговорили о возможностях совершенствования управления агропромышленным комплексом, о взаимодействии его звеньев во всей цепи — производства, заготовки, хранения, переработки и доведения до потребителя конечной продукции. Согласитесь, Владимир Алексеевич, для плехановского института новая кафедра — несколько необычное явление?

— Не согласен. И прежде всего с этим: «вдруг заговорили»... Кафедра далеко не случайна в нашем институте. Ее появление совершенно логично и закономерно. Организация новой кафедры как бы венчает ту большую работу, которую ведут в последние годы ученые нашего института для решения продовольственной проблемы, особенно в плане сохранения и доведения до покупателя готовой продукции. Например, многие кафедры МИНХа работают над созданием новых эффективных способов хранения и переработки фруктов и овощей. Изобретения находят широкое применение в практике. Взять хотя бы предложенный у нас способ хранения свежих яблок при низких температурах и в регулируемой газовой среде. Он уже применяется в Москве, Ленинграде да и во многих других городах страны. По новой технологии, предложенной нашими учеными, начали хранить ягоды, овощи, семена на предприятиях Росконсервпрома. Активно внедряются на перерабатывающих предприятиях Москвы поточно-механизированные линии для производства квашеной капусты по прогрессивной технологии, которую опять же предложили в МИНХе. В научно-исследовательском секторе института разработан новый тип овощехранилища. Активно занимаются наши ученые исследованиями по улучшению организации торговли в Москве. Речь идет о внедрении современных методов продажи, фасовки, доставки продукции с баз в магазины. Экономический эффект от таких новшеств значительный. Он исчисляется не одним десятком миллионов рублей. Приведу только такой пример: пять миллионов годовой экономии дает в Москве и области новый способ хранения капусты с применением особого рода обработки в предуборочный период. Это одна сторона дела, как бы предопределившая образование новой кафедры. Кроме всего, важно учесть еще вот что. Торговля, общественное питание — главнейшие составные одного из завершающих звеньев агропромышленного комплекса. Речь идет о доведении продукции до потребителя. Поэтому наши завтрашние специалисты должны иметь четкое представление о работе всех звеньев и отраслей комплекса, его экономического механизма, твердо усвоить способы, ведущие к надежному и устойчивому снабжению населения продуктами питания, одеждой, обувью по научно обоснованным нормам потребления. Этому и будет их учить наша кафедра.

— Убедительно. В таком случае расскажите, пожалуйста, предысторию ее создания.

— Как это часто бывает, все начиналось с инициативы нескольких единомышленников, группы людей, объединенных общностью интересов к той или иной сфере человеческой деятельности. В данном случае к сельскохозяйственному производству. Ведь пища, обувь, одежда начинают свой путь в торговлю из сельского хозяйства, от земли.

— Вы хотите сказать, что кафедра создавалась людьми, хорошо знающими специфику, проблемы сельскохозяйственного производства и связанных с ним отраслей народного хозяйства?

— Совершенно верно. На кафедре сейчас работают восемь человек. Доктора, кандидаты наук... Каждый из них в той или иной степени специалист по экономике одной из отраслей АПК, главным образом сельского хозяйства. Профессор Людвар Александрович Грушецкий давно уже занимается ценообразованием и экономическим механизмом взаимодействия между отраслями агропромышленного комплекса. Несколько лет он был даже председателем колхоза. Доцент Александр Андреевич Кузнецов не первый год разрабатывает проблему территориального размещения производительных сил, а доцент Владимир Дмитриевич Антоненко — моделирования сельскохозяйственного производства. Я до перехода в МИНХ в семьдесят седьмом году работал в одном из НИИ Минсельхоза СССР.

— Насколько я понимаю, речь идет о том, что над вопросами совершенствования управления агропромышленным комплексом ваши коллеги начали работать еще до открытия кафедры?

— А иначе и быть не могло. За последние годы на селе произошли очень глубокие, серьезные перемены. Зачастую далеко не в лучшую сторону. Взять хотя бы взаимоотношения колхозов, совхозов и обслуживающих организаций. Ведомственная разобщенность между ними привела к диспропорциям в планировании и управлении, мешала специализации и рациональному размещению производства, тормозила комплексное развитие сельского хозяйства. Вот тогда, в конце семидесятых годов, мои коллеги и задумались над тем, как теснее увязать экономические интересы различных ведомств, обслуживающих организаций, перерабатывающих предприятий и непосредственно земледельцев. Для нас, занявшихся исследованием этого явления, важно было прежде всего выявить те способы и методы управления, стимулирования, которые создавали бы наиболее благоприятные условия для взаимодействия отраслей, для высокопроизводительного труда всех звеньев агропромышленного комплекса. Мы понимали, что приходит время серьезных практических дел. И в то же время здраво осознавали, что без основательных теоретических исследований, объясняющих и могущих дать правильную направленность в осуществлении практических начинаний, нам не обойтись.

— Под серьезными практическими делами из ваших слов следует понимать реализацию Продовольственной программы?

— Именно так. Хочу подчеркнуть, что совершенное управление агропромышленным комплексом — это мощнейший рычаг реализации Продовольственной программы. Вот почему сейчас мы по-прежнему намерены продолжать научные исследования по двум, явно обозначившимся еще в прошлом основным направлениям. Это — моделирование долгосрочного развития АПК страны для достижения научно обоснованных норм потребления и изучение экономического механизма агропромышленного комплекса.

— Владимир Алексеевич, вы начали рассказывать о практических делах, которыми занимается сейчас кафедра. Нельзя ли остановиться на этом более подробно?

— Сейчас заключен договор о целевой подготовке специалистов и о совместных научных исследованиях между Министерством плодоовощного хозяйства СССР и нашим институтом. По этому договору МИНХ должен начать готовить специалистов по хранению, переработке и реализации плодоовощной продукции. От института это потребует усилий многих кафедр. Но основная работа, особенно по координации исследований, связанных с Продовольственной программой, ляжет на наш коллектив.

— Какие конкретно обязательства по договору берет на себя кафедра?

— В скором будущем начнется подготовка специалистов по профилю «Товароведение и организация плодоовощного хозяйства и плодоовощных агропромышленных объединений». Это будут товароведы-экономисты, которые направятся в плодоовощные агропромышленные объединения. Наша задача — научить их самым совершенным приемам управления и планирования всеми отраслями объединений. Они должны видеть работу звеньев во взаимосвязи и так организовать и направить ее, чтобы всем было выгодно трудиться с полной отдачей. Как это мы будем делать? Вот здесь, я думаю, нам и пригодится тот теоретический багаж, который уже накопила кафедра. По крайней мере программа подготовки таких специалистов уже заложена в соответствующие учебные курсы. Это первое, что хотелось бы выделить в практических начинаниях кафедры. И второе, не менее важное,— согласно плану совместных научных исследований с Минплодоовощхозом СССР, кафедра должна выполнять разработки по экономике и организации агропромышленных плодоовощных объединений на основе полного хозрасчета и самоокупаемости всех звеньев. С учетом результатов таких разработок будут готовиться и наши будущие специалисты.

— Владимир Алексеевич, вы неоднократно упоминали хозрасчет, самоокупаемость звеньев в объединении... В какой мере на кафедре придают значение хозрасчетным принципам в совершенствовании механизма хозяйствования агропромышленных объединений?

— Чтобы ответить на этот вопрос, вернусь к началу нашего разговора... Новая технологическая линия на перерабатывающем предприятии, современные способы фасовки продукции — все это за счет быстрой самоокупаемости — прогрессивно и хорошо для нашего времени. Но придет срок — устареют и они. Более долгосрочный и стабильный рост производительности труда дает качественно иное отношение человека, всего коллектива к работе. Главное состоит в том, чтобы каждый работник, каждая бригада, каждое хозяйство, объединение, каждая отрасль ощутили прямую связь между тем, что сделано, и тем, что заработано. Эта связь особенно ясно прослеживается при бригадном подряде, при аккордно-премиальной оплате труда, на базе полного хозрасчета и самоокупаемости. Только при таком условии, при работе, которая оценивается по конечному результату, появляется возможность тесно увязать экономические интересы всех партнеров, звеньев, отраслей, ведомств, участвующих в производстве, заготовках, переработке и торговле продукцией. Поэтому мы обеими руками голосуем за хозрасчет и самоокупаемость всех звеньев, поставленные в зависимость от конечного результата. Как ученым, сейчас нам необходимо выяснить, что мешает полному внедрению этих методов хозяйствования в практику, какие здесь необходимы затраты и действия. Для решения этих вопросов на кафедре и начаты те исследования, о которых шла речь выше. Наша задача — провести их как можно оперативнее и тщательнее, чтобы уже в ближайшем будущем они послужили практике. Хочу подчеркнуть — в ближайшем будущем.

Вел беседу А. ПОПОВ

строка из продовольственной программы

Председатель исполкома Ягты-ёлского сельского Совета народных депутатов Огулсапар Сердарова.

По дороге домой.

Мо

Фоторепортаж
Геннадия КОПОСОВА

образ жизни – советский

й дом – твоя библиотека

В Ашхабаде ответственный секретарь туркменского республиканского правления Общества любителей книги Кумыш Амановна Овезова посоветовала мне:

— Летите в Мары, в поселок Ягты-ёл, познакомьтесь с семьей Сердаровых, с их библиотекой.

— Личной! — спросил я.

Кумыш Амановна уклонилась от ответа.

— Поезжайте, посмотрите...

Дом Сердаровых на улице Целинной внешне ничем не отличается от соседних, где живут работники совхоза. Как и у всех домов на этой улице, есть тут небольшой внутренний

Рабочий Каракумского хлопкоочистительного завода Мухамедмурад Атаев — постоянный читатель домашней библиотеки.

В сельском книжном магазине.

У Сердаровых всегда гости.

дворик для домашнего хозяйства, грядки с зеленью, растут картошка, помидоры и огурцы, ароматные дыни «Вахарман» («Вечно в долгу»). Вдоль белой стены зеленый шатер винограда. Рядышком цветут розы. В дальнем углу — обязательный тандыр для выпечки хлеба.

Я уже знал, что Джума Сердаров работает заместителем директора совхоза по кормопроизводству, а его жена, Огулсапар, вот уже десять лет избирается председателем исполнительного комитета сельского Совета народных депутатов.

В семье Сердаровых четверо детей: Арслан, Батыр, Гунча и Назар. Младший, Арслан, в этом году пойдет в первый класс, а пока у него домашняя производственная практика: на его попечении куры и маленький щенок Карагёз (Черные глаза). Батыр оканчивает пятый класс и успешно учится в музыкальной школе, а по семейному хозяйству отвечает за барашков. Когда я спросил его, какую профессию он думает выбрать после школы, мальчик твердо сказал: «Буду чабаном». Старший, Назар, сейчас в Ашхабаде, он студент.

В день моего приезда вечером пошел дождь, редкий здесь в это время года. Хозяин дома рад: влага нужна полям хлопка, люцерны и кукурузы, есть надежда на хорошие корма — в совхозе тысяча голов крупного рогатого скота, четыреста свиней.

Джума несколько торжественно повел меня в свою любимую комнату — в библиотеку. На самодельных полках стоят собрания сочинений Достоевского и Куприна, Горького и Шолохова, Купера и Голсуорси, «Туркменские сказки» и «Азбука экономики совхоза»... Здесь более 1600 томов. Политическая литература и художественная — на туркменском и русском языках. Причем соседи Сердаровых берут читать книги на обоих языках. Ведь свободное владение русским языком наряду с родным, как отмечалось недавно на заседании Политбюро ЦК КПСС, служит дальнейшему сближению всех наций и народностей, укреплению дружбы народов СССР, их приобщению к духовным ценностям отечественной и мировой культуры, достижениям научно-технического прогресса...

— Почти все, что есть у меня в доме, можно получить и в нашей районной библиотеке,— говорит Джума.— Но куда приятнее зайти к соседу, товарищу по работе и на свой вкус выбрать литературу. У моей библиотеки много постоянных читателей. Тут и друзья и родственники. А вот к моему самому уважаемому читателю я сам иду с книгами. Это семидесятитрехлетний Гандым Баймурадов, ветеран труда, член совета старейшин совхоза.

...В дверях появился человек, по-восточному приветствовавший и хозяина дома и его гостя. Это бригадир Сейтек Аннаоразов, один из местных книголюбов, постоянный читатель домашней библиотеки Сердаровых. Он с благодарностью возвращает «Черную стрелу» Стивенсона на туркменском языке и долго перебирает богатства книжных полок.

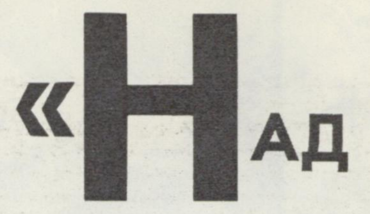
— Я часто бываю здесь. Прочитал несколько десятков книг. Можно сказать, что библиотека Сердарова подружила меня с литературой. А эта вот комната в доме Сердаровых стала домашним клубом любителей книги...

На следующий день с Джумой Сердаровым мы зашли в сельский книжный магазин. Накануне сюда привезли книги из областного центра. Джума купил томик стихов и поэм Аты Атаджанова «Иду к вам». Еще одна книга в личной библиотеке Сердаровых, библиотеке, открытой для всех.

Позже я узнал, что в республике более трехсот владельцев таких библиотек. Каждый из них говорит друзьям, знакомым: «Приходи. Мой дом — твоя библиотека!..»

Пенсионер Гандым Баймурадов и Джума Сердаров.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

Нет, недаром поэтические строки эти, прозвучавшие в эпилоге романа-эпопеи Анатолия Иванова «Вечный зов», а затем ставшие песней в одноименном втором телевизионном сериале, хочется вынести в заголовок статьи: в них видится образный ключ фильма «Вечный зов» и та поэтическая метафора, которая историю, поведанную в течение семи вечеров, историю с разными, порой совсем непростыми судьбами ее главных героев, трех братьев Савельевых, Антона, Федора и Ивана, вдруг сопрягает и с твоей судьбой и с судьбами многих и многих людей. Или, как мы часто говорим, с судьбой народной, но при этом воспринятой нами предельно личностно... Думаю, это — свойство фильма, перешедшее к нему из романа Анатолия Иванова. И ставшее, быть может, одной из «тайн» негромкого, но властного обаяния этой ленты, заставляющей всех нас, зрителей, думать и о своем бытии, о его смысле... О соизмерении пережитого с могучим потоком народной жизни.

Были такие моменты в этой суровой картине, лиричные и раздумчивые по интонации, когда мысль твоя словно бы отходила от следования за сложно ветвящимся сюжетом, драматически напряженным и захватывающим,— и ты сам, будто на крыльях памяти, возвращался в дали своего детства, с его прозрачными ручьями, хрустальными на золотистых каменных ложах, с таинственными, могучими лесами, с многоцветной радугой, дрожащей над пшеничным разливом поля... Взапуски мы мчались к этой радуге; считалось: тот, кто пробежит под радугой, будет счастливым. Всем хотелось этого: ведь у каждого, у кого отец, у кого старший брат — кто-то да был на фронте. И как бы тяжело и голодно ни жилось нам, детям военного лихолетья, радуга та — из детства — предвещала торжество жизни и грядущее счастье, значит, прежде всего нашу победу!

Вспоминалось подобное не раз. И когда на экране молодой танкист Семен Савельев, встретивший партизанскую связную Олю Королеву, услышал вдруг в тишине фронтовой ночи трели курских соловьев, напомнивших ему своих шантарских, сибирских птах... И когда молодой сельский поэт Димка, из того же рода Савельевых, раздумчиво говорит: «Я слышу — соловьи росу клюют. А солнце поднимается все выше» — и в твоей душе тоже всходит солнечный луч и будто освещает великое чародейство жизни и этого мирного утра...

Сериал «Вечный зов», думается мне, повествует прежде всего о нелегком **обретении человеком счастья,** выстраданного и завоеванного и в жестоких битвах с самым бесчеловечным врагом и в великих испытаниях огнем и свинцом, славой и бесславием, смертью и бессмертием... Как не вспомнить при этом гибель на вражеском костре связанного Якова Алейникова, попавшего раненным в кровавые руки бандеровцев, или погибшего в трансформаторной будке Антона Савельева, жизнью своей предотвратившего взрыв на военном заводе. Как не воскресить в памяти сцену в фашистском концлагере, когда спокойно, с внутренней силой и верой в необоримость своего народа совсем еще юный солдат читает в лицо врагам стихи о Москве и погибает, иссеченный свинцом, якобы «за попытку к бегству». Как не увидеть вновь — глазами памяти своей — склоненную над могилой сына рано поседевшую мать; у гранитных глыб, на чужбине, высыпает она горсть

ГРОЗОЮ ТОРЖЕСТВУЕТ РАДУГА...»

привезенной в белом платке родной земли.

Война, человеческие трагедии — разве могут когда-нибудь смириться с этим люди на земле?!. Но вот что поразительно: герои фильма, шагнувшие в бессмертие, не вселяют в нас уныние, не расслабляют волю. Они будто обращаются к нам, хотят от нас, чтобы мы запомнили их живыми! Ведь это и их жизни позволили восторжествовать радуге над грозой военного лихолетья.

Вечен и необорим зов жизни! — утверждает фильм всем своим образным строем, глубоким жизненным, социально-философским содержанием.

Кадр из фильма «Вечный зов».

По существу, это народная эпопея, пронизанная историческим оптимизмом, обращенная и в настоящее и в будущее. Пространство ее драматического поля не ограничивается только местом действия — в Сибири ли, в родной ли савельевской Шантаре, в Михайловке или Новосибирске, под Смоленском ли, Курском или на Орловском направлении, на Западной Украине, на территории фашистской Германии либо даже в далекой северной Норвегии... Это пространство огромно, ибо, как уже говорилось выше, в него входит еще и пространство души зрителя.

Да и время, протекающее на экране за эти семь серий, тоже не ограничивается двадцатью годами — с 1942 по 1962-й, а подключает и наше, сегодняшнее время, что придает эпическому киноповествованию о временах минувших звучание злободневное. Недаром мы думаем во время демонстрации картины о современной международной обстановке, о необходимости неустанной борьбы за мир, за предотвращение новой войны; думаем об изворотливости, хитрости, циничности методов наших идеологических противников, «ловцов душ» всяких мастей, о военных преступниках, кровавых палачах, укрывшихся от возмездия и благоденствующих ныне за океаном или где-то поближе...

Но прежде всего мы думаем о самом главном — о воспитании новых поколений советских людей в духе социалистического патриотизма и интернационализма; поколений, готовых в грозовые дни встать на защиту Отечества и выполнить свой священный долг, как их отцы и деды, как многие герои «Вечного зова», выдержавшие жестокие испытания и победившие. Их судьбы словно сливаются в венчающей картину песне композитора Л. Афанасьева и поэта В. Фирсова:

Родина, суровая и милая,
Помнит все жестокие бои...
Вырастают рощи над могилами,
Славят жизнь по рощам
соловьи.

Что грозы железная мелодия,
Радость или горькая нужда?
Все проходит.
Остается Родина —
То, что не изменит никогда...

Авторы картины (писатель А. Иванов, режиссеры-постановщики В. Усков и В. Краснопольский, операторы П. Емельянов и В. Минаев) по-своему решают эпилог кинoромана, вводя созвучные песне кадры и словно составляя «групповой портрет» нашего современника, величественный в своей человеческой красоте, в своем душевном порыве. В созидании жизни!.. А наше воображение и память дополнят увиденное в финале многим другим, сопереживым с героями ленты за семь вечеров.

Будет здесь и впечатляющие снятая «дуэль» наших танкистов с прорывающимися фашистскими танками. И гибель танкиста-лейтенанта Дедюхина, прекрасно сыгранного Л. Харитоновым. И негромкий подвиг юной партизанской связной Оли Королевой, и ее опаленная войной любовь. Две актрисы создают этот образ в картине — вначале Л. Шаповалова, а затем — через двадцать лет — Любовь Виролайнен... И яростный бой артиллеристов на окруженной высоте. И сжимающая сердце сцена поисков Анфисой (Т. Семина) на вокзале в Новосибирске оставшегося без ног Кирьяна Инютина (А. Мартынов), и его возвращение домой, к жизни! И еще многие, многие другие незабываемые эпизоды...

Нет, не просто все в этой картине, а сложно, неоднозначно, как в самой жизни. Невольно вспоминаешь слова, сказанные А. Ивановым по поводу романа: «Конечно, есть люди, которые даже очень сложные социально-исторические явления понимают как-то сразу. Но ко многим истина приходит только в результате серьезных переживаний и потрясений. А бывает и так, что для постижения истины человеку приходится платить самой высокой меркой — собственной жизнью».

«Вечный зов» потому и стал одним из самых заметных явлений в нашей литературе последних десятилетий, что передал живое дыхание народной жизни, исследовал и показал разные человеческие судьбы на их изломе, на крутых поворотах истории, в великом поиске истины и в обретении человеком себя. Или в потере себя, если путь оказался ложным, противоречащим всему ходу движения и развития народной жизни, как это произошло с Петром Полиповым (он сыгран с тонким проникновением в психологию характера Ю. Смирновым; и, кстати, это, быть может, одна из лучших актерских работ в фильме).

Однажды проявленное малодушие, словно цепочкой, тянет за собой в его жизни предательство за предательством. И приводит к полной нравственной деградации. К падению... Или вспомним, как расплачивается за свою трусость Максим Назаров. Отбыв срок наказания за предательство в плену, возвращается он в родную Шантару. Он прощен Родиной. Но люди, знавшие его с детства, не принимают его. Да будто и сама природа, родная земля, защитником которой он не сумел стать, не прощает! Не прощают его и отец и материнская могила. Да и сам себя он уже простить не может... Трагично запоздало понимание истины: человек счастлив лишь тогда, когда живет в великой своей соединенности с народной жизнью.

По-своему трагична судьба Федора Савельева, чья душа была однажды соблазнена «легкой жизнью», эгоистическим расчетом. Пришлось ему платить ценой жизни за совершенные ошибки, приведшие его на ложный путь, в стан врагов. И хотя он вроде бы сознает глубину своего падения — оно неотвратимо.

Одна из самых ключевых в фильме — сцена с врагом Лахновским, когда к нему приводят захваченного врасплох Полипова, только что назначенного редактором дивизионной газеты. С удивительным мастерством раскрывает О. Басилашвили внутреннюю сущность Лахновского, его «жизненную философию» — лютую непримиримость классового врага и цинизм политических расчетов... Умный и дальновидный, он понимает, что крах гитлеровской Германии неизбежен; он откровенен в своих сентенциях и не живет обольщениями, но он уже готовится к новым битвам, видя своим союзником международный империализм... Он мечтает вырастить целое поколение «полиповых», готовых стать новой «пятой колонной»!.. Сколько таких «лахновских» подвизается ныне на поприще «холодной войны», тайно гнездится в идеологических диверсионных центрах, подает свои «голоса» по разным радиостанциям, клевещущим на нашу страну!

Сила человека и счастье человека — в его жизни во имя Родины.

Мысль эта проходит через весь фильм, умножаясь в образах прекрасных его героев. Можно сказать, что при всей их разнохарактерности есть в них одна ведущая черта — их народность. Думаю, оттого так и безраздельны наши симпатии к ним. И прежде всего к умудренному жизнью, глубоко человечному, душевно щедрому и принципиальному Поликарпу Кружилину, созданному на экране с удивительным тактом и проникновенностью П. Вельяминовым. Думаю, это одна из самых больших удач фильма. Не так уж часто экран открывает нам столь значительный и весомый характер партийного работника, стоящего как бы на стрежне самых главных дел народа... Столь же поразительна по своей народной глубине душа старого хлебороба Панкрата Назарова. В нем и человеческая доброта и мудрость, боль народная и истинная самоотверженность труженика; и высота понимания своего предназначения на земле! Такие, как Панкрат Назаров,— соль земли русской... Артист И. Лапиков не нуждается в каких-либо рекомендациях: каждая работа этого актера — не проходная; каждая открывает нечто свое в познании нашего современника. И все же его Панкрат Назаров поражает новизной открытия характера, в котором так достоверно и органично выявлено героическое начало.

Невольно вспомнилось мне, как однажды, еще в юности, в геологических странствиях по Южному Уралу, в сторожке лесника Петрова нам показали бережно хранимую на дне старинного сундука завернутую в расшитое полотенце самоцветную радугу. Ее делал из уральских самоцветов местный умелец-гранильщик, подгоняя камешек к камешку, чтобы ожило и засверкало это рукотворное чудо. Мастер не успел доделать свою радугу, не успел передать секреты ученикам...

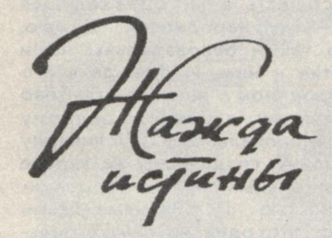
Вот таким чудо-гранильщиком представляется мне Панкрат Назаров — И. Лапиков, с той лишь разницей, что подвижнической жизнью своей он сумел огранить не один человеческий талант; передал свое дело, свою рукотворную радугу людям, идущим ему на смену... Впрочем, то же можно сказать и о Кружилине. Недаром в финале фильма он дан в окружении ребятишек — будущего родного села. А за ним можно назвать и Ивана Савельева (Н. Иванов), и Якова Алейникова (В. Бирюков), и многих других героев кинoромана «Вечный зов».

Авторы картины создали произведение большого патриотического звучания. И, прямо скажем, создали в удивительно короткий срок. За десять лет фактически было снято 19 полнометражных лент (ведь первая часть, отмеченная Государственной премией СССР, состояла из 12 серий). И, наверное, естественно, что в такой огромной по объему работе далеко не все равноценно. Есть во втором сериале излишняя затянутость отдельных эпизодов. Есть проходные сцены. Есть неизбежный при столь скорой работе повтор режиссерских, операторских решений, как и фрагментарность отдельных частей.

Кажется вялой, потерявшей драматизм почти вся поездка Анны — А. Роговцевой на могилу к сыну в Норвегию. И, конечно, есть некие потери по сравнению с самим романом...

Впрочем, думаю, это не снимает главного. На столь длинной, поистине марафонской дистанции есть логика неумолимого движения вперед. Есть красота и сила жизни народа. Советского народа.

Николай
ТРЯПКИН

ПОХОД

За большую песенную долю
Я сегодня мир благодарю.
А. Прокофьев

Сколько раз дышал я этой волей!
И теперь вот так же повторю:
За большую песенную долю
Я сегодня жизнь благодарю...

Вот она, извечная отрада
И поход с подъятием святынь:
Золотые стяги листопада
И в кустах звенящая полынь!

Суждено ли мне в походе этом
Стать душой и плотью этих трав,
И прозябнуть клеем этих веток,
И приять покой речных застав?

Эти трубы стаи журавлиной!
Этих стай зовущая страда!
Проплывают трубы над долиной,
Словно в день последнего суда.

И стою средь полымя и хлада,
Подбираю звуки этих строк.
Под шатры какого Вертограда
Увлечет невидимый поток?

Пролететь бы гусьим караваном,
Попрощаться с миром и собой,
Закрутиться утренним туманом —
И уйти за край вечеровой...

Сколько раз дышал я этой волей!
И теперь вот так же повторю:
За большую песенную долю
Я сегодня жизнь благодарю.

●

Допою свои песни земные,
Догляжу свои сны до конца.
Ах, плывите вы, струги резные,
С моего золотого крыльца!

Устремляйтесь, жемчужные реки,
С ворожейных ступенек моих.
Запевайте, варяги и греки,
У раскрашенных весел своих.

Не желаете ль меда и хлеба?
Не хотите ль моих соболей?
Под лучами российского неба
Дорогих принимаю гостей.

И едва лишь на званом соборе
В золоченые гонги пробьют —
Восподнимутся лебеди с моря
И по этим струнам поплывут.

Только выгнутся белые шеи,
Засияет луна под крылом,
Заходите, любезные свеи,
Не скучайте за нашим столом!

Пронесемся на берег урманский,
Вознесемся на желтый Тибет.
Под навесом моим шемаханским
Ничего невозможного нет...

Ах, плывите же, струги резные,
С моего золотого крыльца!
Допою свои песни земные,
Догляжу свои сны до конца.

ПОЭЗИЯ И ЛОЖЬ

Красивой лжи на свете не бывает,
Любая ложь гнусна и безобразна,
Жалка она во всех словах и видах,
Тем более раскрашенная ложь.

Как чучело в румянах и белилах
Иль как ворона с перьями павлина,
Она всегда глупа и неуместна,
Она всегда пародия сама.

●

Года идут, года идут,
А мы все ближе к вечности.
А люди пляшут и поют,
Не чуя быстротечности.

Тари-рарам! Тари-рарам!
И ни к чему нам сонники.
И только жмут по вечерам
Гитары и гармоники.

А годы пляшут и поют,
Хрипят в рога железные.
И через хладный мой закут
Прорвались вихри звездные.

А с ними звездные миры
Сквозь сны мои проносятся,
И рвутся лунные шары
И в эту песню просятся.

Тари-рарам! Тари-рарам!
Поет гитара милая.
А солнце меркнет по утрам
Над каждою могилою.

Глядится солнце в мой закут
Застылым оком млечности.
А струны пляшут и поют,
Не чуя быстротечности.

Тари-рарам! Тари-рарам!
Звезда моя! Веро́ника!
А слезы скачут по струнам,
А за окном — гармоника.

И только ходят под рукой,
Хрипят лады железные.
И только рвутся со струной
Рыданья бесполезные.

БОНСАЙ СЕГОДНЯ

Из Юго-Восточной Азии распространилось в другие страны искусство бонсай — выращивание карликовых деревьев. Большой популярностью оно пользуется в Чехословакии. Несколько лет назад в Праге любители бонсай объединились в общество, сейчас оно насчитывает более 500 членов. На ежегодных выставках, которые проводятся в разных городах страны и привлекают огромное число посетителей, можно получить подробную информацию об этом сложном искусстве, зародившемся почти 1700 лет тому назад. У бонсай есть свои каноны, например, каждое дерево должно иметь одну из пяти регламентированных форм, что достигается при помощи медной проволоки, которой обматывают ветви и ствол, чтобы

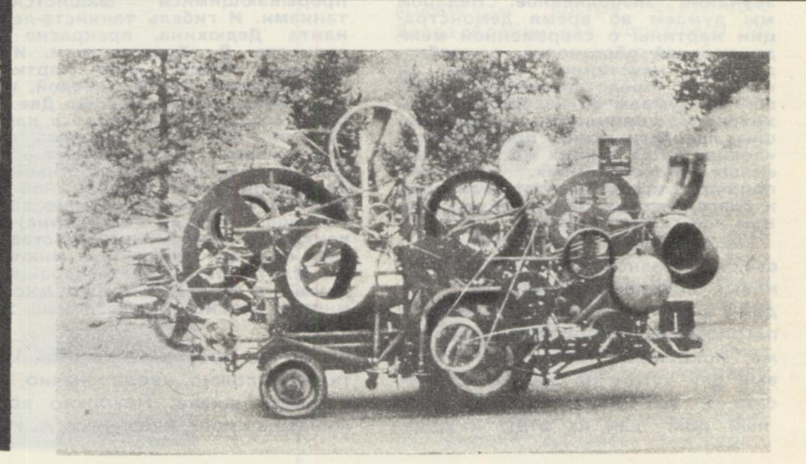
ДИАЛОГ С
НА

Сердце пациента общается с врачом на языке электрокардиограммы. И как важно, чтобы диалог состоялся вовремя! Хорошо, если прибор для снятия кардиограммы, опытный врач-кардиолог и пациент в критический момент оказались в непосредственной близости друг от друга, но в жизни не всегда так бывает...

В нашей стране недавно созданы и все шире внедряются оригинальная аппаратура для передачи электрокардиограммы по телефону и радио, установка для автоматической диагностики инфаркта миокарда, аппарат «искусственное сердце». Благодаря телеметрической системе «Ковыль» — она создана учеными Волгоградского медицинского института Минздрава СССР — любая отдаленная сельская больница сможет немедленно проконсультировать кардиограмму своего пациента у специалистов центрального исследовательского центра.

Система «Ковыль».

затормозить процесс роста. Другой путь — оттягивание: к ветвям привешивают гирьки. Любители бонсай в Чехословакии следуют традициям и в то же время стремятся создавать и новые формы карликовых деревьев.

На снимке: Пражская выставка любителей бонсай.
Фото ЧТК — ТАСС

СЕРДЦЕМ РАССТОЯНИИ

И ВСЕ-ТАКИ ОНА ДВИЖЕТСЯ

На первый взгляд она похожа на авангардистскую скульптуру. Но назначение этой конструкции в отличие от произведений искусства чисто утилитарное. Она служит средством передвижения. Эта машина даже приняла участие в гонках, проходивших в одном из горных районов Швейцарии. Правда, ей не удалось сорвать лавры победы, но ведь главное — участие.
Фото ЮПИ — ТАСС

СПЕКТР СПЕКТР СПЕКТР СПЕКТР

С. КАЛИНИЧЕВ, фото Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька»

В солнечный апрельский день Севастополь похож на белогрудый лайнер под алыми парусами. Белокаменные улицы, врезанные террасами в крутые курганы, кажутся многочисленными палубами. А когда шагаешь по его пристаням и причалам, цветущим садам и бульварам, разделенным многочисленными бухтами, он предстает уже целой эскадрой, сгрудившейся у Крымского причала.

Здесь во всем ощущаешь дыхание моря. На улице или на бульваре, куда ни глянешь, увидишь черные кителя морских офицеров, лихо сдвинутые бескозырки или фуражки с золотыми «крабами» — это командиры рыболовецкого флота. Однажды мне надо было сориентироваться, как выйти на нужную улицу. Помочь я попросил старика в поношенном пиджачке, в примятой рубашке, под которой на высохшей костлявой груди красовалась матросская тельняшка...

— Если по улицам — это далеко,— объяснял он надтреснутым баском,— зачем вам туда-сюда курс перекладывать... Лучше напрямик поднимитесь по трапу.— И указал на каменную лестницу, которая пересекала напрямую громоздящиеся одна над другой улицы.

Приморские города наделены особым колоритом. Севастополь же выделяется строгостью, подтянутостью, сознанием своей особой значительности. Человеку сухопутному берег моря кажется чертой, на которой обрываются все дороги. Но в этом городе-герое невольно проникаешься уверенностью в том, что все дороги мира начинаются именно от той черты, которая соединяет море и сушу.

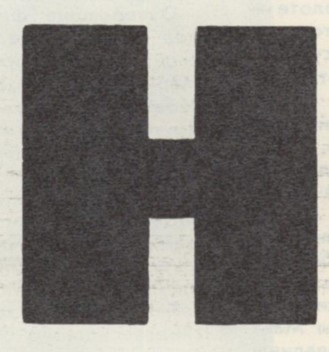
«АТЛАНТИКА»

Я видел архитектора, размышляющего над макетом застройки города, видел геолога, оценивающего расположение буровых на карте большого, раскинувшегося на сотни километров региона. Но то, что я увидел в «Атлантике», поражало своими масштабами: Аркадий Николаевич Шестаков, генеральный директор производственного объединения «Атлантика», работал возле рельефной карты мира, которая занимала всю стену его просторного кабинета. Пятьдесят три океанских судна, которые ловят рыбу, кальмара, креветку, морозят их, перерабатывают на ходу, изготавливают консервы, пресервы, рыбную муку, черными силуэтами были рассредоточены по всем океанам. Аркадий Николаевич расставлял их, как шахматные фигуры, перебрасывая из одной части света в другую.

Любопытно было видеть человека, который руководит многотысячным и, если можно так выразиться, кругосветным коллективом, действующим на всех морях и океанах. Он может связаться с любым начальником цеха, бригадиром, приказать, потробовать отчета, и где-то, например, в Бискайском заливе, приказ его будет принят и исполнен.

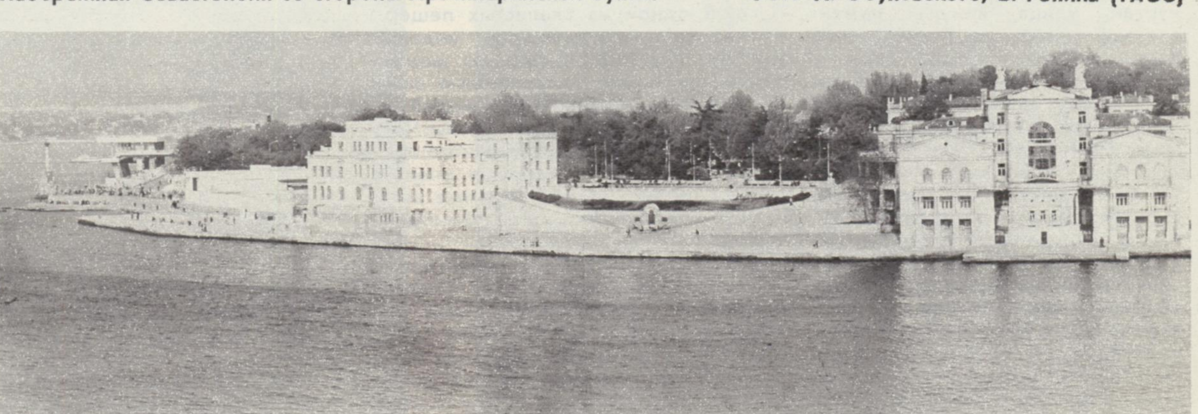
В должность генерального он вступил, когда ему было еще далеко до сорока, но к этому времени успел уже многое. Родился и вырос под Москвой, в Малаховке. Мечтал о романтике моря. Мальчишкой уехал в Херсон, где окончил мореходное училище рыбной промышленности. И вот в неполные двадцать лет — помощник капитана. Ловили они ставриду и тюльку в прибрежных водах. Океаническое рыболовство в ту пору только зарождалось. В океан отбор был строгим. Но его взяли, правда, рядовым. Три рейса ходил он в океан рядовым матросом, а уже в четвертый ушел старшим помощником капитана. В двадцать пять лет Шестаков получил свое первое океанское судно — траулер «Канопус». Молодой капитан, молодежная команда, люди дерзающие, смело экспериментирующие. В 1965 году его команда первой перешла на полный хозрасчет. Работали от души, если требовалось, капитан наравне со всеми выполнял тяжелую матросскую работу.

После рейса, когда подсчитали их уловы, бухгалтеры схватились за головы: заработка команды хватило бы на целую флотилию. Еще и еще раз пересчитывали, выискивая любые возможности «срезать» выплаты команде до «разумных» пределов. Капитан спорил, доказывал, ему перед ребятами было неудобно. И вот тогда кто-то из бухгалтерии сказал ему: «Что спорите, вы же не экономист!» Этот в общем-то демагогический упрек сыграл положительную роль в его жизни. Осерчав, Аркадий Николаевич отослал документы в Харьковский университет и поступил на заочное отделение экономического факультета. Сменившись с вахты где-нибудь в тропиках или северной Антарктике, штудировал учебники. Через несколько лет блестяще сдал экзамены и получил университетский диплом. Так что на должность капитан-директора плавучего завода «Наталья Ковшова», одного из флагманов нашего океанического рыболовства, Шестаков заступил уже опытным мореходом и дипломированным специалистом, хотя ему в ту пору едва исполнилось тридцать. Под его руководством коллектив судна добился больших успехов — богатый улов находили на всех широтах, показывая образцы слаженности в работе.

Несущий славу

Набережная Севастополя со стороны Артиллерийской бухты. Фото А. Обуховского, В. Репика (ТАСС)

Его судно находилось за тысячи миль от дома, в океане, когда капитан-директор получил радиограмму: «Вам предлагается должность генерального директора «Атлантики». Сообщите о своем согласии».

У него открытое молодое лицо, невысокая, с большим запасом прочности фигура. В каждом движении — уверенность, спокойствие, так необходимые для людей его профессии. С ним интересно беседовать. Сложные проблемы своего сложного хозяйства он формулирует просто и понятно. Я напомнил ему, что в последние годы много говорилось об истощении рыбных запасов, что флот растет, а уловы... увы!..

— Это не так. Раньше рыбаки были привязаны к берегу: континентальному шельфу, банкам... Там был вековой опыт, а об открытом океане мы почти ничего не знали. Но постепенно учимся, приходят знания и опыт. Нам помогают навигационные приборы, гидроакустические системы, изучаем вихревые образования в океане. У нас в одиночку никто не рыбачит. Из трех судов создается звено, где все взаимно заинтересованы в добыче и промышляют на расстоянии видимости друг от друга. Если один обнаружил скопление рыбы,— оповещает других. Простая арифметика подсказывает, что вероятность удачи возрастает втрое. Несколько звеньев составляют отряд. Взгляните на карту: все наши суда в Мировом океане расставлены большими группами. За последние пять лет все задания выполнялись. В первом квартале нынешнего года, например, мы уже добыли сверх плана восемь тысяч тонн пищевой рыбопродукции.

— Какую задачу вы, как директор, считаете для себя ключевой?

— Чтобы каждое судно как можно дольше находилось в районе промысла. От ремонта до ремонта. А вообще-то наши суда сюда, в Камышовую бухту, не приходят по два-три года. Специальный рефрижераторный флот — это уже другая организация, она неподалеку от нас находится — доставляет им в район промысла горючее, все необходимое и забирает готовую продукцию. Когда судну приходит срок ремонта, платим за стоянку в ближайшем порту, будь то в Австралии или Южной Америке. Туда вылетает ремонтная бригада, а команда возвращается самолетом домой. У нас есть очень хорошее судно, которое вот уже пять лет не появлялось в Севастополе...

АВТОГРАФ МАРИИ БАЙДЫ

В Севастополе сам дух, образ жизни пронизан его героическим прошлым. Здесь каждая бухта, курган, улица, каждый камень связаны с именами и событиями, составляющими гордость нашей отечественной истории. Нахимовский район, набережная Корнилова, улицы матроса Кошки и Людмилы Павличенко, гора Матюшенко... Камни города помнят одного из организаторов «Севастопольской матросской централки», Григория Вакуленчука, готовившего восстание на броненосце «Потемкин», и Петра Петровича Шмидта, командовавшего восстанием в ноябре 1905 года эскадрой. Жестоко подавленные, эти восстания всколыхнули Россию, стали победными вехами на пути к Октябрю. «Едва ли есть основание ликовать победителям под Севастополем,— писал В. И. Ленин о событиях той поры.— Восстание Крыма побеждено. Восстание России непобедимо».

Тысячи туристов ежедневно приходят посмотреть панораму «Оборона Севастополя 1854—1855 годов», поднимаются на Малахов курган, где каждая пядь земли полита кровью. Здесь сложили свои головы адмиралы Корнилов, Нахимов, контр-адмирал Истомин. А сколько солдат и матросов стояло за каждым из них!.. Местом жестоких сражений и свидетелем величайшего мужества советских воинов стал этот курган в годы Великой Отечественной войны. Сейчас тут множество памятников защитникам города, развернута музейная экспозиция, здесь полыхает Вечный огонь.

Вся жизнь севастопольцев, их дела, духовный настрой отмечены чувством великой ответственности перед героическим прошлым. Оно не только в граните монументов, экспонатах музеев, названиях улиц. Оно и в живой памяти... Город-герой, отмечающий в нынешнем году свое 200-летие, был и остается главной базой прославленного Краснознаменного Черноморского флота.

Город этот растет и ширится. В районе Камышовой бухты выросли новый порт, судоремонтный завод, фабрика орудий лова, мощный транспортный и вспомогательный флот, новый многоэтажный район, раскинувшийся на несколько километров. По сути, это целый город — такой же, каким был весь Севастополь два-три десятилетия назад.

На площади, где начинаются троллейбусные маршруты в Камышовую бухту, расположен городской загс. Подъезжают украшенные лентами машины. На тротуар высыпает нарядная молодежь. Выискивают глазами невесту в свадебном белом наряде. Ей — главное внимание. У здешних жен особая доля: им больше доводится ждать суженого, чем видеть его. Севастопольские женихи в основном трудятся на флоте — траловом, рефрижераторном, научном, военном. Да и судоремонтники сегодня работают в Луанде, а завтра — в Дакаре.

Каждый новый семейный союз скрепляет своей подписью, благословляет на верность и дружбу заведующая загсом Мария Карповна Байда.

Мария Карповна сражалась все 250 дней героической обороны города. Да еще двенадцать суток, возможно, самых трагических, уже после того, как головорезы Манштейна ворвались на развалины Севастополя, когда ушел последний транспорт и погибли последние защитники Херсонесского мыса. В одной из скалистых пещер эта женщина почти две недели оберегала группу раненых моряков. Голодные, беспомощные, они пробирались за морской водой и цедили ее через противогазы. Часто над ними у прибрежного обрыва трещали автоматные очереди. Они видели, как падали в море трупы наших людей, расстреливаемых фашистами.

Весть о присвоении Марии Карповне Байде звания Героя Советского Союза застала ее еще в сражающемся Севастополе. Раненная в грудь и голову, она была в госпитале. Но в тот же день сбежала на огневой рубеж к своим разведчикам.

— Неловко мне было перед ними. Любой из тех ребят, с которыми я ходила в разведку, с таким же и даже большим правом мог бы носить эту Золотую Звезду,— говорила она.

Я попросил ее вспомнить самый напряженный день боев. Она задумалась.

— Пожалуй, тот день начала лета сорок второго, когда мы, четверо разведчиков, пошли в тыл врага. Несколько дней провели там. Лежали у дороги в кустах, под палящим солнцем, не шевелясь, мучаясь от жажды и голода. Слышали чужую речь, видели лица врагов. Под утро прорвались к своим. Уже на пределе сил. Старшина тут же, в траншее, стал придумывать, чем бы нас накормить. Для меня даже припас какой-то пирожок с рисом. До сих пор не могу забыть тот несъеденный пирожок. Кто-то крикнул: «Фашисты!» Мы — за оружие и по траншее. А они уже тут. Бой был тяжелый. Сидим обессиленные, еще не разобрались, кто остался жив, кто ранен. И в это время чуть ли не на наши головы обрушились гитлеровцы. Очевидно, они не рассчитали, думали, что наша траншея пуста, ведь впереди их цепь прорвалась. Они смотрят на нас, а мы на них. В упор. Кто-то из ребят опомнился первым. «Полундра!» Что тут началось... Дрались ножами, зубами, прикладами. Я ничего не помнила. Ярость такая, как током колотит. В донесении потом указывалось, что я четверых убила прикладом. Не верю. Мише Масенко такое под силу или кому-то другому... В наградном листе было написано, что, выручая командира, уничтожила огнем из автомата восемь вражеских солдат. Это когда они считали, что застали командира врасплох, а сами мне свои бока подставили...

— А страх приходилось преодолевать?

— В том бою — нет. А вот позже... Мы оказались в окружении. Человек пятнадцать — всё, что осталось от роты. Шансов прорваться к своим никаких. Я предложила уходить через минное поле. Там когда-то сеяли лук, весной у многих защитников города была цинга. И я на это поле пробиралась за луком. Рисковала, конечно, но где начиналась тропка, которая казалась безопасной, запомнила. Ребята согласились идти за мной. Сначала шли по траншее. А когда во тьме приблизились к месту, где, как мне казалось, начиналась тропа, и мне первой надо было свернуть на нее,— вот тут стало страшно. Сами понимаете, идти ночью через минное поле почти наугад, когда за тобой люди...

Озверевшие фашисты, потеряв под Севастополем триста тысяч своих солдат, ворвались в город. Мария Байда, израненная, нашла в себе силы и мужество помогать другим. Ее, уже известную по газетным снимкам, разыскивали каратели. Но кто мог подумать, что истощенная, полуживая девчонка, перемотанная бурыми от засохшей крови бинтами,— легендарная Мария Байда! Она перенесла и плен и фашистскую тюрьму.

Каждый раз, вручая молодым свидетельство о браке, она советует им беречь счастье: высокой ценою за него платили!

ВИРТУОЗ

Город растет. Создаются новые семьи. Рождается новое поколение, а те, кто приезжает сюда на работу, прочно врастают в его суровую каменистую почву. В этом отношении типична судьба Александра Георгиевича Трынкова.

Тульский оружейник, он в конце войны четырнадцатилетним мальчишкой влезал на табурет, чтобы работать у токарного станка. Шли годы. Его призвали на флот. Служил в Севастополе. Здесь познакомился с дочерью погибшего в сорок пятом офицера, полюбил и... стал севастопольцем. Он не изменил ни флоту, ни своей гражданской профессии — пошел работать на Морской завод имени Орджоникидзе.

Сначала тут трудились двое Трынковых — он и Людмила Афанасьевна. Потом подросли сыновья — Борис и Андрей, оба пошли по стопам отца: один токарь, другой механик. Потом сыновья женились — и вот уже шестеро Трынковых на Морском заводе. Это люди современного рабочего класса. Александр Георгиевич — член Нахимовского райкома партии, один из лучших заводских наставников. В разных цехах — его ученики. О виртуозе, токаре-универсале можно рассказать многое, а можно и ограничиться одной примечательной историей.

Однажды начальник цеха попросил Александра Георгиевича выйти работать в субботу. Трынков согласился, но спросил:

— А почему бы для субботней работы не найти кого-то другого?

Начальник простодушно улыбнулся и стал загибать пальцы:

— Тогда бы мне пришлось просить не только токаря, но и расточника, и фрезеровщика, и шлифовщика, и мастера ОТК... А ты выйдешь один, сделаешь что надо на одном станке, потом на другом. Сам изготовишь, сам и проконтролируешь.

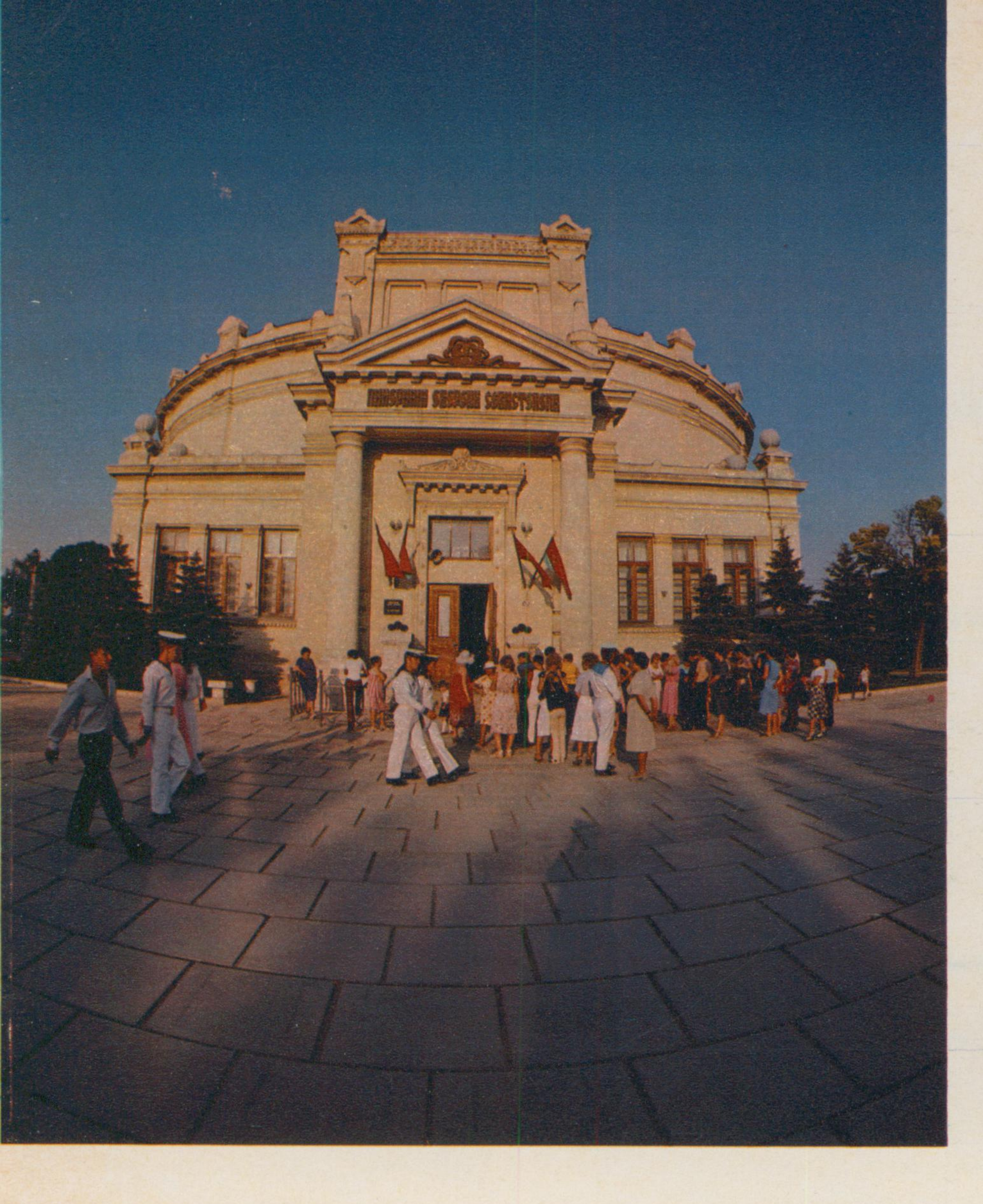
...Когда от причала Морского завода отошел первый плавучий кран «Черноморец» грузоподъемностью сто тонн,— он открыл новую страничку в истории завода. Потом был «Богатырь», поднимающий втрое больше. Но свое подлинное мастерство севастопольские корабелы показали, изготовив плавучий кран небывалой мощности — «Витязь»: на своем крюке он может поднять 1600 тонн! Об этом чуде писали в газетах и у нас и за рубежом.

— На заводе был праздник...— вспоминает Александр Георгиевич.— И у нас в семье и в других заводских семьях праздновали это событие. Когда работает «Витязь», железо стонет. Не верилось, что это мы своими руками создали такое.

Сейчас в семье Трынковых одиннадцать душ: бегает в школу младшая дочь, в садике и яслях — четверо внуков. Им нести по морям и океанам флаг Родины, наследовать боевую и трудовую славу города, при одном имени которого полнится гордостью сердце каждого советского человека. Ведь это город, несущий славу.

Панорама «Оборона Севастополя 1854—1855 годов» * Герой Советского Союза Мария Карповна Байда с внучкой Машенькой * «33 богатыря» * Корабль в торжественном убранстве.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Краснознаменный Черноморский флот на праздновании дня ВМФ. * Парад подводных лодок * Памятник затопленным кораблям.

Тихон Хренников

А. ДАШИЧЕВА

На письменном столе — груды писем. Те, что уже прочитаны, лежат в огромных пакетах. Но еще не прочитанных — множество. «Столько поздравлений?» — спросила я.

— Не только,— улыбнулся Тихон Николаевич. — Давайте вместе посмотрим.

Я взяла несколько писем наугад; здесь действительно были поздравления. Но еще больше оказалось посланий, в которых люди благодарили за оказанную помощь, за участие в их судьбе... Много было писем о музыке, которая тоже помогает в трудные минуты — согревает и утешает, учит радоваться жизни, любить Родину... И невольно письма эти как бы соединяли образ художника и образ человека, по-новому заставляя воспринять особый свет таланта Т. Н. Хренникова. Музыкант, государственный и общественный деятель, он депутат Верховного Совета СССР многих созывов, кандидат в члены ЦК КПСС, с 1948 года бессменный руководитель Союза композиторов, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР.

Руководство творческим союзом — не простое дело. Здесь объединены музыканты самых разных индивидуальностей, пристрастий, взглядов... И он призван направлять общие усилия на выполнение важнейших творческих, общественных задач, поставленных партией перед искусством.

Современный художник, Хренников рожден нашим временем, нашей действительностью: он принес **свое, новое** в вечно развивающееся искусство и обогатил связи искусства с жизнью.

В. И. Ленин гениально определил суть нового искусства, увидев это новое не в отказе от традиций и не в «изобретении» какого-то невиданного пролетарского искусства. Искусство должно уходить своими корнями в толщу народных масс, быть понятно и любимо ими, быть средством общения людей, нести им радость, обогащать их внутренний мир... Демократизм, простота и доступность — высочайшие критерии таланта — присущи творчеству Т. Н. Хренникова. И это не «подделывание под простоту», а проявление мастерства и содержательности...

Еще одна черта творческого и человеческого облика Хренникова — постоянство. Он верен своим принципам. Никакие веяния моды никогда не могли свернуть его с избранного пути. А далеко не всякому композитору дана способность устоять от соблазнов моды, от боязни отстать и, чего доброго, прослыть консерватором. Немалое нужно мужество — именно мужество! — чтобы сохранять свои позиции и убеждения.

Проблема традиций и новаторства неизбежно возникает при анализе творчества любого художника. В свое время критик Г. Ларош, известный исследователь творчества П. И. Чайковского, писал, что в творчестве великого музыканта «было то счастливое равновесие между «исканием новых путей» и инстинктивной привязанностью к классической традиции, которое именно и дает художнику силы на самые смелые новшества, на прочные и действительные завоевания».

Эти слова можно полностью отнести к творчеству Хренникова. Не случайно именно в опере были совершены им самые смелые новаторские открытия и завоевания, появился жанр «народной драмы»...

Опера Хренникова «В бурю» — подлинное открытие. Смелый шаг в освоении огромного пласта народной жизни, новых образов. Впервые на музыкальной сцене появился образ Владимира Ильича Ленина. Его именем и идеями озарено это произведение, являющее собою классический пример современной оперной драматургии, единства вокально-симфонического развития, когда оркестр и голос, сливаясь воедино, достигают подлинного драматизма и предельной выразительности... «Жизнь человеческого духа» раскрыта здесь так убедительно и мощно, что дает опере «В бурю» полное право числиться в золотом фонде искусства музыки.

Героическая тема единства героя и народа становится основой и оперы «Мать», написанной композитором на сюжет повести Горького. Здесь покоряет тот же революционный дух, утверждение идей свободы, благородство характеров главных героев. Русское песенное начало органично вплетается в сложную форму симфонического развития, создавая новые неповторимые выразительные средства классической полифонии...

Оперу «Мать» в Большом театре Союза ССР ставил Николай Охлопков в присущей ему героической манере — масштабно и ярко. Но вот появилось новое сочинение, «Безродный зять» (в первой редакции «Фрол Скобеев»). Совсем в ином жанре написана эта комическая опера. И сколько же здесь прекрасной, живой, брызжущей весельем музыки! Яркая мелодическая основа, сочность, гибкость речитатива, лирика и юмор сделали оперу истинно народной.

Органически присуща Хренникову зримость музыкальных образов. Особенно ярко проявилась она в его театральных, известных и всеми любимых мелодиях к вахтанговскому спектаклю «Много шума из ничего». Музыка наполнила шекспировский спектакль таким юмором, кипением страстей, лирикой, что стала неотделима от него. Пленительная мелодия песни «Как соловей о розе», изящная серенада «Лишь только к роще вы подошли», подлинно шекспировский юмор «Песни пьяных»... И вот так же сразу «на слуху» оказались мелодии к пьесе Гладкова «Давным-давно», трогающие патриотическими чувствами, простые и теплые, лишенные всякой помпезности и потому особенно волнующие...

У всех по-разному начинается путь в искусство. Иные идут к успеху и признанию постепенно, иные сразу, неожиданно и ярко заявляют о себе. Путь Хренникова начался блистательно. Поистине грандиозный успех имела его дипломная работа — Первая симфония, обошедшая буквально весь мир. Имя молодого композитора было тогда запечатлено золотыми буквами на мраморной консерваторской доске рядом с именами выдающихся музыкантов. С тех пор прошел не один десяток лет, но симфония не поблекла от времени, не утеряла свежести. Исполненная нынешней весной в авторском концерте Государственным симфоническим оркестром под управлением Евгения Светланова, она вновь восхитила глубиной замысла, мастерством оркестровки, пронизывающим всю ее ткань мелодизмом.

Идут годы. И растет мастерство, талант композитора. А его творческие и жизненные принципы неизменны.

«Талант в гуще народной»... Это не только музыка, пронизанная современностью. Это и причастность музыканта к важнейшим событиям наших дней. К интересам, волнениям и заботам, которыми живет народ.

Хренников был у рейхстага в исторические дни штурма Берлина. Приветствовал героев, водрузивших знамя Победы... Именно в годы войны закончил он свою Вторую симфонию... Эхо войны, чувства советских людей, вера в победу, несмотря на тяжелейшие испытания, живут в каждой музыкальной ее фразе. Не жалоба, не горестный стон, а былинная мощь народа-героя ощущается в богатырской поступи самой музыки. Постепенно ширится тема гнева и протеста, обретая широкое мелодическое дыхание, и достигает высот подлинной патетики...

«Песня о Москве» Хренникова стала символом общенародной любви к Родине. Впрочем, песни композитора никогда не были однодневками — теми «шлягерами», которые вдруг вспыхивают и тут же бесследно гаснут, не оставляя и памяти о себе. Песни — одно из главных устремлений в творчестве композитора. И они поистине неотделимы от широты его человеческой натуры, от его доброго, искреннего отношения к людям... Лирика, патетика, шутка — все человеческие настроения выражают они, и нельзя без волнения слушать в «Московских окнах» трогательное признание в любви, не улыбнуться доброму юмору песни «Плыла-качалась лодочка» из кинофильма «Верные друзья»... Вообще трудно назвать песню, сочиненную Хренниковым, которая бы канула в Лету. Когда говорят о народности, о настоящей популярности в песенном жанре, всегда вспоминаешь Хренникова... Казалось бы, давно должна забыться — вместе с отгремевшими залпами войны — песня «Прощанье» с удивительно простыми словами девушки: «Иди, любимый мой, родной, суровый день принес разлуку»... Но прошли годы, а чувства, выраженные в мелодии лирической, звучащей благородно и проникновенно, волнуют и сейчас.

Хренников — мастер концертного жанра... Может быть, именно концерт (их написано пять) наиболее ярко воплотил черты присущего композитору стиля. Концерт — жанр блистательный и праздничный: в нем происходит как бы соревнование инструментов (рояль, скрипка, виолончель и т. д.) с оркестром; сложная внутренняя драматургия, театральность, зримость образов должны быть раскрыты в этом диалоге... Мастерство, требуемое концертом, предполагает прежде всего совершенное знание оркестра, как и знание возможностей инструмента, который поведет с оркестром свой «разговор». И я не помню ни одного исполнения концертов Хренникова, чтобы какая-то часть не прозвучала на «бис»; они прочно вошли в репертуар советских и зарубежных исполнителей и пользуются неизменным успехом.

В нынешнем году состоялась премьера Третьего концерта для фортепиано с оркестром,— какой же свежестью чувств, искренностью и теплотой веет от этого сочинения!

Хрупок и нежен вальс в фортепианном концерте Хренникова. Здесь слышатся грациозные, сказочно-романтические звучания колокольчиков... Финал же — настоящее буйство, пиршество музыкальных красок, карнавальное шествие, праздничное и театральное. И неуклонно движется этот музыкальный поток к кульминации, разрешаясь грандиозным «тутти» в оркестре.

«Выдающейся творческой удачей» назвал новый Концерт Хренникова народный артист СССР Евгений Светланов, который стал его первым исполнителем во главе Государственного академического симфонического оркестра СССР. «Мастерство оркестровки, партии фортепиано,— говорит дирижер,— проявилось совершенно и ярко. Новый Концерт, несомненно, займет и заинтересует нас, исполнителей, обогатит репертуар...» Примечательно и то, что сам автор исполнял партию рояля. Хренников — пианист блистательный... Ученик Генриха Густавовича Нейгауза, он ставит главной целью своего исполнительского искусства глубину и содержательность. Поэтому так глубоки и распевны, проникновенны у него лирические раздумья о жизни.

О человеческой судьбе...

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Анатолий КАЛИНИН

РОМАН

Книга вторая

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Цыган

Через час Шелоро первая же и толкнула кулаком под бок Егора, который намертво привалился к ней в теплой пещере, вырытой ими в соломенной скирде. Но он лишь глубже зарылся головой в солому. Никак не хотелось пробуждаться ему.

Тогда, вспомнив, Шелоро порылась в складках своих юбок, извлекая из них маленькую глиняную свистульку, купленную ею на новочеркасском базаре у древнего деда для своего последыша Данилки.

Давно уже так не смеялась она, наблюдая, как ее супруг, подброшенный со своей соломенной постели заливистой милицейской трелью, лихорадочно шарит спросонок вокруг себя руками в поисках картуза. Между приступами смеха Шелоро вновь и вновь прикладывала к губам детскую свистульку. Опережая движение Егора, она увернулась от его карающего кнута.

— А ты, Егорушка, не серчай. Я теперь эту скирду долго буду помнить.

С силой оттягивая ненаевшихся лошадей от скирды, Егор все-таки отомстил ей за свой позорный испуг.

— После каждой такой скирды у тебя как раз и получается по двойне.

Стряхивая с кофты соломинки и зажимая в зубах шпильки, она покачала головой.

— Нет, Егорушка, это не скирда виновата. Это потому, что на соломе ты всегда бываешь такой ласковый.

Приподняв в руке кнут, он оглянулся на зияющий темным отверстием шатер на бричке. Снова уворачиваясь, она тут же бесстрашно вынырнула из-под оглобли лицом к лицу со своим грозным спутником жизни.

— Я теперь опять согласна с тобой хоть до самой Москвы пеши бечь.

И у Егора сама собой опустилась рука. Сердце его смягчилось. В самом деле, много ли надо было его подруге. Вот она только чуть-чуть передремнула и отогрелась на соломе, полежала у него на руке и уже опять готова ехать с ним хоть на край света. Что значит цыганка.

Темнела и дышала горячим хлебом дыра, выеденная лошадьми под скирдой. Но попрежнему никакого шевеления не было заметно под шатром.

— Ты бы, Егор, опять фонариком,— робко попросила Шелоро.

Отворачивая угол полога, Егор пошарил фонариком в шатре. Снова ровным счетом ничего он не сумел рассмотреть в темном ворохе тряпья, только увидел, как светлая курчавая головка их самого маленького, Данилки, приподнялась, ослепленно поморгала большими сонными глазами и плюхнулась обратно. Егор поспешил выключить фонарик.

— Ну как? — невнятно, со шпильками в зубах, спросила у его плеча Шелоро. Изумрудные камушки, вделанные в гребешок, искрились у нее в руке.

— Все как и было. Что им сделается! Как дрыхли, так и дрыхнут. А все-таки Данилка, как хочешь, не моей масти.

Вынимая изо рта шпильки и закалывая ими волосы, Шелоро довольно рассмеялась:

— Далась тебе эта масть! Помнишь, как Будулай на цыганском собрании в овраге говорил, что теперь ни своих, ни чужих детей нет. Все они после войны наши.

— В другой раз я тебя не пущу ветлечебницу убирать.

Шелоро еще веселее засмеялась.

— Значит, ты все еще любишь меня, да? А я-то думала, что тебе уже, кроме этих краденых коней, и не нужен никто. Ну и глупый же ты, Егор. Вот погоди, у Данилки через два года масть совсем переменится, и тогда ты узнаешь, что я у тебя самая честная жена. Разве ты забыл, какой у нас Таня тоже была? Если бы люди знали, сколько я тогда наплакалась от твоего батога. Уйду в степь одна и плачу.— Старая обида вдруг сплелась в ее голосе со вспыхнувшей злобой.— И совсем мне необязательно перед ветеринаром рассыпаться, если я туда на работу хожу. Не за это он мне каждый раз по мешку ячменя дает.— Егор зарычал, она на всякий случай перешла от него на другую сторону брички.— Ходила и буду ходить! Кроме хорошего, ничего он мне плохого не сделал. Твои же паршивые кони и жрут этот ячмень.— Резко затягивая на подбородке свой платок узлом, она вдруг вскочила на передок брички: — Гей!

Вздремнувшие было лошади испуганно сорвались с места и понеслись через кювет по дороге вскачь, разбрызгивая воду. Растерянный Егор остался с мотоциклом у скирды.

Но вскоре он догнал бричку и остался не позади нее, а, заехав сбоку, поравнялся с Шелоро. Некоторое время они ехали рядом, колесо к колесу.

— Я знаю, что ты у меня честная,— заговорил Егор,— но все-таки, Шелоро, больше не ходи туда. Ячмень для лошадей я буду с отделения привозить.

— Так генерал Стрепетов и позволит тебе. Совсем глупый ты, Егор. Данилка у нас получился, когда вот такая же хорошая солома была.

— Да, солома ячменная,— согласился Егор.— Надо будет запомнить это место и приехать за ней по свободе.

— Запомни, Егор, запомни,— загадочно сказала Шелоро.

— Ласточка моя! — Потянувшись с седла мотоцикла, он дотронулся до ее колена рукой.

Опять зачмокали копыта лошадей. Никаких иных звуков не слышно было вокруг. Блестели ребра шатра.

— Ну, а как же ты все-таки решаешь, Егор, отдаст нам генерал Стрепетов ключи от дома или нет?

— Раньше надо было об этом думать. Должно быть, шибко он теперь сердитый на нас. Как бы не пришлось просить Настю к нему сходить.

— Да, ее он уважает из всех цыган.

— Кого же ему еще уважать?

— Что ж, по-твоему, я хуже ее?

— Ты лучше за конями гляди.

— А в соломе, небось, ты меня больше ее уважал.

— Хоть бы ты его посовестилась, Шелоро. Может, он сейчас, правда, слышит нас, только сказать не в силах.

— Совесть, Егорушка, не роса. Не до нас ему теперь.

— Пора уже вам, казаки, и стременную пить,— укоризненно напомнила Клавдия Андриановна Привалова.

Встал со своего места бывший комкор Горшков с бокалом.

— Но до этого давайте еще раз Алексея Гордеевича помянем.— Голос у него осекся, но тут же выправился: — Когда у него уже пошла горлом кровь, он мне сказал: «Только бы до победы дотянуть». Это я единственный раз видел у него слезы.— И, запрокидывая круглую, как обточенную, голову, Горшков, не отрываясь, осушил свой бокал. Но другой рукой он все-таки успел придержать за плечо свою белокурую, с золотыми погонами капитана соседку, когда она вдруг покачнулась на стуле. Она уткнулась головой ему в бок, и он, как ребенку, гладил ей волосы, уговаривая: — Не надо, Нина Ивановна... Ну не надо же!

С другой стороны молча сжала своими пальцами локоть вдовы Селиванова бывший военфельдшер Привалова, тоже капитан, но только с серебристыми погонами, такими же, как и ее волосы, подстриженные коротко, по девической моде.

У самой двери за одним столиком с водителем Стрепетова сидел бывший водитель первого комкора Селиванова, сжимая рукой свой тоже только что осушенный бокал. Вполголоса, скорее всего для себя, а не для других, он обронил:

— А мог бы и не дотянуть.

Но у генерала Стрепетова был острый слух охотника. Он громко возмутился:

— Как это не дотянуть?! Он, слава богу, и после победы почти три года жил. Ты, Бурков, лучше помолчи, если перебрал.

Бывший водитель Селиванова порозовел.

— Я, Михаил Федорович, и так молчу уже больше двадцати лет. Алексей Гордеевич с меня слово взял, что я даже собственной жене не расскажу, как мы с ним попали...

— Начал, так договаривай до конца. Мало ли кто из нас со своими фронтовыми шоферами в переплет не попадал! Если есть что рассказать, не тяни, у нас здесь, кроме тебя, найдется послушать кого.

Бывший водитель Селиванова быстро и до самых краев налил из графина в свой бокал вино, но оставил его перед собой нетронутым. Так до самого конца своего рассказа и продержался пальцами за бокал.

— Уже за Днепром выехали мы с Алексеем Гордеевичем на стык с танкистами. До этого я слышал на КП, как из трубки сам Ротмистров кричал ему: «Пора уже нам встретиться! Лично хочу на донского походного атамана посмотреть!» Ехать было не больше часа, а если на пути зеленый гай не объезжать, еще меньше. Алексей Гордеевич, как вы знаете, и на лошади и на машине медленной езды не признавал: «Давай, Зиновий, сокращай через лес». Я было засомневался: «Его же еще не успели прочесать». «Нет,— говорит,— я еще вчера приказал прочесать». И посмотрел на меня так, что дальше уже я не стал с ним этот вопрос обсуждать.

— Да,— заметил Привалов,— кричать он никогда не кричал, а посмотреть умел.

— Но проскочили мы этот зеленый гай

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22, 23.

почти до самой опушки спокойно. До шлагбаума КПП, где лейтенант вдвоем с автоматчиком проверили у нас документы и попросились довезти их по пути до ихней комендатуры. Алексей Гордеевич, если было в машине место, никогда не отказывал: «Только садитесь побыстрее». «Мы вас не задержим, товарищ генерал»,— весело сказал лейтенант. Что-то мне в его словах или же в голосе не понравилось, но я еще не успел сообразить, что же именно, как они уже оказались в машине у нас за спиной и этот лейтенант вдруг перевешивается с заднего сиденья и снимает с меня маузер генерала, который я всегда при себе носил. Другого оружия мы с собой не возили. Тут и автоматчик подал голос: «Да, доброго каплуна мы подобрали».

Клавдия Андриановна Привалова громко ахнула, ухватив Никифора Ивановича за руку:

— Бандеровцы!

— Они,— коротко подтвердил Бурков.— Гай-то наши прочесали, да не всех вычесали. Первый раз за всю войну я тогда так испугался. Шутка ли, самого Селиванова прямо им в лапы доставил.

— Да-а,— бросил из-за своего столика, из дальнего угла зала, Тимофей Ильич Ермаков.— За это ты тогда не орден Славы должен был получить.

Бурков кивнул.

— Веду машину, а руки на руле как будто не мои. И Алексея Гордеевича, когда сбоку посмотрю на него, не могу узнать. Я его всякого видел: и бледного, как мел, когда на него под Корсунем командующий фронтом по телефону кричал, и красного, когда он бывшего начразведки корпуса Левита разжаловать грозил, и совсем желтого — это когда он уже стал с кровью кашлять. Но черного увидел в первый раз. Как, скажем, чугунное сделалось лицо. Вижу, полез он рукой в карман. «Нельзя!» — крикнул этот бандеровский лейтенант, но Алексей Гордеевич спокойно ему возразил: «Это портсигар». И тут вдруг меня страшное зло взяло, когда этот бандеровец наклоняется через его плечо и хватает своей лапой из раскрытого портсигара целую горсть папирос «Беломор». Алексей Гордеевич всегда «Беломор» курил. «У кого же,— думаю,— ты, подлюга, смеешь хватать!» В эту же минуту вспомнил я о своем кинжале, сделанном из немецкого штыка, который с собой за голенищем сапога носил. Вроде наклоняюсь, чтобы переключить скорости, а сам выхватываю его из-за голенища и, пока этот бандеровский лейтенант делился папиросами с автоматчиком, с крутого оборота его по горлу и тут же без остановки другого под дых. Алексей Гордеевич еле успел брошенный мною руль придержать.

— Получается, ты одним махом...

Бывший водитель Селиванова виновато улыбнулся:

— Сам не знаю как... Если бы он папиросы из портсигара не схватил, я бы, может, и не вспомнил про кинжал.

— Что-то от самого Алексея Гордеевича мне никогда не приходилось об этом слышать,— строго заметил Горшков.— Судя по всему, и Нина Ивановна ничего не знает.

— Первый раз слышу,— сухо и решительно сказала вдова Селиванова.

Нехорошее молчание воцарилось за столиками в зале. Под осуждающими взглядами бывший водитель Селиванова втянул голову в плечи.

— Моя жена тоже до сих пор ничего не знает. Я, Сергей Ильич, сейчас уже жалею, что рассказал. Но я думал, что время уже прошло и теперь уже...

Перебивая Буркова, за него напомнил Привалов:

— Это же, Сергей Ильич, еще когда было! Шутка ли, генерал, командир корпуса, в руках у врага побывал.

Сергей Ильич Горшков, сразу потвердев лицом, отвел под взглядом Никифора Ивановича взгляд. Из окружения ему, еще до того как он оказался в донском кавкорпусе, пришлось выходить...

Теперь уже взгляды всех присутствующих, устремленные на Зиновия Буркова, просветлели. Нет, он, конечно, не мог ничего наговорить на Алексея Гордеевича, с которым прошел три года войны, хотя, может быть, за давностью лет и необязательно было теперь вспоминать всю эту историю за праздничным столом.

Но почему бы и нет? Где же еще, если не в кругу фронтовых товарищей, Алексея Гордеевича вспомнить, на чье же еще доверие мог так рассчитывать Бурков? Нет, молодец, он и тогда своего генерала Селиванова от верной гибели и позора спас и теперь правильно сделал, что не утаил от его соратников то, что они о своем командире обязательно должны знать. Все-все они должны знать о нем, и ничто никогда уже не сможет уронить его в их глазах. Наоборот, теперь, когда они только что снова пережили такую тревогу за него, он стал им еще ближе. Молодец Бурков!

И все потянулись к нему своими бокалами, каждому захотелось с ним чокнуться. Изменчиво настроение людей, даже если это и друзья, с которыми не один раз вместе смотрел в лицо смерти.

Между тем Зиновий Бурков, не замечая этой перемены, вдруг быстро нагнулся, почти скрываясь с головой под столом, и, когда разогнулся, все увидели, как что-то голубоватое и острое блеснуло у него в руке. Это был кинжал, кем-то выточенный или выкованный из трофейного немецкого штыка.

— Вот,— сказал Бурков,— я его и теперь, когда в сапогах, по привычке за голенищем ношу. Мне его один цыган из разведки двенадцатой дивизии подарил.

Сделанный из трофейного штыка кинжал ходил от столика к столику по рукам, рассматриваемый присутствующими так, как будто они до этого ничего подобного не видали еще. Они и поворачивали его из стороны в сторону, и подносили к глазам, и пробовали пальцами острие. Гость из далекого, но незабытого мира явился. Враждебно мерцала при электрическом свете голубоватая сталь.

Кочуя от столика к столику, дошел кинжал и до рыжебородого гиганта с дубовыми веточками на зеленых петлицах. Бывший разведчик, а ныне лесничий, Ожогин недолго рассматривал его.

— У меня тоже точно такой же был. Удобная штука, сунешь за сапог и хоть иди, хоть ползи за языком — не мешает. И когда пощекочешь им горло фрица, он сразу же понимает, что надо сдаваться молча. Он весь наш разведвзвод такими кинжалами снабдил.

— Кто снабдил? — спросил Горшков.

Ожогин с искренним недоумением посмотрел на него.

— Да этот же цыган. Будулай. Мне с ним не один раз приходилось в разведку ходить. Надежный цыган. А недавно он ко мне на кордон на мотоцикле заезжал.

Озаренный запоздалой догадкой, во всю мощь своих легких закричал Никифор Иванович Привалов — так, что жена его Клавдия Андриановна, вздрогнув, опрокинула на скатерть фужер с вином:

— Как же я сразу не сообразил!

Клавдия Андриановна одернула его:

— Замолчи, Никифор! Разве можно так пугать.— Она опечалилась: — Такую хорошую скатерть залить...

Тимофей Ильич Ермаков успокаивающе посоветовал ей:

— А вы ее солью посыпьте. Следа не останется. У меня, как у председателя виноградарского колхоза, на этот счет опыт есть. Каждый месяц приезжают из области или из Москвы гости дегустации проводить. Соль, она все вино в себя забирает.

Когда же и до Тимофея Ильича докочевал наконец передаваемый из рук в руки кинжал, он, бегло осмотрев его, заключил:

— Да, его работа. У наших садоводов теперь тоже хорошие ножи из подобранных по всем балкам немецких штыков завелись. Если, конечно, это тот же Будулай, который нанимался к нам кузнецом.

— А потом исчез, áки дым в поле,— подсказал насмешливый голос.

Его немедленно поддержали из разных концов зала:

— Прихватив, конечно, с собой на память пару колхозных кляч.

— Или на худой конец верхового коня.

— Из благодарности хозяевам за приют и ласку.

— Нет, это был честный цыган,— твердо ответил Тимофей Ильич.— Я сам не поверил: ни одного молотка из нашей кузни не взял.— Тимофей Ильич развел руками.— Но сбежать в один прекрасный день сбежал. Не знаю, какая его оса ужалила. А на фронте мне его не приходилось встречать. В нашем корпусе много служило людей.

Генерал Стрепетов уточнил:

— Иногда до тридцати тысяч рядовых и комсостава набиралось.

— Ну вот. Если бы каждого узнать, надо было, чтобы война еще десять лет тянулась.

Клавдия Андриановна Привалова издали, как школьнику, погрозила Тимофею Ильичу Ермакову пальцем:

— Типун вам на язык.

— Да нет, Клавдия Андриановна, это я к тому, что в нашем корпусе не меньше, чем природных казаков, служило узбеков, грузин, кабардинцев и даже цыган. Вот и он, оказывается, служил. Правда, об этом я уже здесь узнал. Как-то не пришлось мне с этим Будулаем разговориться у нас в колхозе. И он, признаться, не очень-то к себе с расспросами подпускал. Вообще какой-то странный был цыган, все больше молчит.

— Если бы, Ермаков, у тебя вся семья под немецким танком погибла, ты бы тоже, наверно, был странным.

Тимофей Ильич еще не успел разобраться, кому принадлежала эта холодная реплика из дальнего угла, как за него заступился Ожогин:

— Не скажи, Шелухин, все-таки он и до этого был какой-то не такой, как все. Хоть и надежный цыган. Я ведь его немножко раньше тебя узнал. Из одного и того же сочинского госпиталя вместе в ноябре сорок второго в корпус попали. И потом уже, помнишь, в разведвзводе он никакой осторожности не признавал.

— К тому времени он уже все узнал про свою семью. Какой-то другой цыган через фронт перешел и ему рассказал.

Сощуриваясь и глядя куда-то далеко впереди себя, бывший комкор Горшков задумчиво напомнил Привалову:

— У меня, Никифор Иванович, в одиннадцатой, когда стояли в бурунах, тоже какой-то молодой цыган лошадей ковал. А потом куда-то исчез.

— Их, Сергей Ильич, тогда почти в каждом полку было по цыгану. Лучше и быстрее их никто не умел коня подковать,— подтвердил Привалов.— А этот Будулай, из разведки двенадцатой дивизии, мог и через игольное ушко языка протащить.

У бывшего комкора Горшкова вдруг вспыхнули выпуклые серые глаза.

— Но если так, то и эта загадочная история с жеребцом короля Михая не могла без его участия обойтись.

Никифор Иванович оживился:

— И увели-то, подлецы, без всяких следов. По приказанию Толбухина всю контрразведку фронта на ноги поставили — как в воду канул. Раньше так только цыгане и умели лошадей красть.

— Ну и наших-то, Никифор Иванович, казачков не стоит обижать. Если, бывало, захотят, у самих цыган уведут.

И тут же Горшков повернул голову на голос, донесшийся от самой дальней приставки к составленному подковой из маленьких столиков большому праздничному столу, за которой сидели те, у кого были воинские звания и награды поскромнее.

— Нет, это не он королевского жеребца увел.

— А тебе, Шелухин, откуда это может быть известно? Если не он, то тогда, может быть, ты?

На звук его голоса Шелухин тотчас же встал и привычно вытянулся за своим столиком.

— И не я, товарищ гвардии генерал-лейтенант. Но я с ним до конца войны в одном разведвзводе служил и хорошо знаю, что он в краже этого жеребца из королевской конюшни участия не принимал. Он только...

— Ты, Шелухин, сядь,— жестом усадил его Горшков.— Я уже сказал, что за этим столом мы все независимо от званий и остального прочего равны. Ты, кажется, еще что-то хо-

тел сказать? Не бойся, за давностью времени тебе теперь не придется, как нам с полковником Приваловым, из рук маршала Толбухина штрафной кубок спирта пить.

При этом напоминании Никифор Иванович замотал головой и, давя в себе смех, затряс грудью так, что пришел в движение, зазвенел весь его иконостас орденов и медалей.

Набираясь мужества, Шелухин выпалил одним духом:

— Он, товарищ гвардии генерал-лейтенант, не участвовал, он только помог, когда попросили казаки перекрасить каким-то цыганским составом этого арабского жеребца в вороного. Чтобы его можно было на Дон переправить.

От хохота, грянувшего вслед за этими словами, теперь уже пришел в движение, всколыхнулся благородный металл боевых наград у всех присутствующих, звон его слился в сплошную музыку. И за нею вряд ли кто-нибудь мог услышать, как бывший водитель Селиванова за своим столиком вполголоса добавил к тому, что только что рассказал своим фронтовым товарищам:

— Я,— говорит,— как разведчик, советую тебе, Зиновий, этот кинжал всегда в придачу к личному оружию иметь. Его можно незаметно за голенищем носить. От тебя, может быть, больше всего зависит, чтобы Алексей Гордеевич до победы дожил.

Колеса то переваливаются со стороны на сторону, с бугорка на бугорок, то обрываются в яму и опять скребутся наверх. Прямо под головой, под ухом грохочет порожнее ведро, привязанное к грядушке брички. Из-за отворачиваемого ветром угла полога всего лишь одна-единственная красная звездочка виднеется на угрюмом небе.

И, конечно, это Гром толкается мягкой мордой в плечо и, небольно покусывая, выпрашивает добавок к своему пайку сахара, хотя Будулай точно помнит, что, когда он попал в двенадцатую дивизию, у него еще не то что Грома, вообще никакого не было коня. До зачисления в дивизионную разведку ему только чужих лошадей приходилось ковать. А до встречи с Громом и подавно было далеко, совсем далеко. С Громом они познакомились уже на конезаводе.

А вообще-то, если порыться в карманах, можно было бы найти для него еще одну глудочку, не жалко. Если б можно было хоть чуточку пошевелить руками, на которых с двух сторон лежит какая-то немыслимая, просто-таки чугунная тяжесть. И на груди тоже. Как будто кто-то на самое сердце наступил каблуком и давит, давит. Сволочи, что же вы делаете, так же нельзя бить человека!

Проклятое ведро совсем не дает спать, а Гром в ожидании сахара горячо и влажно дышит прямо в лицо. Если бы можно было хоть одной рукой пошевелить. Душно, душно... Ваня, скорей открой дверь кузни, впусти ветра!

— Ты ничего, Егор, не слышал?
— Это ветер в лесополосе. Как бы к утру мороза не натянуло.
— А это, должно быть, над нашим клубом свет.
— На дорогу смотри. Сейчас будет мост через овраг.
— Но, может, и над столовой.
— Лучше здесь я сам переведу по мосту лошадей, а потом вернусь за мотоциклом.

Был уже тот послеполуночный час, когда и самые последние из припозднившихся в рейсах машин успели добраться до своих гаражей, а те, у которых не одними сутками исчерпывались их путевые листы, давно предусмотрительно стабунились возле постов ГАИ. За все время обратного пути Михаила Солдатова из роддома до конезавода ни один луч встречного света не скрестился с его самосвалом.

Михаилу, когда он, налегая на баранку, удерживал самосвал в разъезженной колее, так и не понять было, то ли это перед глазами у него все время было так непроглядно темно, то ли на душе, измученной и потрясенной событиями этой ночи. На всем пути от райцентра домой его настигал изнемогающий, как по мертвому, крик Насти:

— Ни сыночка, ни дочушки не будет у нас, Миша-а! Это я во всем виновата, я!

Но ведь и в самом же деле уже не поживому она так кричала, поворачивая на носилках к Михаилу голову, когда ее уносили санитары:

— Брось меня, брось! Так мне и надо, что позарилась на чужое счастье! Мало мне было своего.

Нет, это не она, бедная девочка, была во всем виновата, а все тот же проклятый цыган, за которым до этого гонялась она по всей степи. Думала, должно быть, что не догадывался Михаил, зачем она ездила на могилу к сестре на правый берег Дона. Доездилась. И теперь ее душераздирающий крик всю дорогу сопровождает его по безглазой ночной степи.

Дождь уже не струйками стекал по лицевому стеклу машины, а позвенькивал белыми крупками. Голубые елочки первых снежинок налипали на стекло, а мгновенно обмерзающие на холодном ветру кусты шиповника вспыхивали по обочинам дороги под фарами красными огоньками ягод.

Так на всем обратном пути ни одна встречная машина и не перемигнулась с самосвалом Михаила. Но вот наконец и толпа белых домиков, выбежав навстречу из темноты, закружилась, затанцевала в скользящем потоке света. Теперь оставалось только перемахнуть по насыпи через овраг и повернуть направо в новую улочку кирпичных коттеджей, построенных начальником конезавода Стрепетовым для молодоженов. Теперь уже машина сама найдет здесь дорогу, как лошадь, почуявшая запах дома.

Но Михаилу уже не под силу будет отогнать самосвал на ночь в гараж. Ничего ему не сделается, если постоит до утра у двора. Отяжелевшая бессонная голова так и падает на руль.

Вдруг голова Михаила вскидывается над баранкой руля, мгновенно трезвея от пронзительного вопля:

— Куда же ты, паразит, прямо на бричку прешься?!

Михаил едва успевает намертво затормозить перед двумя взметнувшимися конскими мордами с ощеренными зубами. Лошади шарахаются от самосвала в сторону.

— Стоять! — кричит на них все тот же голос. И еще что-то добавляет, но не по-русски. Женщина в мокрой венцераде, воздев в руке кнут, бесстрашно втискивается между самосвалом и лошадьми. Схватившись за оглоблю, она хлещет лошадей кнутом по мордам. У них фиолетовые обезумевшие глаза выкатились из орбит.

Обтянутая серым брезентом бричка прямо перед домом Михаила стоит. А вот уже Михаил узнает голос цыганки Шелоро, которая, вскочив на подножку самосвала и заглядывая в кабину, как ни в чем не бывало, говорит ему:

— Мы тебя тут уже полночи ждем. Смерзли. Где тебя носит?

Михаил тупо смотрит на нее из кабины. Все лицо у Шелоро в родинках налипшей на него грязи и в размазанных подтеках, как будто кто-то возил ее за цыганскую косу по мокрой земле. Но зубы сверкают сквозь грязь.

— Теперь мы его можем тебе спокойно на руки сдать. Там, на верандочке, он пока без памяти лежит, потому что с мотоцикла упал. А нам уже тоже давно пора домой.— Соскакивая с подножки самосвала, Шелоро сердито зовет: — Егор!

Все еще ничего не понимая, Михаил видит, что и Егор, муж этой Шелоро, тоже находится здесь. Но он почему-то не при лошадях, как всегда, а поодаль от брички рядом с мотоциклом стоит, скрадываемый полумглой.

— Принимай, принимай, Михаил, от нас своего родича,— весело требует Шелоро.

— У меня здесь никаких родичей нет,— на всякий случай говорит Михаил. Ничего хорошего от этой ворожеи он не может ожидать.

— Ну, так, значит, у твоей молодой жены есть. Разве твою жену, Михаил Солдатов, не Настей зовут?

— Ее сейчас нет дома.

Желтый парус света, падающего от невыключенных фар самосвала, наискось пронизывают серебристые нити изморози, опять переходящей в дождь. На бричке выгнулись ребра шатра. За спиной Шелоро топчется, хлюпая водой в сапогах, Егор.

— Егору уже сказали в гараже,— сочувственно говорит Шелоро. Тут же она деловито интересуется: — Сын или дочь? А может, она тебе сразу двойню принесла?

— Об этом еще рано говорить,— сухо отвечает Михаил.

— Бедная,— догадливо заключает Шелоро,— это она мучается сейчас. Но ты не дюже печалься. Это всегда по первости так бывает, а потом она начнет их тебе каждый год катать. Полные углы накидает. Правда, Егор?

За спиной у нее стыдливо хлюпает. Взор Михаила неотвратимо притягивают к себе большие ноги в сапогах с резиновыми рубчатыми подошвами, торчащие из-под старой армейской плащ-палатки на верандочке коттеджа. Лицо накрытого плащ-палаткой человека прячется под навесом верандочки в темноте.

— Ничего, к тому времени, когда Настя вернется из роддома, он уже будет на ногах,— перехватывая взгляд Михаила, успокаивает Шелоро.

Чертова ворожея! Мало того, что она издевается над своими же собственными детишками, которые сейчас мокнут и мерзнут в бричке под дырявым шатром, ей еще захотелось поиздеваться и над ним. Всю жизнь Михаил мечтал о такой родне! С первого же дня после свадьбы с Настей у него вдруг сразу объявилась целая армия таких родичей, которые ему раньше и не снились. Редкий вечер обходился без того, чтобы не подворачивал к их крыльцу сын этого смуглого племени верхом на коне или не въезжала в ворота их усадьбы вот такая же, с халабудой, телега с ворохом чернокурчавых детишек, и никому нельзя было отказать в ночлеге во избежание кровной обиды. Но такого еще не было.

— Вот и хорошо,— по-своему истолковывая его молчание, с удовлетворением говорит Шелоро.— Теперь и нам можно к своему коттеджу ехать. Трогай, Егор! Нет, нет, ты теперь на бричку садись, мотоцикл останется здесь. Он при своем хозяине должен быть, нам чужого не нужно. Ты оглох, Егор?! Сколько раз можно повторять?!

Только теперь Михаил соображает, что сейчас уже совсем уедут они. И тогда ничего нельзя будет исправить.

— Вы его подобрали, вы и берите с собой,— хрипло говорит Михаил.

Шелоро, уже наступившая на ступицу колеса, удивленно оборачивается.

— Вот ты, оказывается, какой! Вы с Настей всего вдвоем в большом доме живете, а нас — десять.

Голос Егора уточняет из полутьмы:

— Восемь.

Грозно оглядываясь на него, Шелоро выпячивает под свет невыключенных фар самосвала свой живот.

— К лету опять не меньше двойни будет. Ему, как больному, покой нужен, а у нас по нем детишки будут ползать.

Впервые Егор высовывается из полумглы в нахлобученном на уши картузе с блестящим козырьком.

— Я им поползаю! Пусть только попробуют.

— Ну, тогда я его с собой положу.

На эту тему Егор шуток не терпит. Он поднимает свой кнут с махром вровень с лицом Шелоро и, встряхнув, водит им прямо перед глазами у нее.

— А это ты не видала?!

Некоторое время она как завороженная тоже водит глазами вслед за движением махра и потом заявляет:

— Ну и черт с тобой! У меня дети уже насквозь промокли. Если их родному отцу какой-то чужой человек дороже, пусть он с ним и остается, а я им родная мать. У них, слава богу, еще мать есть.

И, вспрыгнув на передок брички, она натягивает вожжи. Егор едва успевает прыгнуть вслед за ней. Круто разворачиваясь на месте, бричка брызгает из-под колес на стекло самосвала смесью земли со снегом и пропадает в темноте.

Продолжение следует.

ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ...

УКРАСЬ С ЛЮБОВЬЮ

Нынешняя весна всюду была ранней. Потеплело вдруг, и Таллин сразу окутался зелеными облаками — так много в нем нынче парков, скверов, деревьев на улицах. И угрюмыми, наверное, казались бы средневековые крепости, если бы камни не были украшены цветами.

А теперь, как ни странно это покажется на первый взгляд, попробуем перевести зеленую поэзию весны в цифры.

— В прошлом году,— рассказывает заведующая центральной службой озеленения города Сильви Кяйт,— посадили 28 770 деревьев, 30 636 кустов и 1 318 394 цветка. В этом году деревьев и цветов будет посажено побольше, а кустов поменьше. Но зато уложат больше металлических решеток, оберегающих корни деревьев, разместят на улицах и площадях 1853 декоративные вазы с цветами, и в них урны ставят не жестяные, а керамические. Устанавливается более 1500 скамеек в парках и на остановках всех видов транспорта, укладывается 720 квадратных метров плиток.

Говоря о плитках, мы с Сильви Кяйт отлично понимаем друг друга. А для жителей других городов стоит пояснить, что за этим кроется. Планируя новые кварталы, архитекторы Таллина надеялись разрядить однообразие современных архитектурных линий замысловатыми, петлистыми асфальтовыми дорожками. Может быть, оно и красиво... Но если вы догоняете уходящий автобус или спешите в магазин перед закрытием, петляние по таким дорожкам только раздражает, и начинается бег по газонам. Как с этим бороться? Очень просто: зимой на снегу отчетливо видны тропинки, проложенные пешеходами по кратчайшей линии. По этим линиям, как только сойдет снег и подсохнет земля, укладываются уголком к уголку цементные квадратные плитки. Кто не спешит — пусть прогуливается по петлям асфальта, кому некогда — беги по плиткам. Газон благодаря этой белой мозаике не только сохраняется, но и хорошеет. Так что плитки оказались куда эффективнее самых строгих письменных запретов и даже насмешливых изображений козлов и ослов, разгуливающих по газонам с цветочками во рту.

...А зеленые облака деревьев густеют с каждым днем, становятся прямо тучами — тяжелыми и ароматными. Бело-лиловым дымом заклубились сирень и жасмин, розовыми звездочками вспыхнула жимолость. И распустился в сквере у театра «Эстония» каштан с ярко-розовыми, почти алыми цветами.

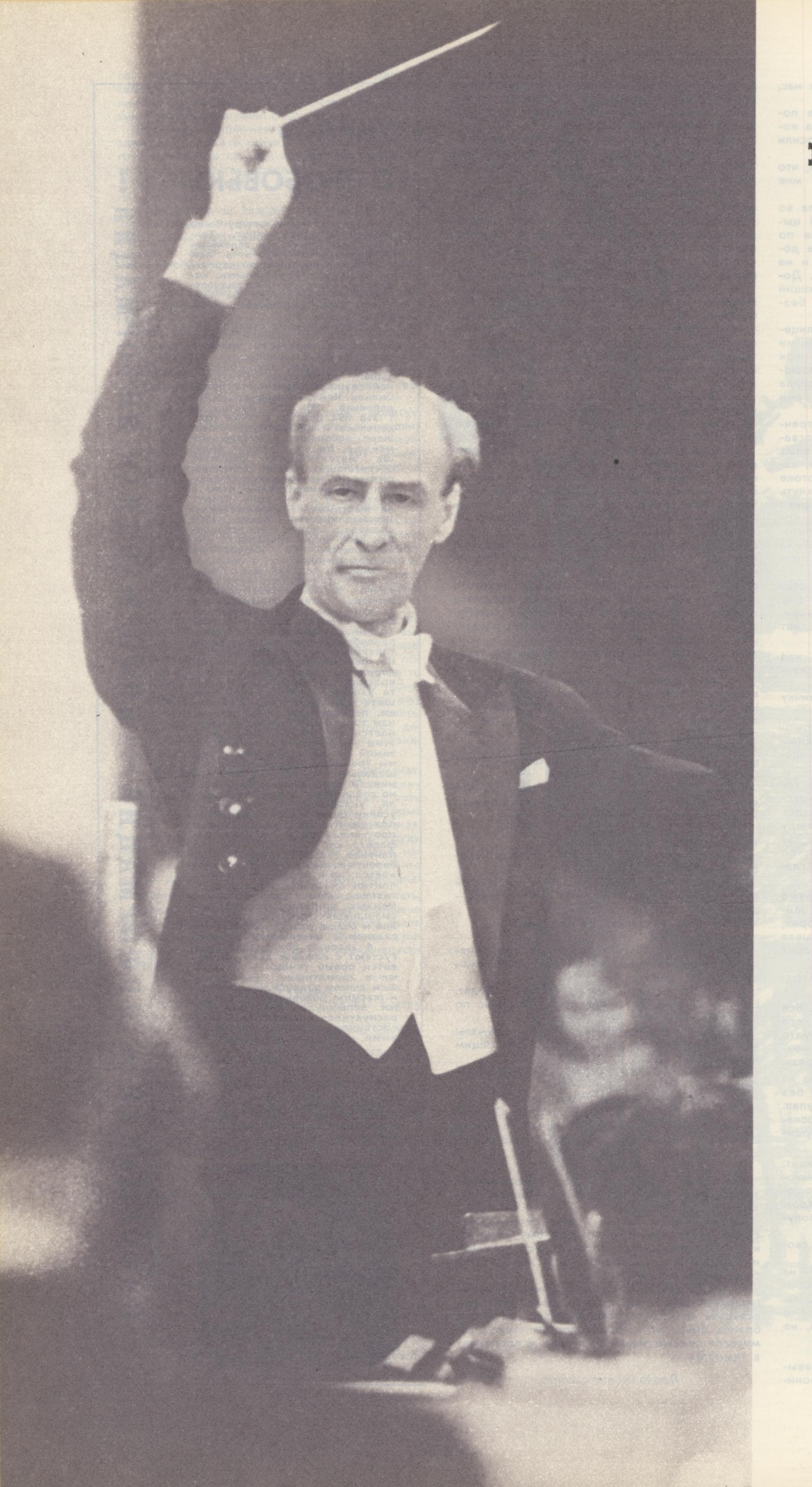
Таллин.

Н. ТОЛБАСТ

Элви Куузик, Сильви Паги, Карин Кынд и Мезди Нестор ухаживают за таллинскими цветами.

Фото В. Сальмре

ДИРИЖИРУЕТ МРАВИНСКИЙ...

Для каждого, кто бывает на концертах Е. А. Мравинского и его оркестра, кто слышит его передачи по радио или встречается с ним на телеэкранах, это всегда становится праздником...

Народному артисту СССР Евгению Александровичу Мравинскому, лауреату Ленинской и Государственной премий — 80 лет. Долгие годы (более сорока лет) он возглавляет заслуженный коллектив республики — академический симфонический оркестр Ленинградской филармонии имени Д. Д. Шостаковича. Прославленный, виртуозный оркестр. Необыкновенный. Прежде всего прославленный именно Мравинским.

О величии этого дирижера и его оркестра рассказал недавно всему народу телефильм «Мравинский. Пятая симфония Чайковского», подарив людям чувство подлинного наслаждения, подняв нас над будничными заботами. Музыка воодушевила, позволив прикоснуться к прекрасному, а значит, возвысила человеческое самосознание.

Поразительно, с какой точностью и глубиной Е. А. Мравинский «вычертил», сказал бы я, композиционную форму каждой части симфонии, ее драматургический рельеф. Каждая деталь, каждый акцент — словом, вся нюансировка «прописана» с ювелирным мастерством. И при этом музыка не потеряла широты, душевного масштаба: она до краев наполнена живым человеческим чувством, и можно было еще раз с восхищением убедиться, как много значит в искусстве идеальная завершенность замысла.

Глядя на руки Мравинского, любуешься предельной точностью, даже скупостью и одновременно содержательностью жеста. Непостижимо: едва заметное, скорее угадываемое движение кисти или даже всего лишь движение бровей, брошенный в оркестр быстрый взгляд определяют звучание музыки, которая воистину «выражает невыразимое». Мало того, четкость концепции, доскональное знание партитуры и совершенная техника дают Е. А. Мравинскому такую уверенность и свободу, что он не только успевает показать музыканту вступление, но даже слегка кивнуть ему в знак одобрения. Приходит на ум, что оркестранты научились читать самые мысли маэстро...

Зато какую энергию приобретает жест в кульминациях! Если бы в зале выключили общий свет, а руки дирижера обозначили маленькими лампочками, мы увидели бы, как рождается в пространстве прихотливый рисунок, вызывающий к жизни все «изгибы» звучащей музыки.

Кстати, только на телевизионном экране мы в отличие от

публики в зале замечаем все эти драгоценные подробности, которые становятся достоянием миллионов. И сколько ни слушаешь ленинградцев, не перестаешь поражаться слаженности оркестра. Но это не формальная слаженность, а скорее состояние души, когда целый коллектив живет одним дыханием... А какова точность строя, например, деревянных или «меди» и других групп инструментов — и это тоже не формальное достоинство. Музыканты знают, что точный строй приводит в полное согласие так называемые обертоны (то есть призвуки), а это усиливает сочность, глубину, певучесть звучания, красоту тембра.

Знаменитого дирижера и его оркестр знает весь мир. Во многих странах, и не однажды, блистательно представлял он советское искусство. И всюду с почтительным восторгом приветствовали художественный коллектив высшего класса. Выпестованный своим художественным руководителем и главным дирижером Евгением Александровичем Мравинским, оркестр способен решать самые сложные творческие задачи.

Задумываешься: какая же тайна скрыта в этом художнике?.. Высочайший интеллект и безошибочная интуиция, неумолимая логика и свободный полет вдохновения, богатейшая эрудиция — все слилось в творчестве мастера. И ни тени рисовки, никаких внешних эффектов!

Репертуар его необозрим. Ему подвластна музыка всех эпох и стилей прошлого и произведения самых различных по письму современных авторов... Д. Д. Шостакович, начиная со своей Пятой симфонии, первое исполнение почти всех своих последующих оркестровых сочинений доверял только Е. А. Мравинскому и его оркестру. И не один советский композитор обязан ему появлением на свет своих творческих созданий. Сам же он говорит:

— Я не хозяин произведений. Я всего лишь посредник между автором и слушателем.

Непреклонная воля и убежденность за дирижерским пультом. И подкупающая интеллигентность. За ней ощущается широчайшая культура дирижера. Вспомним начальные кадры названного фильма о Пятой симфонии П. И. Чайковского, когда Е. А. Мравинский беседует, отдыхая в кресле, еще не остыв после трудной и радостной работы...

В свое время Э. Хемингуэй написал: «Жизнь человека ничто по сравнению с его делом». Может быть, это сказано слишком сильно. Но зная, как служит музыке Евгений Александрович — вдохновенно и бескомпромиссно,— можно подумать, что он исповедует такую же мысль... Да, неустанный труд, непрерывное совершенствование, беспощадная требовательность — прежде всего к себе — во имя великого искусства музыки, которую мастер дарит людям...

Ан. КЛИОТ

среди книг

ТРУЖЕНИКИ ЗЕМЛИ

Советский писатель Илья Зиновьевич Гордон давно и прочно вошел в литературу со своей темой, миром своих героев.

В романах, повестях и рассказах он изображает жизнь евреев-хлеборобов, в прошлом переселенцев-колонистов юга Украины, а теперь колхозников. Изображает со знанием дела, талантливо, ярко.

Если взять творчество Ильи Гордона в совокупности, то не будет преувеличением сказать, что писатель поднял целые пласты народного бытия, в его творчестве запечатлены важнейшие этапы жизни той части еврейского народа, которая крепко связала себя с землей, хлебопашеством, стала составной частью сельского населения, советского крестьянства. В этом главное своеобразие Ильи Гордона как писателя.

Причем одним из достоинств книг Ильи Гордона является и то, что они пронизаны духом интернационализма. Писатель рисует жизнь евреев-хлебопашцев не изолированно, не обосабливает их в некую колонию, а изображает в единой братской семье советских народов. Без произведений Ильи Гордона картина советской литературы о деревне была бы неполной.

И вот перед нами новый роман Ильи Гордона — «Под жарким солнцем», и не просто роман, а документальный.

Главным героем здесь является выдающийся деятель колхозного строя, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета УССР, член Совета колхозов Илья Абрамович Егудин. В романе он фигурирует под фамилией Мегудин.

Писатель прослеживает и показывает жизнь Ильи Мегудина с детства до наших дней.

Еще мальчонкой вместе с отцом Абрамом Мегудиным и многочисленной семьей Илья приехал в сухие крымские степи, и здесь отец привил ему любовь к земле, к хлебопашеству. Отец Ильи гнул спину на помещика, нищенствовал со своей многодетной семьей. А Илья Мегудин в девятнадцать лет уже становится бригадиром полеводческой бригады. Он выращивает в засушливых степях такие высокие по тем временам урожаи пшеницы, что слава о них пошла по всей стране. Молодой полевод удостаивается высшей награды Родины — ордена Ленина.

М. И. Калинин интересуется его успехами. Мегудин становится председателем колхоза, его приглашают в Москву на II съезд колхозников-ударников.

Писатель показывает рост Ильи Абрамовича Мегудина от рядового колхозника до крупного государственного деятеля.

Опыт, собираемый по крохам, умение, талант И. А. Мегудина воплотились и в создании прославленного колхоза «Дружба народов». И это название не только символическое: в колхозе трудятся хлеборобы семнадцати национальностей!

Весь роман проникнут пафосом социалистического строительства, в нем ярко и убедительно показана жизнь еврейского крестьянства с дореволюционных времен до наших дней. А в целом книга Ильи Гордона продолжает славные традиции советской литературы, на новом этапе развития нашей жизни показывает то, как человек растит хлеб и как хлеб растит человека.

Павел БОГДАНОВ

Илья Гордон. Под жарким солнцем. Перевод с еврейского Б. Двинской. М., «Советский писатель».

МАТЕРИНСКАЯ ОБИДА

У меня трое взрослых детей. Стоит ли говорить, какое непростое это дело — поднять их на ноги, помочь выучиться, да еще если учесть, что много лет воспитывала их одна. Конечно, без трудностей не обходилось. В семье всегда берегли деньги, но никто из моих детей не был жадным. Выше всего ценили мы с ребятами наши честные, добрые отношения.

...И вдруг один день перевернул все. В этот день с младшим сыном мы стали чужими. Постараюсь рассказать почему.

30 апреля. Свадьба Володи, моего младшего. Последняя свадьба в моей семье. Все идет прекрасно. Банкетный зал. Торжественная церемония с участием артистов-скоморохов, играет оркестр. Мне казалось, что в зале нет более счастливой пары. Поздравления близких, друзей. Нам трудно было собраться с силами и, конечно, с деньгами: родственников у меня нет, я выросла в детдоме, сын полгода как вернулся из армии. Спасибо коллегам по работе, соседям, друзьям по детдому, которые помогли мне организовать эту свадьбу.

Каково же было мое удивление, когда молодым вместо подарков стали дарить конверты с деньгами. На глазах у присутствующих началась дележка конвертов. Сын тоже пытался взять деньги. Молодая жена громко требовала, чтобы деньги отдавали ей, и только ей. Новоиспеченная теща поддерживала ее. И никакая музыка не могла заглушить их крики. Мои друзья делали вид, что ничего не замечают. Боялись обидеть меня. До сих пор стыд обжигает, когда вспоминаю об этом. Уходя, молодая семья аккуратно собрала все со столов... Из моря цветов ни одного не было подарено мне. И ни единого слова благодарности ни с той, ни с другой стороны.

Когда после свадьбы сын с невесткой пришли в дом, мои друзья молча встали и ушли. Я сама боялась не сдержаться, высказать ей все, что накипело, а она ведь ждет ребенка. Сын обиделся, принял сторону жены. Вот так и раскололи нас эти деньги.

Письмо пишу в поезде. Я часто бываю в командировках. И сейчас еду далеко на Север, мне надо теперь много работать, чтобы рассчитаться за свадьбу. Еду и вспоминаю, как всегда собирались в нашем доме друзья сына по школе, армейской службе, по работе. Как шутили и смеялись, как был ласков со мной сын...

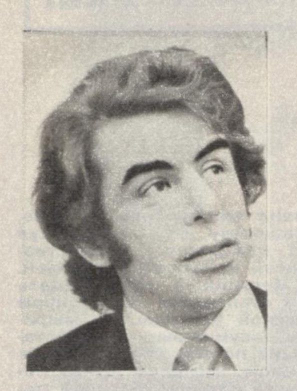
Никогда я не жалела, что все лучшее отдавала детям. Да и дети платили мне только хорошим, не проявляя интереса к деньгам. Не требовали от меня невозможного. Сыновья и дочь приносили в дом каждый заработанный рубль, деньги лежали всегда открыто. А вот теперь еду и думаю: почему же так случилось, неужели во всем виновата эта девчонка, ее мать, которая из-за жадности отказывалась даже справить свадьбу единственной дочери? А сын? Возможно, сейчас все станут убеждать меня, что вот, мол, молодо-зелено... Не молодо и не зелено, отвечаю заранее: скоро они будут растить первенца. Каким он вырастет? И еще одна мысль не дает покоя: стоит ли все вот так, до последнего, отдавать детям? Нет ничего на свете горше материнской обиды.

Л. Д. АЛЕКСЕЕВА

Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ. Переживая за Владимира, обвиняя его в сыновней неблагодарности, Л. Д. Алексеева задает вопрос: как могло случиться, что он, честный, добрый человек, вот так, в один день, отвернулся от матери? И не находит объяснения. Да и могло ли на самом деле за один вечер измениться мировоззрение уже сложившегося, хотя и молодого человека?

Мы обращаемся к читателям с просьбой высказать свою точку зрения на затронутые в письме вопросы. А их, на наш взгляд, немало. Во всем ли права мать в своей обиде на детей? Стоит ли устраивать из последних сил грандиозные свадьбы? Почему на свадьбах молодым вместо подарков дают конверты с деньгами? Откуда берут начало истоки алчности, бездушного, рваческого отношения к старшим? И нет ли здесь нашей вины, родительской? Словом, речь идет о самом главном — о нравственном воспитании подрастающего поколения.

Голос жизни

Аймен АБУ-ШААР (Сирия)

* * *

Расслабься на одно мгновенье —
И перестанешь быть собой.
Усни во время наводненья —
И ты погибнешь под водой.
Будь собран,
мужествен
и тверд,
Твой звездный час
уже грядет.
Я к жизни сам взывал однажды:
— Дай мне дух перевести!
Я изнемог вконец от жажды,
Я ноги в кровь избил в пути.
Я на тебя смотрю с мольбой,
Ты хоть на миг мне
дай покой.
Дай мне свои расслабить нервы,
Пройти босому по траве,
Услышать девушек напевы,
Увидеть птицу в синеве.
Мне б только
чуть передохнуть,
И я любой осилю путь.
А голос жизни мне ответил:
— Ты горя просишь, человек.
Ну где ты видел, чтобы ветер
Прервал стремительный свой бег,
Снял туфли,
на траву прилег —
И бурей
вновь подняться б смог?!

* * *

Наш деспот пал. А ночь тиранства длится.
Вы видите, как просто убедиться
В том, что знамена подняты его.
Еще так рано праздновать победу,
И то, что ныне самодержца нету,—
Еще не предрешило ничего.

Вы слышите — повсюду плачут дети.
А ночь черна. Она чернее нефти.
Убийцами на мушку взят рассвет.
Над жертвами сидит Надежда в трансе,
А рядом Смерть безумствует в экстазе,
И кажется — тому исхода нет.

Вот наша кровь, под нашими ногами
Разлившись, застывает зеркалами.
И стон, что закипает на губах,
Глухих подвалов липкие ступени,
По улицам шныряющие тени —
Все отразилось в черных зеркалах.

Мы позабыли, как щебечут птицы,
Но как орут циничные убийцы —
Мы слышим каждый день и каждый час.
И в нас летит свинец их дикой злобы,
А тучи, как осколочные бомбы,
Над головой взрываются у нас.

* * *

Вы видите, чуть овладев собою,
Замешивает мама хлеб наш с болью.
Зачем нам хлеб? Ведь каждый горем сыт.
Кровь на муке в глаза мне так и лезет.
А мама исступленно месит, месит,
Потом вздыхает, плачет, голосит.

Воды кровавой в тесто подливает
И вдруг с земли ручонку поднимает
Вихрастого братишки моего.
И каждый пальчик гладит и целует,
И для нее уже не существует
Ни страха, ни аллаха самого.

Она не видит, что стою я рядом,
Все шарит по земле безумным взглядом,
И жалость мне на части сердце рвет.
А мама, будто примирясь с судьбою,
Опять наш хлеб замешивает с болью,
Протяжно так и жалобно поет.

В словах ее печальных смысла нету,
Но мне навек запомнить песню эту,
В ней каждый звук трагически высок.
Когда и ночь и город дышат смертью,
Как ядовито воздух пахнет нефтью,
Твой чистый воздух, Ближний мой Восток.

А мама, простирая к людям руки,
Обходит все дома и все лачуги:
— Смотрите, как сыночек мой убит.
Вы видите на тельце пятна эти?
Не крови это пятна — пятна нефти.
Мой старшенький убийцам отомстит.

В зубах собаки нашего соседа
Рука братишки среднего — Ахмеда.
А черный кот какой-то хрящ грызет.
Мне жутко. Я от ужаса завою.
Я тоже четвертован той резнею,
И боль моя вовеки не пройдет.

Так горло жизни смерть перегрызала.
— Мужайтесь, люди! — мама восклицала.—
Запомните, чтоб внукам передать,
Как будущее родины их милой
В крови крестилось жаркой и невинной,
Им эту кровь на знамени поднять.

Мужайтесь! — губы мамы повторяли.—
Мы в этой бойне столько потеряли,
Теперь нам даже нечем пригрозить.
Пусть наши души время не остудит,
Страшней того, что с нами есть, не будет,
Ведь что ужасней смерти может быть? —

О хищный зверь предательства, я вижу
Оскал твоих зубов. Я рык твой слышу.
Пей кровь мою. Рви тело на куски.
Заткни мне кляпом рот. Язык мой вырви.
Но боль мою услышат в целом мире
Всем этим ухищреньям вопреки.

И весть пойдет во все земные дали,
Как негодяи Правду убивали,
Как стервенело хищное зверье.
Стояла Правда в месиве кровавом,
И, если оседала под ударом,
Сам героизм поддерживал ее.

Нам не просить у подлости пощады.
Он перед нами, светлый образ Правды,
И пусть рассвет предательски убит,
Пусть мы сегодня погибаем в муках,
Пусть рассветет уже при наших внуках,
Но рассветет, и Правда победит.

И вспомнят нас в тот светлый день победы.
Ну, а пока, солдаты-людоеды,
Ликуя, продолжайте гнусный пир.
Вот кровь младенца — пейте без смущенья.
Вот плоть моя — ну чем не угощенье?
Глумитесь и нагуливайте жир.

Пока вас не сметет порывом бури.
Однажды в день воскресный в Петербурге
Вот так же распоясался цинизм.
Но солнце было знаменем народа,
На нем горело: ПРАВДА и СВОБОДА.
И где ж теперь всесильный тот царизм?!

ПТИЦА

Видно, мне не судьба
с этой болью навек распроститься,
Чуть затянется рана,
и вновь я ее бережу —
Покидаю свой дом, одиноко по свету брожу,
И в глазах у меня
машет крыльями чуткая птица.
Этой птице,
спустившейся с ясности синего неба,
Озаренной волшебным сияньем
рассветных лучей,
Протянул я однажды
на теплой ладони своей
Трепет чистой любви
и кусочек насущного хлеба.
Как она, эта птица,
душе дорога и желанна!
Склюнув трепет любви
и оставив укол, как укор,
Хлеб не тронула, нет.
Рядом с ним на ладони с тех пор
Сладкой болью болит
эта непостижимая рана.

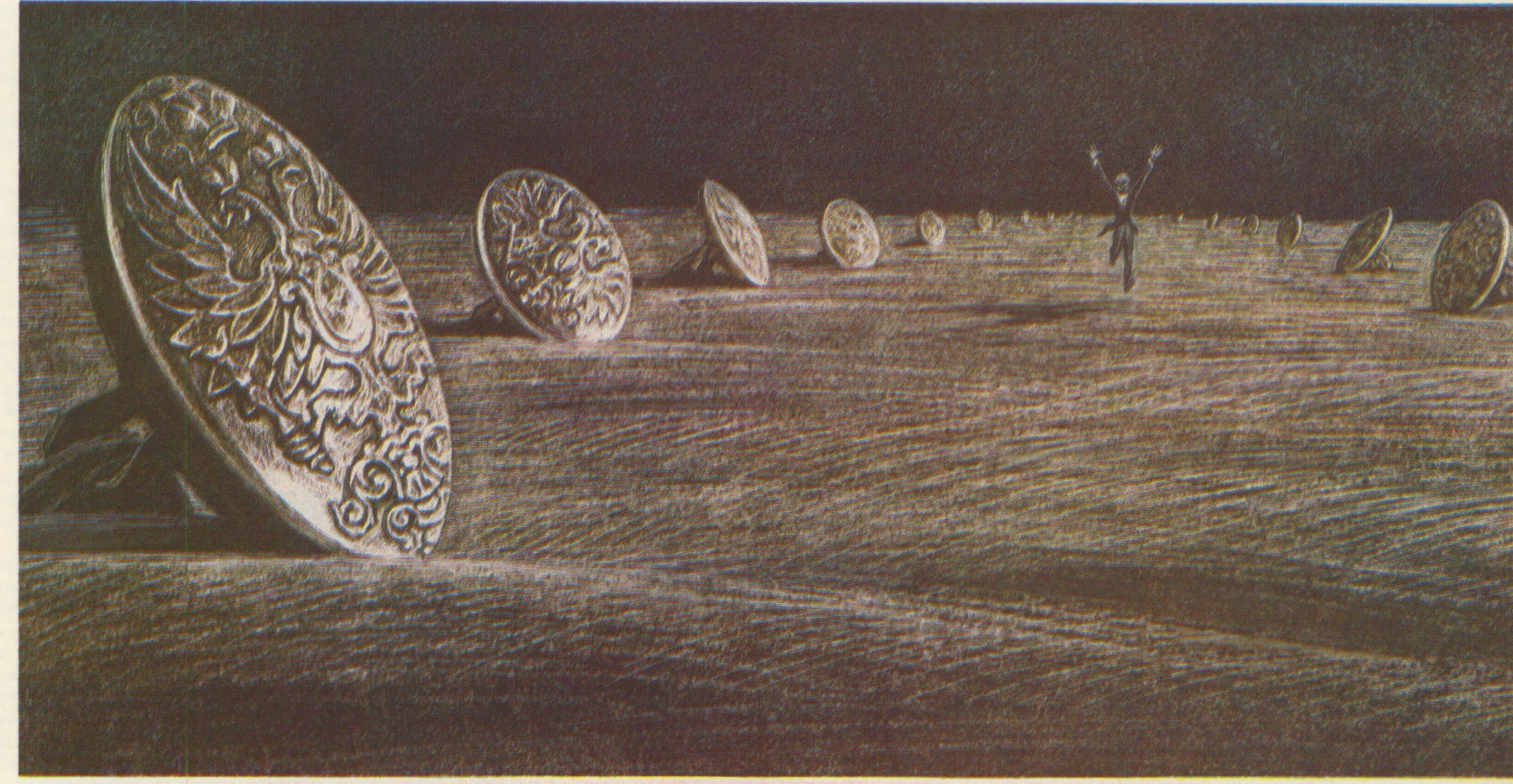
ЛИСТ ЛЮБВИ

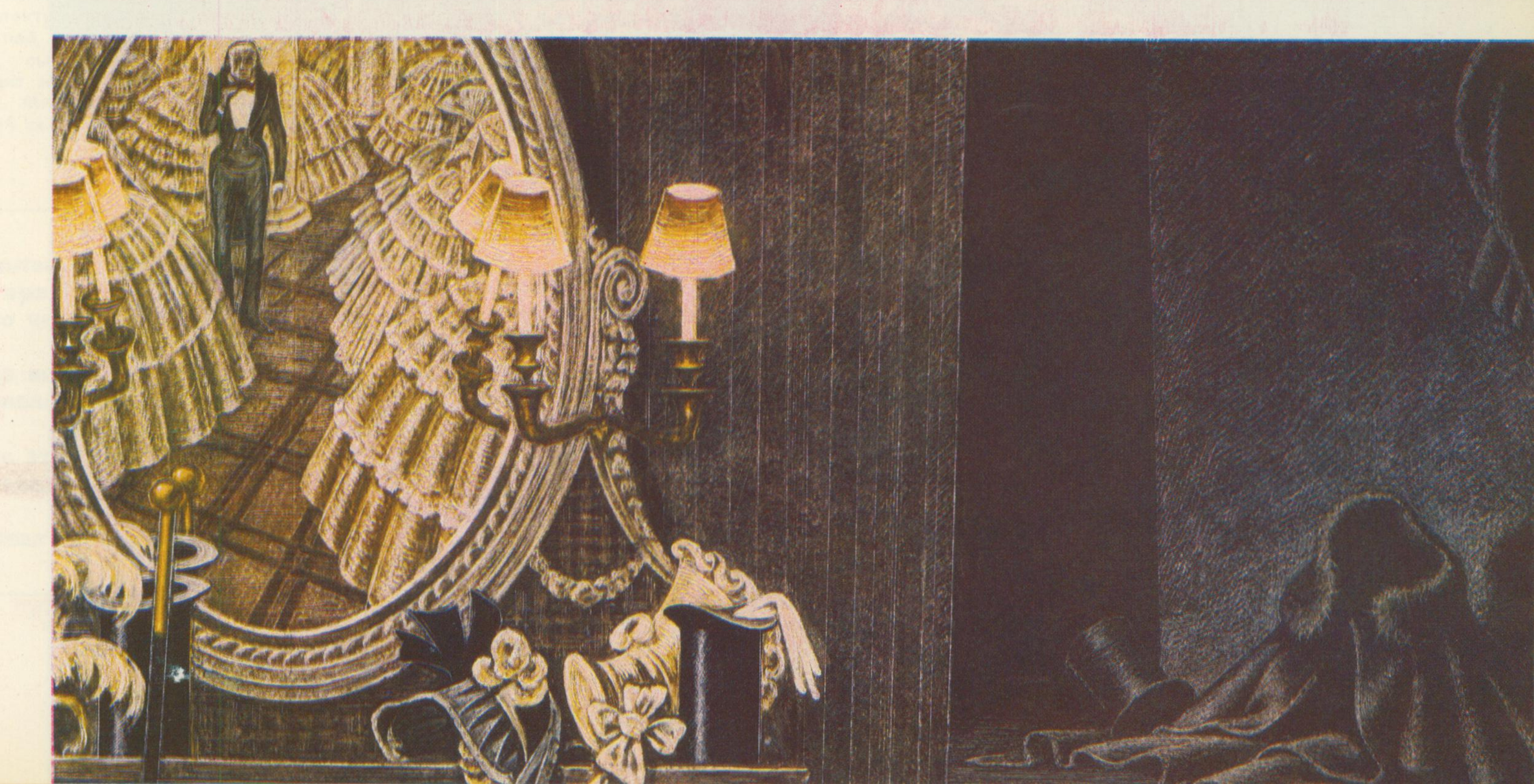
Да, этот лист — он плод воображенья.
И сон любви в минуты вдохновенья.
Опять мои стихи писал на нем,
И мы сливались с призрачным листом,
Читая грусти полные творенья.
Какою нас печалью опьянило!
Как плакал лист, как больно сердце ныло!
Ведь слезы все его на этот раз
Струились из моих печальных глаз.
Как только пережил я все, что было!
Он, этот лист,— моей души частица,
Прекрасной жизни странная страница.
Руками я беру его — и вдруг
Он нежностью втекает в пальцы рук,
Но прошлое уже не повторится.
Они меня с ума сведут, волненья,
Что в строчках на листе воображенья.
Я весь в слезах, я больше не могу,
Я этот лист загадочный сожгу —
И пропадут, как призраки, сомненья.
Легко сгорел он. Пламя было светлым,
Ведь я его сжигал лучом рассветным.
Мне в том огне увиделись ясней
И встреча с ней, и миг разлуки с ней,
И чувство, что осталось безответным.
О жизнь, пробел мой в памяти восполни,
Душа моя, ты все, как было, вспомни.
Ужели я рассудок потерял?
Ведь лист воображаемый сгорал,
Откуда ж след ожога на ладони?!

Перевел с арабского
Игорь ЛЯПИН.

С. Бродский. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ». ▶

Кукрыниксы. ГУБИТЕЛЬ ПРИРОДЫ.

Из серии «О ДРЯНИ».

АВТОЛИХАЧ.

Домашнее дело?

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ ЧИТАТЕЛЯ

«Так уж устроен человек: куда бы ни поехал, хочется ему привезти что-нибудь на память. Да не безделку, а нужную вещицу. Вот из поездки по Кабардино-Балкарии вернулись мы с подарками для всех — бабушке платок вязаный, дочке кофточку нарядную, а всей семье — набор керамической посуды. Полезные и красивые вещи, с национальным колоритом. Все сделаны на предприятиях местной промышленности. Энергичные, видно, люди там работают, с хорошим вкусом. Если можно, расскажите о них.

Семья Мосолковых из Свердловска».

Наталья БУМАГИНА

Казалось, что дороге уже идти некуда, так она была зажата теснинами, так робко жалась к скале, иногда прорубая ее тоннелем. Мы ехали по Черекскому ущелью, вдоль реки Черек; она была так глубоко под нами, в бездне, что ее не только не видно, но и не слышно. Но вот горы чуть раздвинулись, стало светлее, радостней, и дорога вдруг перешла в улицу большого селения.

Верхняя Балкария. Красивые дома, школы, магазины, за каменными оградами — сады. Часто во дворе можно было увидеть женщин с рукоделием.

Вокруг бегали ребятишки, старшие девочки помогали мамам. Из-под их рук выходили пуховые ажурные платки. Женщины эти — работницы объединения надомного труда «Умелец» Кабардино-Балкарии. Заходим в один двор. Хозяйка Шамса Ильясовна Ногерова, мать троих детей, угостив нас прохладным айраном (напиток вроде кефира), продолжает работу, неспешно ведет свой рассказ о том, что козий пух привозят им из объединения, и прежде чем он станет белоснежным платком, много надо с ним повозиться: мыть, чесать, трепать, прясть. А уж само вязание — это как отдых. Играючи, за три часа — платок.

— Рисунок выбираю сама, следить нужно только, чтобы был стандартный размер и вес. Готовые вещи увозят в Нальчик.

Вот и сегодня приехал в селение руководитель участка мастер Иван Андреевич Наконечный забрать платки, ну и, конечно, поговорить с мастерицами. Все собрались в большом доме Жангуразовых. Хозяйка уже хлопочет: включает газ, щелкает электрической зажигалкой, готовит чай. На столе домашний хлеб, сыр, мед. Так, за чаем, проходит импровизированное собрание. Мастерицы показывают друг другу свои изделия, обмениваются новыми придумками. Но тут выясняется, что нового сырья не привезли, женщины волнуются, теребят мастера вопросами.

С сырьем действительно не все гладко. Совхоз «Былымский» — основной поставщик пуха — нередко дает низкосортную продукцию, из такой не свяжешь платок-паутинку. В то же время здесь, высоко в горах, пасутся козы-серебрянки, есть излишки пуха отличного, но объединение не вправе покупать сырье непосредственно у населения — только через заготовительные организации. В результате мастерицы не могут выполнять изделия высокого класса, поэтому ограничен и прием работниц, хотя желающих очень много. Вот и везут пух из «Былымского» сначала в Нальчик, потом по всей республике в приемные пункты. А транспорт — тоже острая проблема. Хотя у объединения автомобилей вроде бы достаточно, но все это машины старые, горных дорог не выдерживают.

Министр местной промышленности автономной республики Юрий Хашгериевич Машезов, экономист по образованию, проблему надомного труда принимает близко к сердцу и всячески добивается устранения всех этих неувязок. А пока на имя директора объединения Натальи Панфиловны Паничкиной приходит масса писем со всего Союза с просьбой выслать платки да и другие теплые вещи. Но «Умелец» не торговая организация, удовлетворить такие просьбы не может. Для продажи продукции «Умельца» выделены специальные прилавки в больших универмагах Нальчика. Но этого мало. Необходим свой салон, чтобы достойно представить уникальные изделия: шерстяные вещи ручного вязания, каждая наособицу, национальные ковры-кийизы, циновки, массу мелочей из отходов легкой промышленности, и все это очень хорошего вкуса и качества. Вот, например, получают обрезки простынного полотна. Смотрят так и этак. Глядишь, выходят кухонные полотенца, набор салфеток, украшенных вышивкой, а уж совсем из крошечных обрезков — те же предметы, только кукольные. Все раскупается мгновенно. Вообще в объединении чувствуется рука хорошей хозяйки, у которой ничего в доме не пропадает. Это как нельзя больше отвечает майскому постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по улучшению обеспечения населения товарами народного потребления в 1983—1985 годах», постановлению, в котором речь идет и о производстве изделий из местного сырья.

Шамса Ильясовна Ногерова довольна надомной работой: дети присмотрены, и дело по душе.

Республику населяют народы-братья — кабардинцы и балкарцы. «Мы горской песни два крыла...— говорит Алим Кешоков, кабардинец, в стихотворении, посвященном Кайсыну Кулиеву, балкарцу.— И недвулики, а двуглавы». И каждый народ хранит свои национальные традиции, развивает мастерство своих дедов и прадедов. Балкарцы, издавна живущие в горах, больше привыкли работать с войлоком, шерстью, а кабардинцы, обитающие в долинах, умелы в работе с тростником, ивовыми прутьями. Воды одних и тех же рек пьют эти народы. Только одни вверху, у истоков, другие внизу, у устьев. Спустимся и мы в долину. Если посмотреть на карту республики, то это будет перемещение от темно-коричневого цвета к ярко-зеленому. Здесь отличные дороги, а селения тянутся на много километров. В селе Алтуд Прохладненского района сто человек работают на дому, плетут циновки из камыша. Солнечные, желтовато-зеленые арджены (так в старину назывались циновки) испокон веков были принадлежностью каждого дома. И сегодня почти в любом дворе установлены деревянные рамы. Как хорошо, что не забылось это самобытное ремесло.

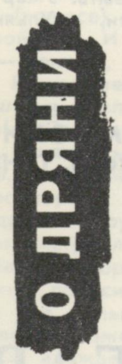
Хуш Бжахову научила плести ее бабушка. Теперь она сама показывает внучке основы древнего дела. Вот она натягивает вертикальные нити — основу, они проходят в отверстия небольшого подвижного бруска. Он нужен для прибавления утка́, а им служит по-особому высушенная трава. Меняя шаг основы, можно создавать узоры. У каждой мастерицы есть свой излюбленный.

В другом доме, где живет многодетная семья Гедгафовых, мы увидели не только циновки, но и красивые корзины. Плетутся они на рамах поменьше. Вот мама Забинат зовет сына: «Хасанби, помоги». Вдвоем быстро сплели ручки к корзине. Интересно, что нехитрые эти изделия сейчас очень модны. Как, впрочем, и все, что сделано вручную. Кстати, в одном зарубежном журнале мод девушка щеголяет с корзинкой через плечо, ну точно такой, как делает Забинат...

Работа на дому хороша и тем, что у матери и восемь детишек присмотрены, и стаж идет, и дело по душе. В этом несомненная социальная значимость надомного труда. Инвалиды, пенсионеры, люди после болезни находят работу себе по силам. Сейчас в объединении около полутора тысяч надомниц, к концу пятилетки должно стать две тысячи. В нынешнем году предприятие стало лучшим в отрасли по итогам работы за первый квартал. За пять лет освоено семьдесят два вида изделий, девять из них получили Знак качества. Всего товаров народного потребления выпущено на 8 миллионов рублей. Но планы объединения еще значительнее. Тут и расширение ассортимента, выпуск особо модных изделий, изучение спроса.

Заканчивая наш рассказ, хотелось бы обратиться к читателям с просьбой написать, как работают предприятия местной промышленности в ваших родных местах.

Нальчик.

Считают мудрые народы
С времен рожденья своего,
Что человек —
венец природы,
Что выше нету ничего.
И непонятно,
почему
Все это чуждо сумасброду.
Он сам — природа,
но ему
Плевать на всякую природу.

•

Сказать торопится поэт
Об этом ухаре отпетом:
Пусть он не рвется
на тот свет —
Там скорость
меньше,
чем на этом.

Дмитрий ДЕМИН

В этом детском саду раздолье и для грузинских и для русских детей.

Едешь по дорогам глубинной Грузии, кахетинской стороной, едешь по Кизикии, что славилась в седые времена своим непокорством владетельным князьям. Проезжаешь сказочно красивый средневековый городок Сигнахи, раскинувшийся на холме, и села, расположенные по плоскогорью возле него — Нукриани, Бодбэ; Магаро. И вдруг дорожная табличка: «Ульяновка»...

Ульяновка? Откуда нежданно-негаданно это русское название? Эти белые домики с голубыми ставнями и резными балконами, у дома палисадник в сплошных цветниках? Откуда эти утки и гуси, норовящие фланировать не вдоль, а поперек главного ульяновского проспекта,— уйма уток и гусей, столько против одной Ульяновки не поставит вся Кизикия! И женщины в белых платках. И старики какие-то нездешние...

И вот сидим в сельсовете. Один из наших собеседников, дед Иван Васильевич Караев, маленького росточка, в старомодных круглых очках в железной оправе. Разговаривая, ласково улыбается. Другой — директор Ульяновской средней школы Изосим Фомич Гладков, крупный мужчина средних лет, с открытым, добрым лицом, держится чуть-чуть отстраненно к теме беседы. Может быть, не ульяновский? Так и есть — ростовский, а в Ульяновку попал уже после войны. Служил сержантом в девичьем подразделении и одну свою подопечную, Машеньку, так полюбил, что вот он здесь. Она-то, Мария Ивановна Инюкина, ныне фармацевт сельской аптеки,— самая что ни на есть ульяновская. Вместе вырастили троих детей, дав им всем высшее образование. Сам Гладков в Тбилиси заочно окончил педагогический институт. Двадцать лет директорствует в школе. И хоть историк, но в истории Ульяновки не так силен, как третий наш собеседник, агроном Ефим Васильевич Маркушин. От него и пошла наша беседа об удивительной судьбе предков этих русских людей, которые восстали против официальной религии и за это были сосланы царем на далекие окраины империи. Маленькая группка, из которой образовалась Ульяновка. Они были молоканами.

— Да русские мы, обыкновенные русские! — говорит Ефим Васильевич Маркушин.—Это по давней привычке нас называют молоканами.

Ефим Васильевич всю Великую Отечественную прошел (из Ульяновки 230 парней и девушек ушли на фронт, 104 не вернулись). Прибыв после войны домой, на тракторе работал, завклубом был, председателем сельсовета и долгое время на посту секретаря колхозной парторганизации. А историю своей семьи, Маркушиных, знает ли?

— Как не знать! Прадедом моим был Терентий Маркушин. Именно он со своими единомышленниками был изгнан из Саратовской губернии, местечко Балашово, с приказом двигаться на погибельный Кавказ в распоряжение наместника царя. Наместник и послал балашовцев на жительство в Сигнахский уезд. Когда это было? По всей вероятности, в 1852 году. А высчитано это так. Достоверно известно, что когда обоз с изгнанниками тащился от берегов Волги за Кавказский хребет, в дороге у одной бабоньки родился мальчик, которого и назвали Дорожным, Доронькой, Дорофеем, стало быть. Умер он в глубокой старости, в Ульяновке,

Ия МЕСХИ
Фото И. ТУНКЕЛЯ

ДОБРЫЕ СОСЕДИ: УЛЬЯНОВКА И МАГАРО

и по надписи на могильном камне выведена дата переселения.

А не легенда ли, спрашиваю, с этим Доронькой?

— Дорофей был моим дедом по материнской линии,— вставляет Иван Васильевич Караев, сам 1900 года рождения.

Из последующей беседы с Георгием Степановичем Мирашвили, директором Магаройской грузинской средней школы имени С. Додашвили.

— Мой дед Вано так рассказывал мне о происхождении ульяновцев. Приехали они в наши места на больших фургонах. 61 фургон остановился на повороте дороги в село Мелаани. Здесь им было предписано поселиться. Но место для жилья очень плохое: воды нет, люди далеко. О том, что появились какие-то русские, сейчас же разнесся слух по деревням. Наш староста пошел на них посмотреть, возвращается и говорит, что они даже коней не распрягают, не хотят там селиться. А люди, по всему кажется, неплохие. То, что в церковь они не ходят, так и мы ее не очень-то соблюдаем. Зато среди них знатоки кузнечного дела и вообще мастера. А что, говорит, если пригласим их к себе? Места всем хватит, земли много. Общество согласилось, и изгнанники подселились к Магаро. Вот почему так плотно мы живем: вслед за Магаро сразу, без передышки начинается Ульяновка, а за Ульяновкой — Нижнее Магаро, более позднего заселения.

И еще такое было в нашей семье,— продолжает Георгий Степанович.— Брат моего деда, Нина Мирашвили, женился на ульяновской девушке и поселился в Ульяновке. Взял в жены русскую и двоюродный его брат, Тома,— вот Вера, его дочь, недавно в Киев переехала жить, к своим внукам. Но не в этом дело. Дело в том, что мы, магаройцы и ульяновцы, стали друг с другом как брат и сестра. Еще в двадцатом году (тогда в Грузии меньшевики господствовали) магаройская и ульяновская молодежь организовала совместную комсомольскую ячейку, секретарем которой стал местный фельдшер Семен Чередниченко, а председателем — Ило Мчедлишвили. В Магаро и Ульяновке был один ревком под председательством Ивана Шайшмелашвили. В 1926 году организовали товарищество по совместной обработке земли и в складчину купили первый трактор марки «Фордзон». Он стоит сейчас на постаменте как памятник у поворота от сигнахской дороги к нам.

О, как летит, как безудержно торопится время! Дед Иван вспоминает 1921 год. Февраль месяц. Везде меньшевистское засилье. Но есть слух, что со стороны Азербайджана идут на подмогу грузинским большевикам и крестьянской бедноте части Красной Армии. И будто уже бои за Цители Цкаро. Иван так и говорит: «Цители Цкаро», а не «Красные Колодцы», как называлось это местечко в русском варианте. Волнуясь, он вообще часто восклицает по-кавказски «вай!» и вставляет в свою речь грузинские слова.

— К вечеру нам приказали явиться на креба (собрание). Что, только ульяновцам? Нет, квелаквела (все-все), значит, и нам и магаройцам. И чтоб привели всех — женщин, детей. Собрались. Вышел уездный начальник, меньшевик. Стал кричать: «Цалкецалке!» Отдельно, значит, надо стать, ульяновцы в одну сторону улицы, магаройцы — в другую. «Шорс-шорс!» Подальше, значит, друг от друга. А против нас солдат выстроил. Не по себе стало. Начал говорить, ругать большевиков, поносить русских. Горячился все больше. Может быть, старался разжечь магаройцев? Общий, враждебный к нам тон был понятен, но того, что последовало дальше, мы, конечно, никак не могли ожидать. Внезапно он перешел на крик и стал грозить в нашу сторону. И тогда, смотрим, вдруг наши магаройцы зашевелились, загудели: «Сирцхвили! Рогор шеидзлеба!» Это значит: «Позор! Как можно!» — и бегут к нам, вливаются в нашу толпу, тесно-тесно становятся с нами...

Для наглядности мужчины кладут свои заскорузлые руки на плечи друг другу. Вот так, мол!

— Пострелять нас хотел... Магаройцы не дали...

Такое скрепляет на всю жизнь. Потом была тревожная ночь, когда все разошлись по домам. А на следующий день части 11-й армии вошли в Сигнахский уезд. И, конечно, Иван записался в Красную Армию. И в последующие годы, тоже вместе с магаройцами, сражался в чоновских отрядах с меньшевистским охвостьем. Иван Караев, вернувшись из отряда в 1925 году (ему было 25 лет), стал председателем Ульяновского сельсовета и членом президиума Темского исполкома. Позже организовался колхоз имени Махарадзе. Несколько небольших колхозов впоследствии соединились в один, который называется имени Ульянова села Ульяновка.

А сколько дальше было такого, отчего ульяновцы почувствовали себя совсем на равных, и не только с магаройцами. Вот такой, например, случай, когда в селе Анага побило градом все посевы. Но ведь был военный год. И тогда ульяновцы выделили из своих закромов 30 тонн зерна, что было с благодарностью принято.

— А в пятьдесят девятом? — встрепенулся Изосим Фомич.— В те годы я председателем колхоза был. Град прошел полосой по ульяновским полям, ничего не пощадил. И тогда несколько соседних колхозов сложились, и вдруг въезжают к нам машины с красными знаменами, а в кузовах полно добра. Так мы и с государством смогли рассчитаться и на трудодни продукты распределили...

— Хочу рассказать,— говорит Ефим Маркушин,— как я после армии решил учиться на агротехника. В Тбилиси поехать не могу, уже семьей обзавелся, а поблизости, в округе, все на грузинском языке. Не знал я его тогда. Все же поступил в Бакурцихский техникум. И надо было видеть, как помогали мне товарищи-грузины, переводили из учебников, занимались со мной языком. Видя их усердие, старался и я, окончил техникум и дальше в институт пошел. Язык друзей познать — это же одно удовольствие!..

Из последующей беседы с Лери Мирашвили, заместителем заведующего отделом строительства Тбилисского горкома партии.

— Пятнадцать лет как я оторвался от Магаро и стал городским. А детство у меня было хорошее, в сельской школе, которую я окончил с золотой медалью. Говорю о медали не потому, что хочу похвастать. Просто, поступая в первый класс, я знал, может быть, несколько слов по-русски. А школа была русская. Так решил отец. Он был (и есть) директор нашей магаройской школы, рядом с которой мы жили, а отдал меня в ульяновскую. Так, мол, лучше изучишь язык. В тот год нас было пятеро таких ребят из Магаро. Я продолжал жить в семье, дружить со своими магаройскими ребятами, а в ульяновской школе постепенно приобретал не менее задушевных товарищей. Меня избирали старостой класса, был председателем штаба тимуровцев. Сейчас с большой радостью встречаюсь со своими одноклассниками: Васей Лазутиным (он электромонтер в колхозе), с Таней Аришиной (медсестра в Ульяновке), а в Москве всегда видимся с Петром Лобачевым, который стал юристом.

Были ли у нас, магаройских мальчишек, стычки с ульяновскими мальчишками? Конечно! Так же, как и с мальчишками других соседних сел: из-за насмешливого слова, из-за девчонок главным образом. Это неизбежно. Только в отношении к ульяновским у нас прибавлялось чувство настороженного любопытства к их жизни, к их обычаям. Они были не только из другого села, они вообще были другими: не такие дома, как у нас, русские печи, женщины пекли вкусные сдобы, по субботам в каждом дворе топились баньки. Мне, например, все это очень нравилось. Но я знаю, что и им нравилось бывать у нас, слушать наши песни, сидеть за нашим столом. Каждый мой день рождения ко мне вваливался весь наш класс. Мы взрослели, и дружба наша крепла. Но, наверное, самое главное, что перед нами был пример неизменно уважительного отношения друг к другу наших старших, родителей. А в селах опыт старших чтут куда больше, чем в городах.

Рассказывали мне, что в Ульяновке и Магаро особенно трогательно, как-то по-семейному, проходят вечера дружбы с церемониалом торжественного шествия по селу, взаимными национальными угощениями, песнями и плясками. Минувшей весной тоже был такой вечер. И будто пошло это от детей, от ежегодных школьных вечеров дружбы: один проводится в ульяновской школе, другой — в магаройской. Тут не трудно понять: дружат издавна директора школ Мирашвили и Гладков. И потому все искренне, без подсказки сверху...

Во время беседы в конторе мне хотелось и поглубже проникнуть в чисто человеческие контакты.

И тут деды рассказали мне такую историю. Жил в работниках у одного зажиточного ульяновца парень из села Нукриани — Кита Бахтуридзе. И очень полюбил он дочь хозяина. Она тоже полюбила Киту. Несколько лет они так посматривали друг на друга, а потом Кита решился просить хозяина, чтобы выдал он дочь за него. Хозяин согласился, но при одном условии: чтоб парень взял «молоканскую веру» и фамилию поменял. Кита Бахтуридзе согласился и стал Китой Лобачевым. И знаете, с кем эта история произошла? С прадедом Ивана Ивановича Лобачева. Иван Иванович сейчас секретарь колхозной парторганизации.

Вот так история! Ульяновцы от души смеются, глядя на выражение моего лица.

— Теперь ничего подобного не бывает. Теперь никаких таких условий и запретов...

И все-таки история с Китой — это любовь, она все преграды сметает. А есть ли душевная близость людей Ульяновки и Магаро, есть ли просто хорошие друзья, которых проведать хочется, быть «в курсе», помочь, если надо?

Есть, конечно, есть. И мне рассказывают о друзьях — грузинах и русских.

...Притомились деды от расспросов и воспоминаний и ушли отдыхать.

* * *

Вот так прикоснешься ненароком к какой-то чужой, необычной жизни, и глубоко она западает в душу. В самом деле, такой феномен: не на границе соседних республик соседствуют люди разных наций и не в пестром многонациональном коллективе работают, а русские крестьяне всей деревней, как она была, попали в грузинскую крестьянскую глубинку. Кому-то хотелось, чтоб им тут стало плохо, сиротливо, а им стало хорошо. Иначе давно бы потянулись в свои исконные места. Но никому этого не нужно: ни тем, кто потеснился когда-то, ни тем, кто уже врос в эту землю, где пшеница хорошо родится и кахетинская виноградная лоза стала родной.

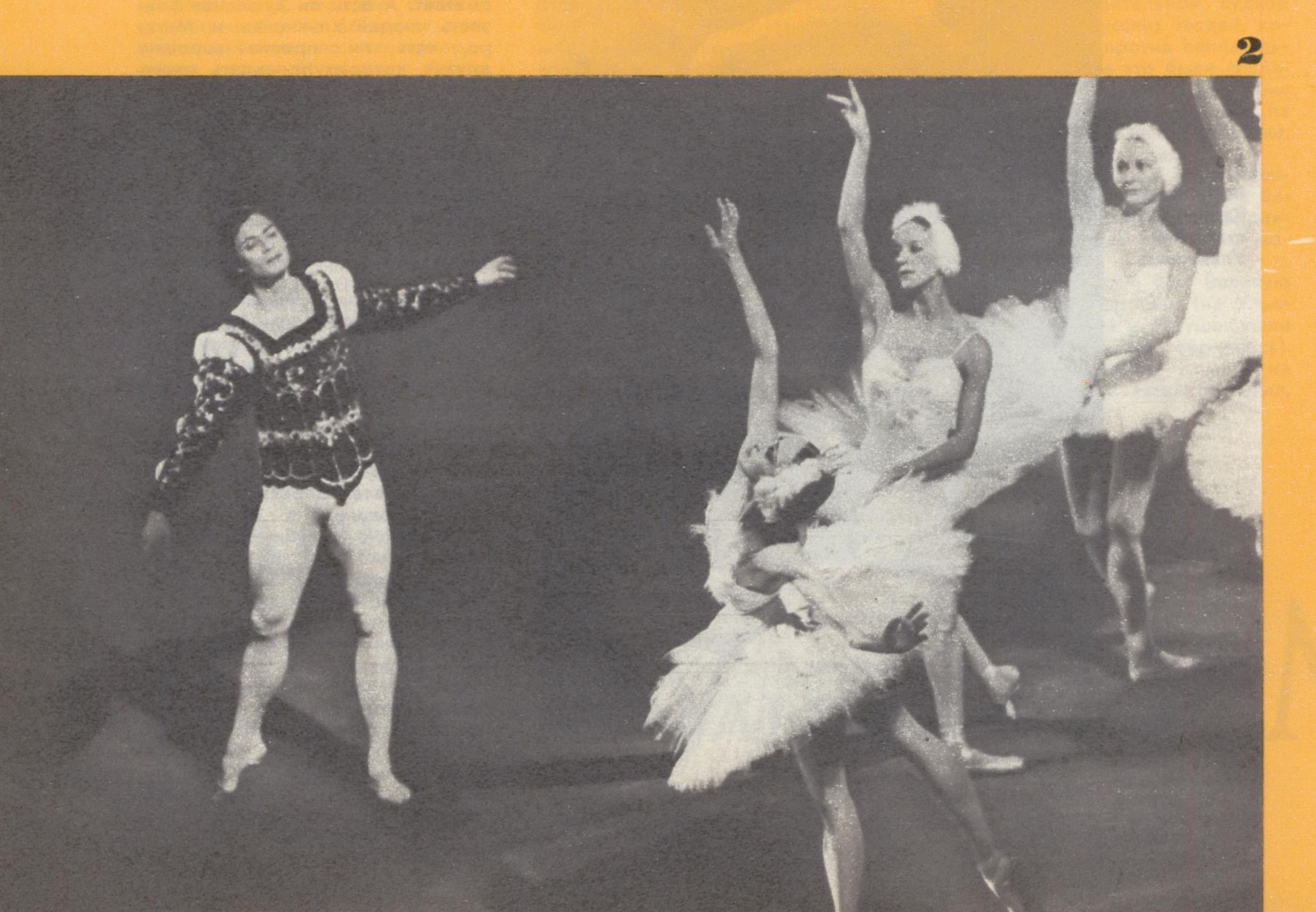

Иван Васильевич Караев, старожил Ульяновки.

1

ЧЕРТЫ ЛЕНИНГРАДСКО

2

1

И. Колпакова в балете «Жизель».

2

«Лебединое озеро».

3

«Баядерка». Г. Мезенцева в роли Никии.

4

«Ромео и Джульетта».

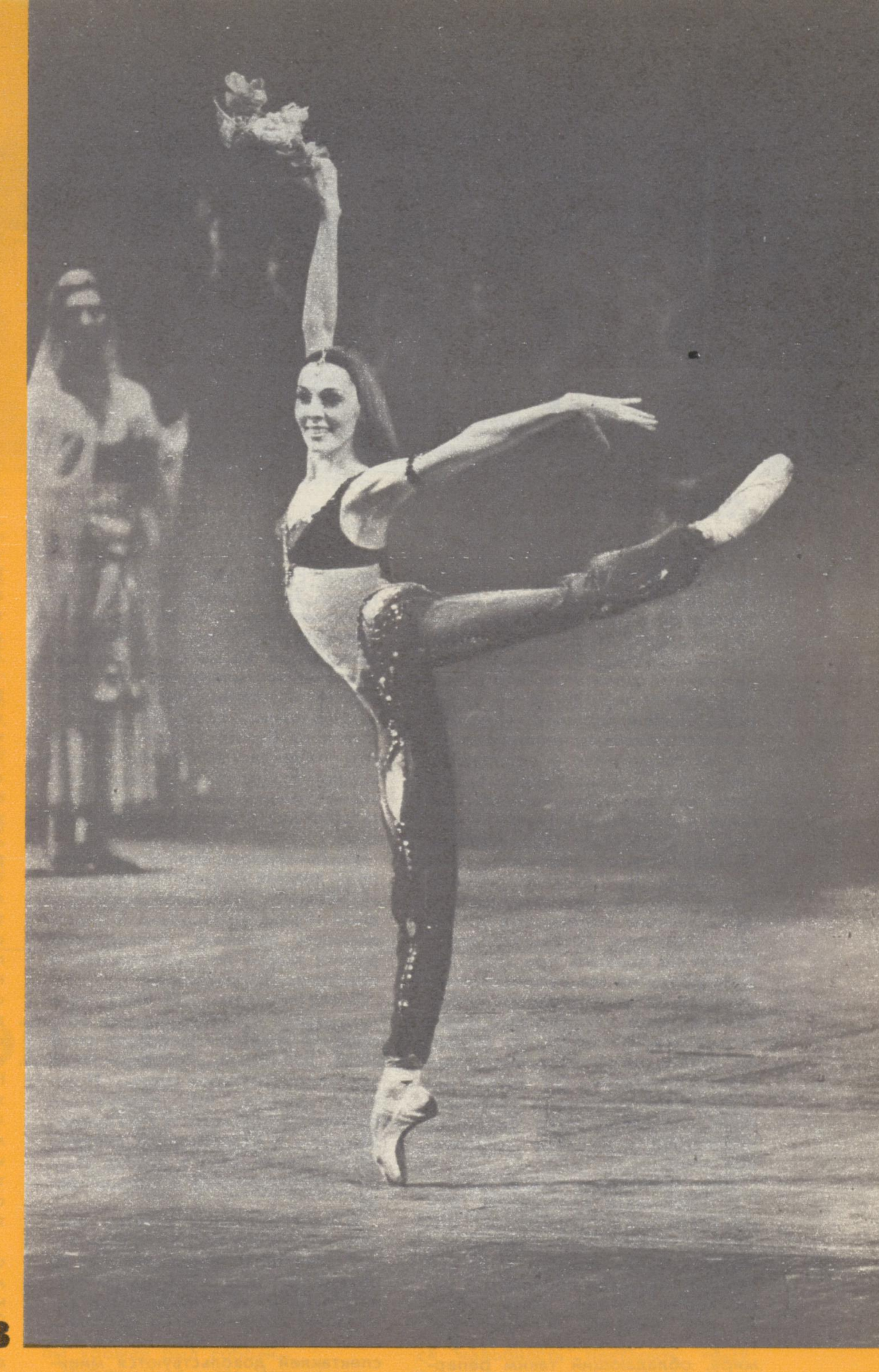
Галина
ГОГОТИШВИЛИ

Интерес москвичей к гастролям Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова был массовым и горячим. И в таком повышенном внимании зрителей и специалистов к спектаклям ленинградцев, особенно балетным, нет ничего случайного,— они прекрасны. Удивительна духовная озаренность постановок русской, советской и зарубежной классики, высока эстетическая ценность современных работ.

Балетная классика не просто сохраняется в репертуаре театра, ее любят как бережно, заботливо, не музейно восстановленное драгоценное наследие. Создавая живые сегодняшние спектакли, театр не пытается искусственно «осовременить» старинные балеты, а возобновляет их первозданную прелесть. Увидев ленинградскую «Жизель», понимаешь, что такое настоящий романтический балет. От этой красоты, просветленности, особой чистоты верно найденного, бережно сохраненного тона спектакля даже щемит сердце — так велико эстетическое и эмоциональное его воздействие. Так же смотрятся и неувядающая «Баядерка», и «Сильфида», и другие постановки. Шедевры выглядят настолько свежо и молодо, словно сочинены они в наши, сегодняшние дни. И в то же время печать академизма — в самом благородном смысле слова — лежит на этих спектаклях, которые хочется смотреть еще и еще, подобно тому как не раз перечитываешь любимую книгу... И это не громкие слова, не вежливые реверансы в сторону гостей. Сердечные, благодарные овации были наградой ленинградцам на каждом их спектакле.

Сам гастрольный репертуар говорит о том, как шагает вперед балет Кировского театра — и в отношении к классике, и в плане высочайшего профессионализма, и в плане воспитательных задач, которые ставит Коммунистическая партия перед искусством сцены. Не секрет, что в последние годы классика, высокое содержание стали порой выпадать из репертуара театров, незаметно уступая место работам, иногда откровенно серым, далеко не всегда открывающим новые пути развития хореографии... Слов нет, что современность, ее проблемы, ее герои остро нужны, это требование диктует сама жизнь. Но иногда в поисках новых форм спектакли расшатываются и несут при этом невосполнимый урон. Нарушается целостность спектакля, гибнет его первоначальный замысел, теряется художественный уровень. Недаром же Центральный Комитет КПСС в постановлении «О работе партийной организации Белорусского государственного академического театра имени Янки Купалы» обязывает творческие коллективы усилить деятельность художественных советов, формирование трупп и рациональную занятость артистов; обратить внимание на выбор пьес и их идейно-художественное воплощение на сцене... Тем ведь и дорог пример — и опыт! — ленинградского балета, что он работает строго и серьезно. Он не идет на поводу театральной «моды», не гонится за скороспелым успехом, а рыцарски сберегает и почитает традиции своей прославленной сцены, настойчиво развивает их в своих работах.

Кировцы постоянно пополняют репертуар новыми постановками, не боясь разнообразия стилей и

ГО БАЛЕТА

3

Фото А. МАКАРОВА, Г. СОЛОВЬЕВА и А. СТЕПАНОВА

4

«Сильфида».

жанров. И в этом заслуга главного балетмейстера театра Олега Виноградова. Он нашел должное соотношение классики и современных спектаклей, отчетливо понимая, что освоить новое в искусстве можно лишь тогда, когда хорошо знаешь прошлое. Поэтому-то эстетическая ценность классики так гармонично и естественно сочетается у Виноградова с острым чувством современности. Отсюда в репертуаре театра — «Ромео и Джульетта» (в постановке Л. Лавровского), «Золушка» (постановщик К. Сергеев), «Собор Парижской богоматери» (работа французского хореографа Р. Пети), «Ревизор» (О. Виноградов)... Нельзя не отметить при этом, что Виноградов из тех руководителей, которые не рассматривают собственный театр как выставку одних только «своих» работ. На гастроли, кстати, он привез только два своих спектакля. Он хотел, как и положено истинному руководителю, показать лицо балетного коллектива, а не свое собственное лицо.

Олег Виноградов сказал мне:

— Наш театр особенный! Для меня это хореографический Эрмитаж... Театр хореографической мысли... Здесь должны идти все лучшие спектакли прошлого и настоящего!.. Сегодня здесь собрана вся классика, и Кировский театр — это единственный театр в мире, обладающий таким репертуаром. Но и для театра и для меня лично этого недостаточно. Я думал, как расширить это наследие. И к балетам Петипа прибавились восстановленные нами работы другого классика хореографии — Августа Бурнонвиля: его «Сильфида», «Неаполь», «Праздник цветов в Чинзано»... Но гениальными я считаю только два балета: «Жизель» и «Сильфиду», которые представляют две разные школы... Слабость нашей хореографии — а она есть — в узости стилевых моментов. И балеты Бурнонвиля способствуют расширению стиля; они обогащают артистов. Театр ведет большую исследовательскую работу по восстановлению старых балетов и фрагментов из забытых спектаклей; мы хотим сделать это, пока еще есть мастера, которые помнят шедевры... У нас уже есть отрывки из балета Тальони «Бабочка», па-де-сиз из «Маркитантки» и многие другие. Но что я более всего должен отметить — это тягу зрителей к возрожденной классике.

О. Виноградов был совершенно прав: овации московских зрителей на «Вечерах старинной хореографии» — дань восхищения и благодарности нелегкой, благородной работе театра по восстановлению классического наследия.

В постановлении ЦК КПСС прямо сказано о необходимости обогащения традиций мастеров старшего поколения, о расширении кругозора мастеров сцены... И хочется думать, что прекрасный пример Кировского театра окажет заметное и благотворное влияние на состояние дела в других театрах. Необходимость в этом назрела!

И еще об одном хочется сказать — о великолепном оформлении спектаклей кировцев. Как-то незаметно стали иные театры отучать публику от живописности декораций, игры света. От красоты... Многие театры при постановке спектаклей довольствуются минимумом постановочных средств. Балеты же ленинградцев — гармоничное слияние декорационного убранства сцены, светового оформления с музыкой и хореографией. Поэтому такое сильное впечатление оставляет 1-е действие «Гусарской баллады» или романтическая приподнятость оформления II акта «Жизели»... Мелькающие в густой зелени огоньки — чудо светомузыки—придают особое очарование действию: в этом свете и возникают невесомо-прозрачные, словно тающие в лунном свете туники кордебалета. Прелесть эту словами передать почти невозможно: спектакль, много раз виденный в других театрах, воспринимается здесь как откровение.

Почетное место в гастрольной афише занимает, повторяю, отечественная и мировая классика, но не меньшим успехом пользовались работы советских балетмейстеров. Балет О. Виноградова «Ревизор» (музыка А. Чайковского) достоин отдельного разговора. Здесь видишь возможный путь развития современной хореографии. Это большой Балет, основанный на современном характерном танце, с использованием приемов острого гротеска и классической пантомимы. Нынче такое явление не часто возникает на балетной сцене. И именно в своеобразии выразительных средств, в творческой их системе — сила художественной убедительности спектакля. Каждая картина наполнена множеством подробностей, придуманных О. Виноградовым с размахом и изобретательностью, но и с бесспорным чувством меры: то, что Станиславский называл содержательной простотой богатой фантазии.

— Образы-маски Гоголя словно созданы для балета. И вообще атмосфера его произведений пронизана театральностью,— говорит О. Виноградов. — Мы стремились передать в спектакле мысли и философию, которые актуальны и сегодня.

Хотелось бы отдельно рассказать о поистине новаторской работе балетмейстера, высочайшей технике и мастерстве артистов, которым подвластны самые трудные движения сложной, интересной хореографии. Я уж не говорю о прославленном искусстве ведущих балерин И. Колпаковой и Г. Комлевой,— они хорошо знакомы москвичам. Но теперь надолго запомнится зрителям подлинно классическая балерина и трагическая актриса Г. Мезенцева, обладающая редкими по выразительности вращениями. А разве забудешь ее партнера в «Баядерке», «Лебедином озере», «Жизели» — молодого танцовщика К. Заклинского, благородного и романтичного, с летящим прыжком, в котором не чувствуется ни малейшего напряжения. Или Т. Терехову с ее сверкающим классическим танцем и прекрасных А. Сизову, О. Ченчикову, Л. Кунакову, М. Даукаева... И музыкальную слаженность, вдохновение знаменитого ленинградского кордебалета!..

В постановлении ЦК КПСС подчеркивается, что талант и ответственность художника перед народом — понятия неразделимые. По существу, это и есть программа работы Кировского театра: на этой основе построена вся организаторская, политико-воспитательная работа. Репертуар, принципы организационного процесса обязательно обсуждаются на заседаниях партбюро; молодые коммунисты участвуют в распределении ролей, в формировании репертуара, не говоря об идейно-художественном его воплощении. В Кировском театре искренне верят в творческие возможности артистов и широко, щедро выдвигают молодых; в этом мы имели возможность убедиться в гастрольных спектаклях. Рядом с прославленными артистами в ведущих партиях выступали молодые балерины и танцовщики...

В соответствии с постановлением ленинградцы совершенствуют и формы работы со зрителями. Они гастролируют в Улан-Удэ и на БАМе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке; выезжают к морякам Краснознаменного Тихоокеанского флота, дружат с учащимися ленинградских ПТУ...

Так ведь эта активная шефская деятельность огромную пользу дает и театру, артистам... Она позволяет жить интересами народа, создавать правдивые и убедительные, волнующие образы, рождать красоту.

Сцены из спектакля «Ревизор».

ПАМЯТИ АННЫ ЗЕГЕРС

Не стало Анны Зегерс. Оборвался жизненный путь большой немецкой писательницы, коммунистки, человека щедрой души и доброго сердца. Для многих поколений она была современницей, и казалось, что так будет всегда. В двадцатые и тридцатые годы, в военное и послевоенное время ее книги давали честные ответы на волновавшие читателей вопросы, укрепляли их волю в борьбе за социальную справедливость и человеческое достоинство, решительно отвергали все то, что мешало и мешает людям жить в мире и счастье. «Восстание рыбаков» и «Попутчики», «Седьмой крест» и «Транзит», «Мертвые остаются молодыми» и «Решение» — все эти книги давно уже вошли в сокровищницу мировой литературы. Широко известны и любимы они в нашей стране.

Мне посчастливилось встречаться с Анной Зегерс в Москве и Берлине, сопровождать ее в поездках по Советскому Союзу, помогать ей в работе. Каждая такая встреча раскрывала все новые, порой неожиданные грани ее удивительной личности.

Весной 1947 года Анна Зегерс вернулась на родину после четырнадцатилетней вынужденной разлуки. Вернулась в восточную часть Германии, где из-под развалин пробивались ростки новой жизни, зарождались основы первого в истории немецкого демократического государства. Время тогда было нелегкое. Не хватало продовольствия, одежды, обуви, хотя наша страна, сама разоренная войной, делилась с населением Восточной Германии всем, чем могла. Кое-кто из вернувшихся немецких эмигрантов не выдержал трудностей и уехал на Запад. В ту пору я работал в берлинской военной комендатуре, и мне было поручено навестить Анну Зегерс и выяснить, не нуждается ли она в чем-либо. Писательница встретила меня довольно неприветливо и на мой вопрос, не нужна ли ей какая-нибудь помощь со стороны нашей комендатуры, сухо сказала: «Вы уже третий советский представитель за эту неделю. Пришли посмотреть, не собираю ли я чемоданы? Так вот, знайте: я приехала сюда навсегда, приехала, чтобы в меру моих сил помочь строительству нового общества, помочь исцелить исковерканные и отравленные нацистским ядом души моих соотечественников. А лично мне ничего не нужно. Так и передайте своему начальству». Огорошенный таким приемом, я пролепетал что-то вроде извинения и поспешно ретировался.

Вскоре произошла и вторая встреча. Это было на съезде немецких писателей, проходившем в Берлине осенью того же года. Анна Зегерс выступила с большой и яркой речью на тему «Писатели и духовная свобода». Она говорила об ответственности художника, о его моральной и эстетической готовности выполнить свой долг перед обществом, перед народом. В перерыве я подошел к ней. Писательница узнала меня и, улыбнувшись, сказала: «Вы уж не сердитесь на меня. Я не хотела вас обидеть».

А потом начались московские встречи. В 1948 году Зегерс приехала в Москву в составе первой делегации немецких писателей. Она любила наш город. В одном из своих выступлений она говорила: «В самые трудные и тяжелые для меня годы Москва вселяла в меня силы и надежды. В страшное время войны Москва была для меня и моих друзей по антифашистской эмиграции гарантом неминуемой победы над гитлеризмом. Москва остается символом мира и справедливости. Каждый приезд сюда значит для меня очень многое, это и духовное обновление и поддержка в осуществлении моих творческих планов».

Анна Зегерс любила бродить по старым московским переулкам, беседовать с сидевшими во дворах старушками. К тому времени писательница уже довольно свободно говорила по-русски, самостоятельно изучив наш язык уже в почтенном возрасте. Помнится, как она была горда, когда обнаружила в одном из дворов неподалеку от Кремля старинную церковь, о существовании которой я и не подозревал. Об истории, связанной с этим ее открытием, Зегерс написала рассказ «Встреча», вошедший впоследствии в ее книгу «Сила слабых», изданную и у нас.

Последняя моя встреча с Анной Зегерс произошла в прошлом году в Берлине. Писательница была уже тяжело больна, не выходила из дома, почти никого не принимала. Но всякий раз, когда отпускали боли, когда ей чуточку становилось лучше, она садилась за свою видавшую виды пишущую машинку и продолжала работать. Она рассказывала мне о новых литературных замыслах, в частности о цикле воспоминаний о своих близких друзьях, писателях и художниках.

Смерть не дала осуществиться многому из задуманного писательницей. Но остались с нами ее замечательные книги, остался в памяти ее образ великой труженицы, мужественного и отзывчивого человека, искреннего и верного друга нашей страны.

В. СТЕЖЕНСКИЙ

ПОГОВОРИ СО МНОЙ, КОМПЬЮТЕР...

К. БАРЫКИН

Вошел с прокаленной солнцем улицы и решил спросить у компьютера: какая все-таки температура воздуха? Он понял некорректность моего вопроса и вежливо уточнил: «В каком городе?» Следовало бы поставить зазнайку на место, дать ему задачку потруднее, но я выпалил первое пришедшее в голову: «На Кубе!»

Через мгновение табло выплеснуло строчку: «Гавана. t +27». Не отреагировавшая на мои эмоции машина пририсовала еще и солнечный диск, и даже показалось, проговорила: «К вашим услугам». Я не удивился и этому, потому что побеседовать с компьютером на выставке «Автоматизация-83», вступить в диалог с дисплеем, разузнать у него все, что нужно, можно запросто.

...Видимо, рано или поздно составителям анкет придется внести в них новую графу. И после вопроса: «Каким иностранным языком владеете?» — спросить: «На каком машинном языке говорите?». Компьютеры развиваются стремительно. Они уже входят во все сферы жизни. И если бы я знал «фортран», «кобол» или, например, «паскал», я смог бы выведать бездну интересного. Для этого нужно только подойти к одному из стендов международной выставки «Автоматизация-83» (в ней приняли участие известнейшие фирмы многих стран) и обратиться к любому компьютеру — их тут многие сотни (если не тысячи). Впрочем, уже есть и системы, вступающие в диалог на человеческом языке!

Стремительно растет количество высокопроизводительных процессов, мощных агрегатов, для которых крайне необходимой становится ЭВМ. В энергетике это мощные энергоблоки атомных, тепловых электростанций, в черной металлургии — доменные и сталеплавильные печи, прокатные станы, конвертерное производство, в цветной металлургии — процессы плавки металлов... Разработанная для черной металлургии система универсального балочного стана Нижне-Тагильского металлургического комбината имеет управление режимом нагрева и проката металла с помощью вычислительной техники. Это сократило по времени цикл подачи слитков на три — пять процентов, цикл прокатки — на два процента, уменьшилось и количество отходов.

Крупнейшие фирмы мира демонстрировали успехи, достигнутые конструкторами и инженерами в автоматизации. Компьютеры, ЭВМ пришли сейчас не только в цехи предприятий, в исследовательские институты, но и в теплицу, на кухню, в торговлю и пищевую промышленность, в производство товаров народного потребления и, само собой, в такие области, как космонавтика, медицина, физика и химия... Компьютеры помогают стройкам и транспорту, жилищно-коммунальному хозяйству и обслуживанию населения.

В советском разделе, самом крупном и представительном («Весьма много откровений»,— сказал мне японский инженер), стоит небольшая тепличка. Помню, за день до открытия выставки на кустах зеленели томаты. «Успеют ли вызреть?» — спросили мы. «Узнаем у компьютера»,— ответил стендист. И вскоре заверил: все будет в порядке. Но, как говорится, доверяй, да проверяй. Случай такой представился в конце работы выставки. Мы снова подошли к той же теплице: красные грозди только и ждали, чтобы урожай был собран...

Информация — это весьма важный и дорогой продукт эпохи.

Специалисты утверждают: информация — и один из самых современных видов энергии. Без нее теперь не обойтись ни в одной отрасли знаний. Сведений нужно много и разных. Только находясь на уровне, только зная современное состояние дела в той или иной отрасли народного хозяйства, можно рассчитывать на успех. Поэтому так много на выставке различных информационных систем.

На стендах фирм и организаций Германской Демократической Республики представлены не только самые современные видеотерминальные компьютеры, не только средства для мгновенной обработки данных, не только весьма понятливые роботы, готовые исполнить любое человеческое поручение. Наши немецкие друзья из «Роботрона» разработали семейство пишущих машин такого высокого класса, который можно охарактеризовать одним словом: «люкс». И по идее люкс и по исполнению. Бесшумные, без обычного шрифтоносителя, они пишут с помощью «лепестка» (это кружок с литерами), который работает с такой быстротой, что даже чемпионка мира по машинописи не смогла бы использовать все его возможности. Есть еще один вид шрифта — иголка, вычерчивающая буквы любого написания с завидной скоростью и точностью. Элегантный шрифт, аккуратная рукопись. Возможность корректировки по ходу работы. Услужливая память. Вы печатаете, а она все запоминает. А появится надобность повторить текст еще раз — только прикоснитесь к клавише «распечатка».

...Всякая выставка, проходящая при содействии объединения «Экспоцентр»,— это не только контакты, но и контракты. За один прошлый год общая сумма сделок, заключенных советскими внешнеторговыми организациями и иностранными участниками на проведенных в нашей стране выставках, составила 4,2 миллиарда рублей. И на этой выставке коммерческая работа ведется широко, деловито и обстоятельно. Представители финских фирм уже предложили немало машин и приборов и подыскали для себя подходящий товар. «Мы заинтересованы в торговле с вашими организациями,—сказал мне представитель фирмы «Сименс».—Нам есть что продать; есть и то, что мы хотели бы купить...» Идем по выставке, на дверях многих офисов ее коммерческого центра небольшие таблички: «Идут переговоры!»

Международная торговля — конструктивный вид человеческой деятельности. Это доказано не только практикой. Это подтверждают и компьютеры, а они редко ошибаются...

ВПЕРВЫЕ В МОСКВЕ

Сцена из оперетты Иоганна Штрауса «Летучая мышь».

Безудержное веселье, брызги смеха и искрометность шуток, неожиданные сюжетные повороты, красочность танца и задушевность пения — не это ли все так привлекает зрителей в оперетте? Представление всевозрастное, покоряющее и чарующее, оно понятно и доступно всем.

Впервые в Москву приехал известный венский театр — «Фольксопер». Оперетту, возникшую на венских подмостках, вобравшую в себя юмор и жизнерадостность, легкость и влюбленность венцев, подарили непревзойденные маги этого прекрасного искусства, создатели шедевров, вошедших в мировую классику,— Штраус, Легар, Кальман...

Директор «Фольксопер» и один из ведущих исполнителей на ее сцене, г-н Карл Дёнх, вкратце рассказывает об истории театра и его репертуаре.

— Мы с удовольствием приняли приглашение Госконцерта приехать на гастроли в Москву, потому что давно знаем о взыскательности московской театральной публики, и не скрываем своего волнения, тем более что в вашей стране уже гастролировали и были приняты с успехом Государственная венская опера и Бургтеатр.

Наш театр был открыт в 1898 году и был задуман как драматический, и только спустя пять лет на нашей сцене был поставлен музыкальный спектакль «Вольный стрелок» Вебера. Это определило основное направление театра, пропагандирующего так называемую «народную оперу», представляющую собой синтез популярной оперы и музыкального развлекательного театра. Хотелось бы с благодарностью вспомнить тот факт, что быстрым возобновлением деятельности наших основных театров сразу же после войны, в 1945 году, мы во многом обязаны инициативе и помощи аппарата советского верховного комиссара в Вене.

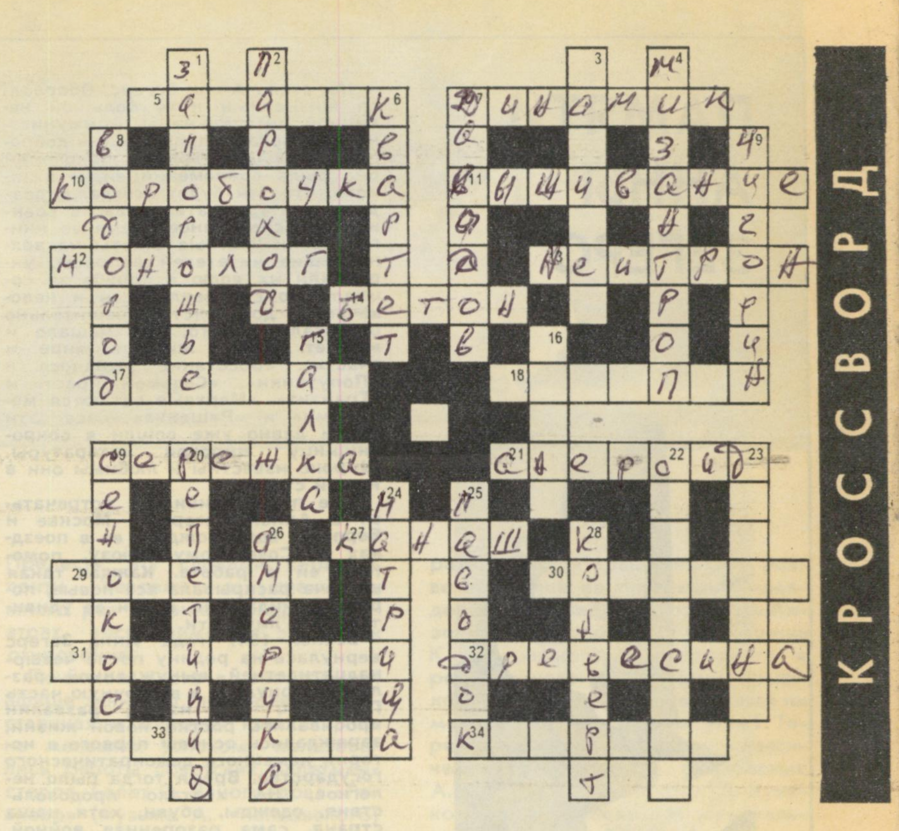
В репертуар театра входят классические венские оперетты, произведения французской комической оперы, а также современные постановки, вплоть до мюзикла. В репертуаре есть произведения композиторов вашей страны. Так, мы осуществили успешную постановку оперы С. Прокофьева «Любовь к трем апельсинам». В этом большая заслуга постановщика Георгия Ансимова и художника Валерия Левенталя. И в будущем я буду стремиться к тому, чтобы в нашей работе участвовали коллеги из Советского Союза.

Венская «Фольксопер» привезла в Москву три главных произведения классической венской оперетты: «Летучую мышь» Иоганна Штрауса, который, как известно, счастливо чувствовал себя в вашей стране; «Веселую вдову» Легара и «Княгиню чардаша» Кальмана (у вас в стране она чаще называется «Сильва»).

Что касается состава труппы, то в гастролях участвует около двухсот человек. Но тем не менее наш театр в Вене в это время не закрыт и, более того, готовит премьеру. В «Княгине чардаша» мы представим московской публике свой молодой состав. Может быть, впервые в постановке нами этой оперетты возраст исполнителей на сцене совпадает с возрастом действующих лиц.

В нашем театре поют только на немецком языке. Но все же мы надеемся, что нас поймут, так как искусство сближает людей всех национальностей.

В. ДУНАЕВ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Река в Западной Сибири. 7. Громкоговоритель. 10. Персонаж романа Н. В. Гоголя «Мертвые души». 11. Рукоделие. 12. Пространная речь действующего лица в драматическом произведении. 13. Элементарная частица. 14. Строительный материал. 17. Антилопа, обитающая в Азии. 18. Декоративное луковичное растение. 19. Соцветие ивы, березы. 21. Металлический барометр. 27. Город в Чувашии. 29. Картина Н. А. Ярошенко. 30. Волокнистая и масличная сельскохозяйственная культура. 31. Итальянский композитор XIX века. 32. Ткань высших растений. 33. Отрасль медицины. 34. Горная порода, строительный камень.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Порт на Днепре. 2. Специальное транспортное судно. 3. Скульптор, народный художник СССР. 4. Комедия Мольера. 6. Ансамбль музыкантов. 7. Один из героев романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 8. Химический элемент, газ. 9. Основоположник русской школы шахматной игры. 15. Птица семейства вороновых. 16. Старинный струнный музыкальный инструмент. 19. Картина А. А. Пластова. 20. Подготовка спектакля, концерта. 22. Языковед, академик, лауреат Ленинской премии. 23. Река в Австралии. 24. Форма для отливки литер типографского набора. 25. Кратковременное поднятие уровня реки. 26. Континент. 28. Пакет для письма.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Конвертер. 8. Бушлат. 9. Диксон. 12. Метод. 13. Меларен. 16. Дебют. 17. Манекен. 18. «Муравей». 19. Изразец. 20. Суффикс. 22. Обручев. 24. Шкала. 25. Огранка. 28. Гайка. 29. Кредит. 31. Хохлач. 33. Мордюкова.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Тобол. 2. Квартал. 3. Грейдер. 4. Белок. 6. Фундук. 7. Кондор. 10. Незабудка. 11. Тюбетейка. 13. Монисто. 14. Атланта. 15. Немцова. 21. Иматра. 23. Реглан. 26. Ротонда. 27. Находка. 30. «Демон». 32. Халва.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Библиотека в доме семьи Сердаровых. (См. в номере материал «Мой дом — моя библиотека».)

Фото Г. Копосова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Высокогорное селение Верхняя Балкария. У мастериц З. Жангуразовой, Ж. Киштыковой и Л. Миссаровой получится теплый красивый ковер — кийиз. * А вот гончаров раньше не было в Кабардино-Балкарии. Но мастера Нальчикского завода художественных изделий освоили производство керамики. (См. в номере материал «Домашнее дело?»)

Фото Н. Бумагиной

Дорогие читатели!

Закончилась подписка на журнал «Огонек» на второе полугодие. Сейчас вы можете оформить подписку с августа и любого последующего месяца в агентствах и отделениях «Союзпечати», на почтамтах, в отделениях связи и у общественных распространителей печати по месту работы.

До конца года «Огонек» предполагает опубликовать новый роман известного советского писателя Ивана Стаднюка, повесть о борьбе советских чекистов с происками ЦРУ «Жизнь и смерть Сократа» А. Зубова, Е. Зотова, Л. Лерова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 23.05.83. Подписано к печати 07.06.83. А 00687. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 850 000 экз. Изд. № 1397. Заказ № 650.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Их стратегические планы —
Шантаж. убийства и обманы...

С. МИХАЛКОВ

Рис. М. АБРАМОВА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663